

Министерство образования и науки
Российской Федерации

Научный журнал
**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**
(продолжение журнала 1947–1975 гг.)

№ 1 (162). Февраль, 2017

Главный редактор
А. В. Воронин, доктор технических наук, профессор
Зам. главного редактора
С. Г. Веригин, доктор исторических наук, профессор
Э. В. Ивантер, доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН
В. С. Сютёв, доктор технических наук, профессор
Ответственный секретарь журнала
Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук

Перепечатка материалов, опубликованных
в журнале, без разрешения редакции запрещена.
Статьи журнала рецензируются.

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrso.ru

Редакционный совет

В. Н. БОЛЬШАКОВ
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Екатеринбург)	Н. Н. МЕЛЬНИКОВ
доктор технических наук,
профессор, академик РАН (Апатиты)
И. П. ДУДАНОВ
доктор медицинских наук,
профессор, член-корреспондент РАН
(Петрозаводск)	И. И. МУЛЛОНЕН
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)
В. Н. ЗАХАРОВ
доктор филологических наук,
профессор (Москва)	В. П. ОРФИНСКИЙ
доктор архитектуры, профессор,
действительный член Российской академии архитектуры
и строительных наук (Петрозаводск)
Ю. ИНОУЭ
профессор (Токио, Япония)	П. ПЕЛКОНЕН
доктор технических наук,
профессор (Йоэнсуу, Финляндия)
А. С. ИСАЕВ
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Москва)	И. В. РОМАНОВСКИЙ
доктор физико-математических наук,
профессор (Санкт-Петербург)
М. ВОХОЗКА
доктор экономических наук
(Чешские Будейовицы, Чешская Республика)	Е. С. СЕНЯВСКАЯ
доктор исторических наук, профессор (Москва)
В. М. ЛЕВИН
доктор физико-математических наук,
профессор (Мехико, Мексика)	К. СКВАРСКА
доктор философии (Прага, Чешская Республика)
Т. П. ЛЁННГРЕН
доктор философии (Тромсё, Норвегия)	А. Ф. ТИТОВ
доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Петрозаводск)
В. И. МАЕВСКИЙ
доктор экономических наук, профессор,
академик РАН (Москва)	Р. М. ЮСУПОВ
доктор технических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия

Р. ГРЮНТХАЛ
доктор философии,
профессор (Хельсинки, Финляндия)	А. Е. КУНИЛЬСКИЙ
доктор филологических наук, профессор,
ответственный секретарь серии (Петрозаводск)
Н. В. ДРАННИКОВА
доктор филологических наук, профессор (Архангельск)	Е. И. ЛЕЛИС
доктор филологических наук (Санкт-Петербург)
П. М. ЗАЙКОВ
доктор филологических наук,
профессор (Йоэнсуу, Финляндия)	Т. Г. МАЛЬЧУКОВА
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)
С. Г. КАЩЕНКО
доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)	Н. В. ПАТРОЕВА
доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск)
Ю. М. КИЛИН
доктор исторических наук,
профессор (Петрозаводск)	А. М. ПАШКОВ
доктор исторических наук,
профессор (Петрозаводск)
С. И. КОЧКУРКИНА
доктор исторических наук (Петрозаводск)	И. А. РАЗУМОВА
доктор исторических наук, профессор (Апатиты)
Ю. В. КРИВОШЕЕВ
доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)	М. И. ШУМИЛОВ
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)

Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

Scientific Journal
PROCEEDINGS
OF PETROZAVODSK
STATE UNIVERSITY
(following up 1947–1975)

№ 1 (162). February, 2017

Chief Editor

Anatoliy V. Voronin, Doctor of Technical Sciences, Professor

Chief Deputy Editor

Sergey G. Verigin, Doctor of Historical Sciences, Professor

Ernest V. Ivanter, Doctor of Biological Sciences, Professor,

The RAS Corresponding Member

Vladimir S. Syuney, Doctor of Technical Sciences, Professor

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Philological Sciences

All rights reserved. No part of this journal may be used
or reproduced in any manner whatsoever without written permission.

The articles are reviewed.

The Editor's Office Address

185910, Lenin Avenue, 33. Tel. +7 (8142) 769711

Petrozavodsk, Republic of Karelia

E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrSU.ru

Editorial Council

- V. BOL'SHAKOV**
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Ekaterinburg)
- I. DUDANOV**
Doctor of Medical Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (Petrozavodsk)
- V. ZAKHAROV**
Doctor of Philological Sciences, Professor (Moscow)
- Y. INOUE**
Professor (Tokyo, Japan)
- A. ISAYEV**
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Moscow)
- M. VOCHOZKA**
Doctor of Economic Sciences
(Ceske Budejovice, Czech Republic)
- V. LEVIN**
Doctor of Physical-Mathematical Sciences,
Professor (Mexico, Mexico)
- T. LÖNNGREN**
Doctor of Philosophy (Tromsø, Norway)
- V. MAEVSKIY**
Doctor of Economic Sciences, Professor (Moscow)
- N. MEL'NIKOV**
Doctor of Technical Sciences,
Professor, the RAS Member (Apatity)
- I. MULLONEN**
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)
- V. ORPHINSKIY**
Doctor of Architecture, Professor,
Full Member of Russian Academy of Architectural Sciences
(Petrozavodsk)
- P. PELKONEN**
Doctor of Technical Sciences,
Professor (Joensuu, Finland)
- I. ROMANOVSKIY**
Doctor of Physical-Mathematical Sciences,
Professor (St. Petersburg)
- E. SENYAVSKAYA**
Doctor of Historical Sciences,
Professor (Moscow)
- K. SKWARSKA**
Doctor of Philosophy
(Praha, Czech Republic)
- A. TITOV**
Doctor of Biological Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (Petrozavodsk)
- R. YUSUPOV**
Doctor of Technical Sciences, Professor, the RAS
Corresponding Member (St. Petersburg)

Editorial Board

- R. GRYŮNTHAL**
Doctor of Philosophic Sciences,
Professor (Helsinki, Finland)
- N. DRANNIKOVA**
Doctor of Philological Sciences, Professor (Arkhangelsk)
- P. ZAYKOV**
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Joensuu, Finland)
- S. KASCHENKO**
Doctor of Historical Sciences, Professor (St. Petersburg)
- U. KILIN**
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)
- S. KOCHKURKINA**
Doctor of Historical Sciences (Petrozavodsk)
- YU. KRIVOSHEEV**
Doctor of Historical Sciences, Professor (St. Petersburg)
- A. KUNIL'SKIY**
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Executive Secretary of the series (Petrozavodsk)
- E. LELIS**
Doctor of Philological Sciences (St. Petersburg)
- T. MAL'CHUKOVA**
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Petrozavodsk)
- N. PATROEVA**
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)
- A. PASHKOV**
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)
- I. RAZUMOVA**
Doctor of Historical Sciences, Professor (Apatity)
- M. SHUMILOV**
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Антощенко А. В.

Размышления Г. П. Федотова о Февральской революции в России 7

Солодкин Я. Г.

«Роспись томских воевод» – летописное сочинение или приказный документ? 14

Сумманен И. М., Светов С. А.

ICP-MS исследование образцов формовочных масс лепной керамики средневековых памятников Карелии 18

Феклова Т. Ю., Чжан Цзючэнь

К истории изучения Китая в XIX веке: естественно-научный аспект сотрудничества Императорской Санкт-Петербургской Академии наук и Российской Православной миссии в Пекине 27

Пройдаков А. А., Суворов Ю. В.

Геноцид сербов как часть политики Независимого государства Хорватия (1941–1945 годы) 37

Джапаридзе А. В.

К вопросу о материальной базе самостоятельного туризма в 1960-х – начале 1980-х годов 41

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Евтушенко О. А.

Письменное воплощение административного дискурса: служебные, докладные, объяснительные записки 46

Орлова Т. А., Тремаскина О. А.

Вербализация концепта DANGER в англоязычных экономических медиатекстах кризисного периода 51

Кунильский А. Е.

Витализм в русской литературе первой половины XIX века 55

Лойтер С. М.

Ирина Федосова в исследованиях К. В. Чистова (к 190-летию со дня рождения И. А. Федосовой) 61

Змеева О. В., Разумова И. А.

Саамское предание как «источник» по истории борьбы с лавинами в Хибинах 67

Пигин А. В.

Неизвестный автограф выговского старообрядческого книжника XVIII века Даниила Матвеева, каргопольского уроженца 74

Снигирева Т. А., Подчиненов А. В., Снигирев А. В.

Этнонациональная проблематика в исполнении Б. Акунина (проект «История Российского государства») 80

Гусарова А. Д.

Как создается мир фэнтези (к вопросу о требовании психологического правдоподобия в фантастике) 86

Котова А. В.

К вопросу о композиции цепей сравнений в «Энеиде» Вергилия 90

Лукьянова Л. М.

О принципах перевода философской прозы Петрарки 94

Сафрон Е. А.

«Низкий» герой в волшебной сказке Северной Европы 98

Кунильская Д. С.

Античная и христианская традиции в романе «Одиссей Полихрониадес» К. Н. Леонтьева 102

Маташина И. С.

Поколение писателей «дагдриваре» и Рунар Шильдт 106

Романовская И. В.

«Евнух души человека...» в романе А. Платонова «Чевенгур»: диалог российского и шведского литературоведения 110

Рецензии

Разумова И. А.

Рец. на кн.: Дубровская Е. Ю. Российская революция 1917 года и Гражданская война в памяти населения Карелии 116

Contents 118

Журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» включен в новый Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, с 01.12.2015 года по отраслям «Исторические науки и археология» и «Филологические науки», специальности: «Литературоведение» и «Языкознание»

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в ОАО «Агентство “Книга-Сервис”» и размещаются на базовом интернет-ресурсе www.rucont.ru

Журнал и его архив размещаются в «Университетской библиотеке онлайн» по адресу <http://biblioclub.ru>

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

**Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrso.ru/req.php>**

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик Н. К. Дмитриева. Верстка Ю. С. Марковой

Дата выхода в свет 28.02.2017. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 80 экз.). Изд. № 23

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–37987
от 2 ноября 2009 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ АНТОЩЕНКО

доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
ant@petsu.ru

РАЗМЫШЛЕНИЯ Г. П. ФЕДОТОВА О ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ

Рассматривается процесс историзации восприятия Февральской революции 1917 года в России выдающимся историком-эмигрантом, который был очевидцем и участником революционных событий в российской столице. Ситуационные и отрывочные свидетельства, сохранившиеся в его письмах того времени, стали основой для исторического нарратива, представляющего революцию как стихийный процесс разрушения старого порядка, завершившийся приходом к власти большевиков. В таком образом представляемой истории не находилось места для февральских событий как имеющих особое значение. Только поиск историком символического смысла Февральской революции придал ей значение знака борьбы за свободу. В конечном итоге интерпретация революционных событий февраля 1917 года стала для Г. П. Федотова средством идейной борьбы с большевизмом и пропаганды необходимости возрождения гражданских свобод в Советском Союзе. Последнее обстоятельство позволило автору сделать вывод о политизации исторических представлений историка-эмигранта.

Ключевые слова: Г. П. Федотов, Февральская революция, сталинизм

Наступивший год воспринимается в нашей стране, да и во всем мире, как год столетней годовщины революционных событий в России, повлекших за собой значимые изменения ее государственного и общественного устройства. Как и всякая юбилейная дата, она вызывает повышенный интерес к историческому событию, которое вновь оказалось в центре внимания. Независимо от характера его оценок интерпретаторы настаивают на объективности своих представлений о свершившемся прошлом. Основанием для таких притязаний служит его отдаленность и завершенность во времени. Однако современное понимание сути исторического познания заставляет усомниться в так интерпретируемом объективизме. Увы, отдаленность и завершенность исторических процессов или событий во времени не может быть гарантом объективности суждений о них. Скорее, каждый важный этап в последующем развитии создает новую перспективу восприятия прошлого, изменяя субъективную интерпретацию произошедшего. В противном случае оно теряет всякий смысл и утрачивает всякое значение. Особенно отчетливо это заметно при обращении к изменению восприятий тех, кто сам был свидетелем или участником значимых событий и пытался впоследствии определить их смысл и значение.

В этой статье будет рассмотрено изменение восприятия начального этапа революционных событий 1917 года известным эмигрантским историком и публицистом Георгием Петровичем Федотовым (1886–1951), творчество которого в последнее время стало предметом пристального внимания отечественных и зарубежных

исследователей. В связи с изучением данной тематики среди многочисленных публикаций следует отметить работы Л. А. Гаман, в которых она исследует взгляды историка на революцию и советскую историю [1], [2]. Исследовательница верно подметила, что Г. П. Федотов характеризовал революцию как длящееся событие, что влияло на изменение оценок ее характера и значения в зависимости от того, как воспринимались бывшим революционером, сохранившим верность своим социалистическим идеалам, преобразования, происходившие в советской России. В отличие от работ Л. А. Гаман, сосредоточившей свои усилия на целостной реконструкции историко-философской интерпретации революции и ее последствий эмигрантским историком, автор данной статьи предполагает вычленить и детально изучить лишь один аспект: восприятие и осмысление Февральской революции, которую, по свидетельству его жены, Георгий Петрович «принял без восторженных иллюзий, скорее со страхом, так как за февралем он провидел лик октября» [11: XI]. Следует сразу отметить, что только в первой части это утверждение было точно, тогда как в последней оно являлось вполне очевидной оценкой *post eventum*, данной с учетом более поздних характеристик историком произошедшего в трагический для России 1917 год. Однако и эти характеристики существенно изменились с течением времени, придав с середины 1930-х годов совершенно иной облик Февралю в историко-публицистическом творчестве Г. П. Федотова.

Таким образом, в статье будут рассмотрены процесс и причины изменения восприятия

Г. П. Федотовым первого этапа революции в ходе исторической меморизации событий 1917 года. Непосредственные впечатления о революционных событиях в столице разваливавшейся Российской империи зафиксированы в его письмах Т. Ю. Дмитриевой, с которой он состоял в переписке почти пятнадцать лет – с 1905 по 1920 год. Обращение к ряду статей историка, появившихся уже после его эмиграции из Советской России во Францию в 1925 году, позволит определить, как эти впечатления превращались в историческое повествование, раскрывающее значение произошедшего как революции и дающее ей вполне определенные оценки. В заключительной части статьи будут определены причины изменения восприятия событий 1917 года и проанализирована их итоговая характеристика, данная в период, когда после начала Второй мировой войны историк оказался в США.

Начало 1917 года Г. П. Федотов встретил в Петрограде, где он работал «вольнотруждающимся» в историческом отделении императорской Публичной библиотеки и был «допущен к чтению лекций и ведению практических занятий» на историко-филологическом факультете столичного университета с весеннего семестра наступившего нового года. Сведений о его непосредственных впечатлениях о случившемся в Петрограде в феврале 1917 года не сохранилось. Лишь в пасхальной открытке, направленной 5 апреля 1917 года (здесь и далее даты приводятся по юлианскому календарю) Т. Ю. Дмитриевой, он отмечал, что среди представителей высшей бюрократии (а среди их общих знакомых была семья выходца из Саратова члена особого присутствия Государственного совета С. Б. Враских) «настроение стоит не контрреволюционное» и замечен «интерес к съезду Советов рабочих депутатов и к товарищу Стеклову» [10: 203]. О положении в городе Г. П. Федотов заметил: «На праздники митингов поменьше стало, хотя в понедельник я ходил на Охту. Там опять был взрыв с человеческими жертвами (6 человек)» [10: 203].

Отдавая дань революционным увлечениям молодости, когда в годы Первой русской революции он активно участвовал в нелегальной деятельности большевистской организации саратовских социал-демократов в 1905–1906 годах и даже был избран в состав их городского комитета, Г. П. Федотов вновь включился в пропагандистскую работу в 1917 году. Правда, теперь его можно было бы охарактеризовать как социалиста-оборонца, что определило его отношение к факту возвращения В. И. Ленина в Россию. Так случилось, что Георгий Петрович стал свидетелем встречи вождя большевиков на Финляндском вокзале. «“Изменника” встретили с воинскими почестями (солдаты, офицеры, бронированный автомобиль, оркестр и т. д.). Он призывал к социалистической революции, окруженный штыками. Удивительная Россия» [10: 203].

Оценивая значение ленинских апрельских тезисов, Г. П. Федотов замечал, что «Ленин хотя и изолировал себя в Совете депутатов, но в массах его лозунги имеют успех» [10: 203]. И все же он считал в конце апреля, что «ленинцы не страшны» и даже «обезврежены, кажется, вполне» [10: 204]. Георгий Петрович больше тревожило, с одной стороны, положение в деревне, а с другой – «растущая вражда к Англии». «Сердце беспокойно, – писал он о личных настроениях, – живешь в вечной тревоге. Эти переходы от надежды к отчаянию отнимают все силы. Ах, кабы мир поскорее. А тогда пусть горят усадьбы, пусть стреляют в Петрограде. Не страшно» [10: 203–204].

Поскольку он уже давно не занимался «аграрным вопросом», по которому охотно высказывался в годы Первой русской революции, постольку в своих многочисленных выступлениях на многолюдных митингах и в ряде лекций в Лутыгинском университете сосредоточил внимание именно на вопросах войны. Его выступления были тогда же опубликованы в виде брошюры «Война и ее происхождение».

Г. П. Федотов выделял три важнейших ряда причин войны: экономические, национальные и политические. Первый из них определялся им в марксистском ключе, как империалистическое стремление «к мировому господству или власти над территориями чужих стран ради хозяйственных выгод» [3: 81]. Однако вина в большей степени переносилась Г. П. Федотовым на «захватнический империализм» Германии и Италии, которому противостоял «охранительный, консервативный империализм» Англии и Франции. Второй ряд причин представляла нерешенность национальных проблем, порожденных XIX веком. И здесь симпатии Георгия Петровича были на стороне Франции, вступившей в войну для решения эльзас-лотарингского вопроса. Наконец, третий ряд причин крылся в политической отсталости России и милитаризме Германии. Главное обвинение выдвигалось против последнего, ибо мнение о сознательном провоцировании войны Россией летом 1914 года признавалось ошибочным. Однако начало войны и втягивание в нее все новых участников усиливало империалистические устремления всех стран, в том числе и Антанты.

Недоверие Г. П. Федотова к Временному правительству было вызвано внешней политикой П. Н. Милюкова. Его известная нота, подтвердившая верность России союзническим обязательствам, по мнению Георгия Петровича, едва не спровоцировала гражданскую войну. «Много тяжелых часов пришлось здесь пережить, когда едва-едва не разразилась гражданская война, – писал он Т. Ю. Дмитриевой 25 апреля 1917 года. – Пролившаяся кровь произвела сильное отрезвляющее впечатление. Люди стали спокойнее,

но посеяна рознь между рабочими и частью солдат» [10: 205]. Внешней политике первого кабинета Временного правительства Г. П. Федотов противопоставлял последовательное проведение лозунга «мир без аннексий и контрибуций на основе права народностей на самоопределение» [3: 96]. Однако это не означало его приверженности трактовке этого лозунга большевиками, чьи взгляды и деятельность он считал изменческими. Георгий Петрович полагал, что наиболее эффективным средством покончить с войной является социальная революция, но способом ее реализации должно было стать не «насильственное восстание», а «революция в сознании, действительно моральное торжество пролетариата и проведение им в жизнь идей социализма» [3: 95]. Среди ведущих идей, которые должны утвердиться в сознании пролетариата, Г. П. Федотов отмечал идею интернационализма. Призыв к миру, однако, не означал необходимости его немедленного заключения, ибо ситуация была более выгодной для «германского кайзеризма». Пока он не будет уничтожен, возможности справедливого и прочного мира остаются призрачными. Вывод Г. П. Федотова о необходимости вести войну до победного конца звучал парадоксально: «...социализм, войну отрицающий, должен еще продолжать ее для осуществления своих идеалов. Это – трагическое противоречие, но путь истории всегда есть путь трагический» [3: 100].

События в Петрограде в начале июля он пропустил, так как был в отпуске в родном Саратове. По возвращении в столицу с малой родины в самом конце июля он заметил: «Политика здесь допускается только патриотическая. На больших митингах, которые здесь опять появились после разгрома армии, зовут все спасать отечество. Но общее настроение упадочное и равнодушное – т. е. по наружному виду. Толпа народу целый день глазет за решетку Инженерного замка, где учатся и возятся наши амазонки (речь шла о женском батальоне. – А. А.). Дни займа свободы прошли не очень вяло. Но если правда, что нас могут спасти только героические усилия, то мы пропали. Я, однако же, в тайниках души думаю, что, может быть, Россию спасет просто сила инерции. Трудно разрушить такую махину. Немцы остановились, и если так продержится до осени, то мы спасены. Голодать будем, но к этому мы привыкаем постепенно» [10: 206].

Революционные события 1917 года вызывали у многих российских интеллектуалов ассоциации с Великой французской революцией. Не избежал этого соблазна и Г. П. Федотов, обратившись к собраниям Публичной библиотеки в летние месяцы после своего отпуска. «В библиотеке пустынно и прохладно, – писал он Татьяне Юлиановне 31 июля 1917 года. – Мои коллеги в отпуску, и никто мне не мешает наслаждаться испарениями веков, которые выдыхают книги.

Путешествую по старой Франции, перелистывая фолианты гравюр 30^х гг. Заглянул во французскую революцию и начал успокаиваться за Россию. Дикости и озверения там было больше» [10: 206]. Однако имевшаяся еще тогда надежда на то, что «эта власть с республикой могут уцелеть, если судьба избавит нас от новых катастроф», не оправдалась. Развитие событий после неудачного летнего наступления на фронте привело, в конечном счете, к падению правительства А. Ф. Керенского.

«Милая Таня, – писал Г. П. Федотов через неделю после захвата красногвардейцами и революционными солдатами и матросами Зимнего дворца, – с падением Керенского не осталось никаких надежд на сохранение республики. Мы отрезаны от России, слышим ужасы о Москве, но наши битвы были за городом, и город почти не пострадал. Живем в атмосфере сдержанного негодования и ждем, когда перестанут давать хлеб и свет» [10: 207–208].

И еще через неделю, 11 ноября: «Дорогая Таня! Сейчас получил твое письмо с описанием саратовских ужасов. Мы не пережили здесь и десятой доли ваших впечатлений. Просто потому, что в большом городе все события рассеиваются в пространстве. Я, например, не слышал ни одного выстрела во время бомбардировки Зимнего дворца и Владимирского училища. Духовное состояние было ужасное. Рухнули последние надежды на сохранение России, республики, чести. Целую неделю ждали избавления от Керенского, от ставки, потом от Каледина. Никто не двинулся. Теперь судьба России в руках авантюристов, шпииков и бывших охранников. То же, что в доброе распутинское время. Нужно сказать только правду, что рабочие массы переживают это серьезно. Для них тут социальная революция, то есть начало земного рая. Как ужасно будет разочарование! Уже сейчас закрылось большинство (говорят) заводов в Петрограде. Хлеба дают $\frac{3}{4}$ фунта на два дня, а скоро...

Насилий над личностью немного. Грабежи сильно сократились первое время, и мы имеем образец “революционного порядка”. Но сейчас опять грабят на улицах среди белого дня. Но не это главное. Сепаратный мир становится фактом, а этого позора никто не смоят с истории России» [10: 208].

Приход к власти «ленинцев» и их желание заключить сепаратный мир с Германией Г. П. Федотов воспринял как национальную катастрофу, которая завершится полным распадом российской государственности, немецкой оккупацией и реставрацией капитализма. Поэтому, не отрекаясь от «интернационалистического мирозерцания», он указывал на значение «национальной политики» возрождения России в журнале «Свободные голоса» [3: 104–112], первый номер которого появился в апреле 1918 года и сразу же был запрещен советской цензурой.

Именно национально-патриотические устремления были определяющими при первоначальном осмыслении историком значения революции 1917 года после того, как он оказался в 1925 году в Париже. В своих первых статьях о судьбах России и русской интеллигенции, помещенных в евразийском издании «Версты» (1926), он в близком евразийцам духе ставил задачу преодоления разрушительных тенденций революции посредством «национального творчества» [4: 5–22]. Правда, в отличие от евразийцев Г. П. Федотов не был склонен видеть историческую причину разложения Российской империи, завершившегося революционной катастрофой, в петровских преобразованиях. Скорее, напротив, измена начатому Петром Великим делу просвещения и вырождение этого процесса в поверхностное просветительство утратившей связь с народом интеллигенции привели к катастрофическому обвалу.

Г. П. Федотов не считал революцию результатом сознательной деятельности политических партий. Она была порождением народной стихии, которая окончательно уничтожила интеллигенцию. Но Г. П. Федотов не соглашался примириться с необходимостью такого хода истории. Он видел иную возможность: «народ отрывается от исторической почвы, интеллигенция хранит религиозное сознание» [4: 62]. Этой возможностью предполагалось возрождение интеллигенции.

Так или иначе, но рассмотрение революционного процесса как распада Российской империи и государственности вело его к близкому евразийцам игнорированию какой бы то ни было роли февральских событий в революции, важнейшими для которой оказывались события октября. Именно они определяли смысл случившегося в стране, являясь завершением исторического нарратива о революционных потрясениях 1917 года.

Эту позицию он занимал и после того, как полностью разошелся с евразийцами на путях осмысления прошлого России и ее «пореволюционной» современности. В ряде статей, опубликованных в газете «Дни» и журнале «Современные записки» на рубеже 1920–1930-х годов и объединенных в книгу «И есть, и будет» (1932), посвященную анализу причин развала Российской империи, он рассматривал разложение скрепляющей ее системообразующей связи – «идеи царя, религиозной для народа и национальной для дворянства» [5: 8]. На первый план в книге выдвигался социальный аспект произошедшего на родине, который изучался на общем фоне освещающей его культуры. Такое определение исследовательских приоритетов вытекало из представления о том, что революция в России была социальной. Социальные группы выделялись Г. П. Федотовым не по совокупности внешних признаков, а путем выявления типичных психологических мотивов их

поведения, порождаемых условиями быта и потому объединяющих их представителей в сословия, классы и другие социальные образования (например, «новую демократию»). В результате процесс разложения социального организма Российской империи представлялся в виде нарратива, последовательно выводящего на первый план то одну, то другую социальную группу (дворянство, бюрократию, интеллигенцию и т. д.), скрепленную ментальной связью, которая постепенно разрушалась. Дополнительным осложняющим мотивом была «атония» дворянства, которая как гангрена разъедала здоровые ткани других социальных групп, способствуя их гибели. В заключительной части рассматривались сведенные воедино альтернативные возможности, которые не реализовались, что еще раз доказывало неизбежность революции.

Логика представления негативного аспекта революционной стихии – развала и разрушения старого – и желание найти хоть какие-нибудь творческие элементы в пореволюционной России вновь толкали Г. П. Федотова к достаточно скептическим оценкам февральских событий. Он был критичен в своих характеристиках Временного правительства, жившего «фикцией легальности». Желание «правительства демократии» легитимировать решение насущных вопросов, предоставив их рассмотрению Учредительному собранию, он оценивал как «правовой фетишизм» [5: 64], который привел в конечном счете к капитуляции перед большевиками. Такое федотовское обозначение целей и действий демократических лидеров вполне соответствовало его отречению от «кумиров старой России», среди которых в это время числились не только монархия и социализм, но и «формальная демократия» [5: 6]. Правда, и «партия национальной России», которую он отождествлял с офицерами «кадетского толка», поддержавшими выступление Л. Г. Корнилова, оказалась не на высоте. Направленное против «социалистического правительства Керенского» выступление не удалось, что свидетельствовало о бесперспективности «военной диктатуры, о которой мечтали офицерство и вся буржуазная Россия» [5: 64].

Если обратиться к общим характеристикам Г. П. Федотовым февральско-мартовских дней 1917 года в конце 1920-х и начале 1930-х годов, то легко заметить их окрашенность личным чувством, порожденным еще живыми воспоминаниями. «Тяжело и стыдно вспоминать, мучительно перечитывать речи 1917 года. Это горькое чувство стыда рождается из основного ощущения лжи – то есть несоответствия между словами и реальностями. ...Февраль и март были мобилизацией ополчения революционной армии, давно уже не имевшей актива. Мирным людям, культурным работникам приходилось перестраивать свой душевный лад, из забытых

недр памяти извлекать красные слова. Кое-кому удавалось опьянять себя фразой. Другие поддерживали бодрость, спешно перелистывая истории французской революции. Почти у всех кошки скребли на сердце. Странная это была революция, где революционерам приходилось тушить, а не раздувать ее» [5: 63].

Существенное изменение в аспектах восприятия, а следовательно, и в оценках Февраля, который превращался из прошлой пережитой реальности в символ, определяющий действия в будущем, заметно в небольшой по объему, но очень емкой по содержанию статье, опубликованной в год двадцатилетия революционных событий 1917 года. Среди причин, обусловивших это изменение, можно назвать, прежде всего, крупные социально-политические события первой половины 1930-х годов. Ими были, во-первых, порождавшие тревогу за будущее и создававшие новую перспективу видения прошлого национализация революции и утверждение «сталинокрапии» в Советской России, а также приход национал-социалистов к власти в Германии, означавшие для историка расширение и усиление попирающих человеческую свободу тоталитарных режимов в Европе, первым из которых был итальянский фашизм [6: 18–37, 289–303]. Во-вторых, возникновение русского фашизма в среде российских эмигрантов, ставшее следствием слияния национально-патриотических устремлений эмигрантской молодежи с антибольшевистским активизмом, что вызывало неприязнь Г. П. Федотова [6: 206–220]. Помимо этого следует отметить важные изменения в его мировоззрении. Прежде всего, это выработка Г. П. Федотовым в результате изучения истории древнерусской святости [8] и народной религиозности [6: 81–205] основ для культурно-исторической идентичности российских эмигрантов, а значит, и своей собственной. А также неразрывно с этим связанное оформление идеологии христианского социализма [4: 234–247] (или «персоналистического социализма», как вслед за Н. А. Бердяевым называл его историк). Наконец, думается, что не следует игнорировать и чисто личностный момент – знакомство Георгия Петровича с А. Ф. Керенским, положившее начало его активному сотрудничеству в издаваемом бывшим главой Временного правительства журнале «Новая Россия».

«Февраль и октябрь» (1937) – так назвал свою помещенную в этом журнале статью Г. П. Федотов, стремившийся по-новому осмыслить отношения между этими двумя стадиями революции. С социологической и исторической точек зрения они по-прежнему выглядели для него как неразрывные звенья единой цепи революционного процесса. Однако обращение к сознанию групп, возглавлявших борющиеся классы, позволило историку не только разорвать, но и противопоставить эти два периода. С точки зрения

моральной, «февраль не только не породил октября в этом смысле (в утверждении имморализма в политике. – А. А.), но в противостоянии ему нашел себя» [7: 76]. Вынесение духовной генеалогии лидеров Февральской революции за рамки освободительной традиции революционной интеллигенции создавало для Г. П. Федотова такую перспективу, которая позволяла увидеть в ее основании «забытые, но еще живые заветы русского деятельного христианства, прошедшие сквозь разум западноевропейского, тоже христианского гуманизма» [7: 76]. В результате Февраль превращался в символ гуманизма, деятельного, социального христианства и, конечно же, Свободы (именно так, с большой буквы!), а случайные детали «демократических программ», «полу-якобинская, полу-марксистская фразеология, неуверенная тактика» предавались забвению.

Вновь к теме Февраля Георгий Петрович обратился в 1950 году, находясь уже в США, куда перебрался вскоре после оккупации Франции немецкими войсками. По просьбе сына своего давнего друга С. Л. Франка – Виктора Семеновича, назначенного на лондонском радио Би-би-си заведующим русским отделом, Г. П. Федотов подготовил «скрипт» для эфира. Тем самым он мог не только выразить свое отношение к давно произошедшему, но и оказать определенную материальную помощь своей жене, которая не смогла приспособиться к жизни в Америке и вернулась в Париж. Плату за написанный текст (9 гиней, или около 36–40 долларов) нельзя было перевести в США, но ее могла получить жившая во Франции Елена Николаевна!

Однако понятно, что не это было тем главным обстоятельством, которым определялся характер текста беседы и его оценок. Беседа должна была выразить полное неприятие автором большевистского правления в СССР, еще больше обостренное в послевоенный период тем, что некоторые из близких Г. П. Федотову в парижский период его жизни друзей (прежде всего Н. А. Бердяев, с которым Георгий Петрович вел непримиримую полемику по этому вопросу [9: 194–209]) приветствовали освободительную миссию советской армии в Европе. В ней историк видел лишь распространение режима сталинокрапии на восточноевропейские страны. Именно этим обуславливался ярко выраженный пропагандистский характер выступления, в котором анализ исторических реалий практически не оставалось места. Помимо этого на стиль изложения материала повлияли советы В. С. Франка, которыми тот сопровождал свою просьбу к одному из «выдающихся представителей русского зарубежья» о подготовке текста. Достаточно низкий уровень слушателей и невозможность, как при чтении напечатанного текста, возвращаться к уже прочитанному обуславливали, по мнению В. С. Франка, желательность «упрощенного синтаксиса»

и «повторения (repetitiveness)» основных мыслей. В идейном плане он предоставлял Г. П. Федотову полную свободу, предупредив, что «нашим авторам разрешается максимально резкая критика советского строя, но возбраняется любой призыв к действию»².

В результате получился короткий «скрипт», который трижды прозвучал на волнах Би-би-си 14 и 15 марта 1950 года³. Его основной идеей стало признание Февральской революции событием, давшим России «хоть на короткое время» свободу. Февралю противопоставлялся Октябрь, положивший начало уничтожению этой свободы. Временное правительство характеризовалось как сформированное «по соглашению Государственной думы и Петроградского совета рабочих депутатов» из людей, известных «всей России своей неподкупностью, честностью и преданностью народной свободе», а Учредительное собрание, избранное на основе «действительно демократического закона о выборах», – как подлинно легитимный орган, призванный решить насущные проблемы, стоявшие перед страной. Главной причиной неудачи Февральской революции называлась война, которой воспользовались большевики, вносящие «смуту в ум народа». Им удалось обмануть «еще не просвещенные и в большинстве неграмотные» народные массы, уставшие от войны, лозунгами «мира, хлеба и свободы». Ни один из этих лозунгов не был претворен в жизнь большевиками. Особенно Г. П. Федотов подчеркивал значение последнего из них: «Люди начали понимать, что без свободы нельзя по-настоящему иметь и хлеба, нельзя иметь и мир. И не может быть только свобода для себя, для своей партии, для своего класса. Свобода может быть для всех или ни для кого. И вот в той смертной тоске, в которой живут сейчас русские люди, они начинают вспоминать о забытом Феврале»⁴.

Таким образом, в формировании и эволюции представлений Г. П. Федотова о Февральской революции отчетливо прослеживается несколько этапов. Непосредственное восприятие революционных событий 1917 года, зафиксированное в его корреспонденции, носило явно выраженный ситуационный характер и эмоционально окрашивалось переходами от надежд к опасениям, которые в конечном итоге сбылись. Как социалист-оборонец, историк интуитивно чувствовал, что разрушительный период революции должен был завершиться с падением самодержавия, что определяло его негативное отношение к деятельности «ленинцев», захвативших в конечном сче-

те власть. Признавая произошедшее в октябре 1917 года национальной катастрофой, Г. П. Федотов считал необходимым противостоять ее негативным последствиям, формулируя задачи национально-патриотического возрождения страны. Однако возможность для свободного высказывания своих представлений о желательных перспективах революции у него появилась только после эмиграции во Францию. Здесь на рубеже 1920–1930-х годов он сформулировал собственный взгляд на причины, характер и последствия случившегося на родине и программу необходимых преобразований в России в рамках «пореволюционной идеологии», противопоставляемой большевизму, но исходившей из признания революции как свершившегося факта. Этим определялось игнорирование значения Февральской революции. Она не могла иметь самостоятельного значения, являясь лишь эпизодом в разрушительном революционном процессе, приведшем к власти большевиков. Представляя этот процесс как изменение социальной реальности, историк считал вполне возможным включить в ее характеристику собственные впечатления, которые должны были усилить его аргументацию латентным указанием на положение очевидца и участника событий. Последние аргументы утратили свою силу, когда Г. П. Федотов под влиянием целого ряда экзогенных по отношению к пониманию значения российской революции факторов изменил свою точку зрения примерно в середине 1930-х годов. Символический смысл революции, который теперь необходимо было раскрыть, менял не только представления об осмысливаемом феномене, в котором на первый план выдвигались не социальные, а идеологические и нравственные аспекты, но и его значение. Борьба за свободу (в том числе и формальную) в условиях нарастающей угрозы тоталитарных режимов в преддверии Второй мировой войны определяла восприятие Февраля как одного из символов этой борьбы в прошлом. Поэтому непосредственное восприятие историком происшедшего в 1917 году в российской столице утрачивало характер аргумента, а непосредственность собственной пропагандистской деятельности предавалась забвению. Такое изменение вело в конечном итоге к превращению оценок революции в открытую пропаганду собственных политических взглядов в изменившихся условиях, что и произошло в итоговом «скрипте» Г. П. Федотова, представившем советским слушателям обоснование необходимости возрождения гражданских свобод в СССР.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Письмо Г. П. Федотова жене от 1 марта 1950 г. // Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. Rare Book and Manuscript Library. Columbia University (далее – BAR). Ms. Coll. Georgii Petrovich Fedotov. Box 2. Folder: Letters of George Fedotov to His Wife, 1950.

² Письмо В. С. Франка Г. П. Федотову от 10 февраля 1950 г. // BAR. Ms. Coll. Georgii Petrovich Fedotov. Box 3. Folder: Incoming correspondence. V. Frank.

³ Письмо В. С. Франка Г. П. Федотову от 15 марта 1950 г. // BAR. Ms. Coll. Georgii Petrovich Fedotov. Box 3. Folder: Incoming correspondence. V. Frank.

⁴ Федотов Г. П. Годовщина Февраля // BAR. Ms. Coll. Georgii Petrovich Fedotov. Box 4. Folder: Manuscripts. Articles and Books. «Godovshchina Fevralia».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Г а м а н Л. А. Некоторые аспекты интерпретации Г. П. Федотовым русской революции 1917 года // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. № 1. С. 69–75.
2. Г а м а н Л. А. Советская история в изображении Г. П. Федотова: к постановке вопроса // Известия Томского политехнического университета. 2005. Т. 308. № 3. С. 213–218.
3. Федотов Г. П. Собр. соч. Т. 1. М.: Мартис: Sam&Sam, 1996. 349 с.
4. Федотов Г. П. Собр. соч. Т. 4. М.: Sam&Sam, 2012. 480 с.
5. Федотов Г. П. Собр. соч. Т. 5. М.: Sam&Sam, 2011. 424 с.
6. Федотов Г. П. Собр. соч. Т. 6. М.: Sam&Sam, 2013. 504 с.
7. Федотов Г. П. Собр. соч. Т. 7. М.: Sam&Sam, 2014. 488 с.
8. Федотов Г. П. Собр. соч. Т. 8. М.: Мартис: Sam&Sam, 2000. 268 с.
9. Федотов Г. П. Собр. соч. Т. 9. М.: Sam&Sam, 2004. 383 с.
10. Федотов Г. П. Собр. соч. Т. 12. М.: Sam&Sam, 2008. 504 с.
11. Федотова Е. Н. Георгий Петрович Федотов (1886–1951) // Федотов Г. П. Лицо России. Статьи 1918–1930. 2-е изд-е. Paris: YMCA-Press, 1988. С. I–XXXIV.

Antoshchenko A. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

GEORGE FEDOTOV'S REFLECTIONS ON THE FEBRUARY REVOLUTION IN RUSSIA

The article discusses the process of historicizing perception of the 1917 Russian February Revolution by the eminent émigré historian who was an eyewitness and a participant of the revolutionary events unravelling back then in the Russian capital. Situational and fragmentary evidences, which were preserved in his letters of the time, became the basis for the historical narrative, which represented the revolution in focus as a spontaneous process of *ancient regime* destruction, ended by the Bolsheviks *coup d'État*. Therefore, the history represented in such a manner had no place for the February events as a phenomenon of particular importance. It was a search of the historian for a symbolic meaning of the February Revolution that turned it into a sign of the struggle for freedom. Ultimately, the interpretation of the revolutionary events became George Fedotov's tool for the ideological struggle against Bolshevism and his advocacy for the revival of civil liberties in the Soviet Union. The latter circumstance allowed the author to conclude that the historian-emigrant constructed his latest historical representations for some political purposes.

Key words: George Fedotov, February revolution in Russia, Stalinism

REFERENCES

1. G a m a n L. A. Some aspects of the interpretation of the Russian Revolution in 1917 by George Fedotov [Nekotorye aspekty interpretatsii G. P. Fedotovym russkoy revolyutsii 1917 goda]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2006. № 1. P. 69–75.
2. G a m a n L. A. Soviet history depicted by George Fedotov: on the issue of the question [Sovetskaya istoriya v izobrazhenii G. P. Fedotova: k postanovke voprosa]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*. 2005. Vol. 308. № 3. P. 213–218.
3. Fedotov G. P. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 1. Moscow, Martis, Sam&Sam Publ., 1996. 349 c.
4. Fedotov G. P. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 4. Moscow, Sam&Sam Publ., 2012. 480 c.
5. Fedotov G. P. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 5. Moscow, Sam&Sam Publ., 2011. 424 c.
6. Fedotov G. P. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 6. Moscow, Sam&Sam Publ., 2013. 504 c.
7. Fedotov G. P. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 7. Moscow, Sam&Sam Publ., 2014. 488 c.
8. Fedotov G. P. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 8. Moscow, Martis: Sam&Sam Publ., 2000. 268 c.
9. Fedotov G. P. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 9. Moscow, Sam&Sam Publ., 2004. 383 c.
10. Fedotov G. P. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 12. Moscow, Sam&Sam Publ., 2008. 504 c.
11. Fedotova E. N. Georgii Petrovich Fedotov (1886–1951) [Georgii Petrovich Fedotov (1886–1951)]. *Fedotov G. P. Litsa Rossii*. 2^d ed. Paris, YMCA-Press Publ., 1988. P. I–XXXIV.

Поступила в редакцию 27.01.2017

ЯКОВ ГРИГОРЬЕВИЧ СОЛОДКИН

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России гуманитарного факультета, Нижневартковский государственный университет (Нижневартовск, Российская Федерация)
hist2@yandex.ru

«РОСПИСЬ ТОМСКИХ ВОЕВОД» – ЛЕТОПИСНОЕ СОЧИНЕНИЕ ИЛИ ПРИКАЗНЫЙ ДОКУМЕНТ?

Немало проблем истории позднего русского летописания до сих пор остаются дискуссионными. Одна из них, рассмотрение которой является целью статьи, – определение жанровой принадлежности «Росписи томских воевод», сопровождающей в большинстве рукописей Томский вид Нарышкинской редакции Сибирского летописного свода. В задачи работы входит решение вопроса о том, служит ли эта «Роспись» приказным документом или же ее можно признать своеобразным летописным памятником. Методом исследования выступает сопоставление списка администраторов Томска XVII века с аналогичными перечнями из нескольких редакций указанного свода («Описания о поставлении городов и острогов в Сибири по взятии ее...»), двинских и устюжских летописей. В результате можно заключить, что «Роспись» (подобно «реестру» тобольских «начальных людей» конца XVI – первой трети XVII века, уцелевшему лишь в одной рукописи) не является выборкой из Сибирского летописного свода вроде тех, которые были известны Г. Ф. Миллеру по Березову, Верхотурью и Нарыму, а представляет собой самостоятельное произведение. Видимо, оно было создано в приказной избе Томска на основании хранившейся там документации с целью определить последовательность и хронологию пребывания воевод и дьяков в одном из разрядных центров Сибири. Следовательно, есть основания включить это сочинение в число летописных, однако его не стоит относить к так называемым городским летописям. Будучи административным справочником, составленным в привычной для XVII века манере повременных записей, «Роспись томских воевод» показывает, как в эпоху позднего Средневековья документальные источники влияли на содержание и литературную форму летописных произведений.

Ключевые слова: Томск, перечень его администраторов XVII века, Сибирский летописный свод, документ, хронология службы томских воевод и дьяков, летопись в форме административного справочника

XVII век в истории русской духовной культуры отмечен, в частности, интенсивным развитием провинциального (регионального) летописания, прежде всего в Азиатской России. Наряду с ее столицей – Тобольском, где возникло «Сказание» Саввы Есипова, главным образом посвященное «Ермаковой одиссее», велся свод «о поставлении городов и острогов в Сибири по взятии ее...», одним из центров сибирского летописания (подчас даже в первых десятилетиях этого века [9: 9]) считается Томск. Основанием для такого заключения явился рапорт Нарымской воеводской канцелярии от 15 апреля 1761 года (составленный в ответ на анкету Г. Ф. Миллера), где приводится известие Томского летописца о строительстве в течение 1590/91, 1591/92 и 1593/94 годов Пельма, Березова, Сургута, Нарыма и Томска [9: 61], [11: 69, 87]. Об этом мы читаем, однако, в Сибирском летописном своде (далее – СЛС) нескольких редакций (где упоминается о сооружении названных городов и в 1592/93 году)¹, списком которого, а вовсе не самостоятельным памятником, и мог быть летописец, про который из Нарыма сообщили в Санкт-Петербург. Зато, как установлено Н. А. Дворецкой, существовал Томский вид Нарышкинской редакции (далее – НР) СЛС. В 5 из 6 списках данного вида «Истории о Сибирстей

земли (земле) и о царстве (царствии), и к нему принадлежащих (приналежащих) странах...» за ним следуют послание тобольского митрополита Игнатия в Красноярск и «Роспись томских воевод» (далее – Р) [7: 26–28]. (Утверждения, будто Томский вид НР СЛС включает Р [3: 241], а послание Игнатия входит в состав этого свода [1: 29, 30], [4: 171–172]², неточны).

Р «Из начала как Томской город почал быть и воеводы московские учали приезжать в лето 7100 году»³ (далее, однако, говорится, что «воеводы в Томской учали ездить со 113 (1604/05. – Я. С.) году») представляет собой перечень администраторов, сменявших друг друга в городе, «срубленном» «на Томе реке... на горе над Ушайкою речкою», вплоть до появившихся в Томске 2 августа 1699 года стольников Г. М. и Л. Г. Петрово-Солововой, «товарищем» которых был подьячий с приписью С. Великосельский. Заключительное известие Р должно считаться припиской, сделанной до 1702 года, когда преемником Великосельского (в том же чине служившего вместе с воеводой В. А. Ржевским, о чем в Р умалчивается) стал «присланный» из Посольского приказа подьячий А. Симанов (два года спустя его перевели «на Верхотурье», а «томлянин» С. И. Великосельский вновь оказался воеводским «товарищем») [2: 177]⁴.

В отличие от СЛС в Р не сказано о письменных головах Томска, отсутствуют данные о ряде воевод, дьяков, подьячем И. Селетцыне [12: 90–95]⁵, воеводы Осип Тимофеевич Хлопов и Федор Григорьевич Шишкин называются Осипом Васильевичем и Федором Ивановичем соответственно, а Петр Андреевич Козловский – Иваном Семеновичем, пропущено имя дьяка Маркова (Алексей) [2: 175, 176].

В Р немало известий, которых мы не встретим в СЛС, да и нередко в других источниках. Так, сказано о том, что приехавшие 14 сентября на место, где предстояло возвести крепость, «воеводы головы» Г. Писемский и В. Тырков (точнее, последний являлся тобольским сыном боярским, а Писемский – письменным головой, в том же чине накануне служившим в Сургуте) «город обложили в 17 день» (вернее, это случилось 27 сентября [5: 404]). Указание на то, что «атаман Иван Пушин (служивший в Томске с 1609 года. – Я. С.) сидел (управлял. – Я. С.) год» вслед за воеводами В. В. Волинским и М. И. Новосильцевым, не имеет аналогий ни в летописях, ни в документах. (Согласно одному из них, в 1612/13 году «воеводское Михайлово место Новосильцово... в Томском городе» занял В. Ф. Тырков [8: 59, 62]). Если верить Р, умершего в Томске дьяка Б. И. Патрикеева сменил М. Н. Ключарев (об этом известно и документально⁶). Последний в СЛС значится как дьяк в «перемене» воевод М. П. Волинского и Б. А. Коковинского (1649–1652 годы), а о кончине Патрикеева идет речь лишь в Книге записной (далее – КЗ) – старшей из сохранившихся редакций «Описания о поставлении городов и острогов в Сибири по взятии ее...»⁷. (Н. Н. Покровский, Л. Е. Морозова и Н. Д. Зольникова называют КЗ Томской. Но она явно создана в Тобольске, хотя единственный сохранившийся список этой летописи хранится в Научной библиотеке Томского государственного университета.) В Р упоминается о смерти дьяка П. Михайлова – сослуживца стольника Н. О. Нащокина и А. Ф. Болтина – в 1651/52 году. В КЗ, где сообщается о кончине этого дьяка (без даты), он отнесен к «перемене» И. Н. Примкова-Ростовского (1656–1659 годы), в других редакциях свода о том, что П. Михайлова в Томске не стало, умалчивается⁸. Лишь из Р мы узнаем о том, что дьяк Ф. Леонтьев «сидел» в Томске с 13 июля 1678 года, а «отпущен» обратно в 1681/82 году (в КЗ говорится о приезде Ф. Н. Леонтьева в город на Томи в 1677/78 году). Дьяк В. Г. Шпилкин, по данным составителя Р, скончался 12 декабря 1674 года. В Головинской редакции (далее – ГР) СЛС смерть этого дьяка приурочена к 1674/75 году, в остальных разновидностях памятника о ней сказано без обозначения времени⁹. В Р мы не прочтем, подобно КЗ, что князь Д. И. Щербатый получил назначение в Томск в 1643/44 году, а когда умер, то на воеводстве его сменил родной брат Осип (в следующем году). По данным Р, «товарищем» Д. И. Щерба-

того являлся А. А. Молвянинов, затем «переменный» И. Н. Бунаковым. В СЛС же Молвянинов представлен сослуживцем (с 1639/40 года) князя С. В. Клубкова-Мосальского¹⁰. В отличие от большинства редакций этой летописи в Р не сообщается о том, что И. Ф. Монастырев до того, как 24 августа 1671 года (в КЗ говорится про 22 августа) стал томским воеводой, управлял Нарымом либо еще и Кетском, в 1680/81 году тобольского письменного голову стряпчего И. Ф. Суворова перевели на воеводство в Томск, откуда он отправился в поход против киргизов. Как повествуется в КЗ, при воеводе князе С. В. Клубкове-Мосальском «была служба на киргиз в Томском со всех городов», которую (после «отказа» ратных людей младшему тарскому воеводе Я. О. Тухачевскому) «дослужил» второй томский воевода И. С. Кобыльский. В Р, подобно ГР и НР СЛС, Кобыльский упоминается только как «товарищ» Клубкова-Мосальского¹¹. Согласно ГР, стольник князь А. М. Кольцов-Мосальский был назначен в Томск 4 (в одном списке говорится про 1) мая 1683 года; судя по Р, этот воевода стал выполнять свои обязанности с 25 июля того же года. В Р нет и встречающихся в КЗ и ГР известий о сосланных в Томск и «поставлении» туда протоппа¹². В отличие от большинства разновидностей свода в Р даже не говорится об образовании в Сибири нового разряда с назначением на воеводство в Томск в 1628/29 году князя П. И. Пронского¹³. (Указ об образовании этого разряда появился в конце 1628 года.) Учтем также, что в Р (что соответствует документальным данным) сказано о пятилетнем «сидении» В. В. Волинского и М. И. Новосильцева в Томске начиная с 1607/08 года, тогда как «слогатель» КЗ упоминает о назначении туда указанных воевод (которые якобы вместо заложенного годом прежде острога выстроили рубленый город) в 1601/02 году¹⁴. Данные наблюдения заставляют отказаться от мысли о том, что сведения Р восходят к СЛС, она является выборкой из какой-то редакции последнего, точнее, «Описания о поставлении городов и острогов в Сибири по взятии ее...», вроде известных Г. Ф. Миллеру перечней березовских, верхотурских и нарымских воевод.

Видимо, Р была составлена по документам томской приказной избы. Недаром за 1666, 1680–1699 годы в Р с точностью до дня, что несвойственно СЛС, определяется время пребывания воевод в заложенном Г. И. Писемским и В. Ф. Тыркове городе. (Лишь относительно начала «сидения» Д. И. Хрушова и Н. А. Вельяминова в КЗ указаны дни – 4 января 1666 и 4 августа 1667 годов, в других редакциях свода названы 1665/66 и 1667/68 годы соответственно, а в Р – 1665/66 и следующий годы¹⁵.) Вспомним также, что благодаря Р известно про дни смерти дьяка В. Г. Шпилкина и приезда в Томск дьяка Ф. Н. Леонтьева. Вначале же (относительно И. Пушина, Г. Ю. Хрипунова и И. Б. Секерина, Ф. В. Бобарыкина) упоминания о продолжительности

«сидения» в Р не сопровождаются датами, приведенными, когда речь идет о Г. И. Писемском, В. Ф. Тыркове, В. В. Волынском, М. И. Новосильцеве, князе И. Ф. Шаховском, М. И. Радилове и их преемниках, что, видимо, объясняется наличием либо отсутствием таких сведений в документах, которыми располагал ее составитель.

С Р, ранее принимавшейся за городовую летопись [12: 95], [13: 77], нетрудно сблизить сопутствующий в Долговском списке «Краткому описанию о Сибирстей земли и о походе атамана Ермака» и Основной редакции «Повести» Саввы Есипова перечень тобольских воевод, письменных голов и дьяков за 1589/90–1630/31 годы (с постоянными указаниями на хронологию их службы), краткий летописец двинских воевод и «летописец устюжским воеводам» последней четверти XVII века [7: 13]¹⁶, которые имеют параллели и в позднем нижегородском летописании. Собственно городская тематика в этих произведениях не получила отражения. Так, в Р, напомним, упоминается лишь о закладке Томска в сентябре 1604 года. В городских же летописях «встречаются реалии обычной городской жизни», отражены многие ее стороны, включая строительство и стихийные бедствия [6: 241, 242 и др.]. К примеру, в КЗ, которую Д. Я. Резун признавал старшей среди таких летописей Сибири, повествуется о сооружении, главным образом в Тобольске, укреплений, церквей, приказ-

ной палаты, сысках, присягах новым государям, появлении и возвращении ссыльных, поездках в Китай.

Есть основания уподобить Р своеобразной справке (выписи) о воеводах, письменных головах, детях боярских, которые часто сменяли друг друга в качестве тюменских «седоков» в середине XVII века¹⁷. Эту справку, составленную, вероятно, в тобольской «съезжей избе», можно считать примером того, как, по выражению Д. Я. Резуна, служебный документ превращается «в протооснову исторического произведения» [11: 58]. Р, где строго выдержан хронологический порядок изложения, систематически определяется продолжительность «сидения» томских «градодержателей», зачастую с датировками (вплоть до обозначения дней). Поэтому, думается, Р следует признать летописным сочинением, которое, как и СЛС, особенно его поздних редакций, начиная с ГР, играло роль своеобразного административного справочника. Стало быть, она свидетельствует о том, что на протяжении XVII века в Сибири, помимо есиповского «сложения» и его многочисленных вторичных разновидностей, «Описания о поставлении городов и острогов...», возникла и такая форма повременных записей (знакомых и Европейской России), как использовавшийся, надо думать, в первую очередь в административной практике перечень местных воевод, письменных голов, дьяков и подьячих с приписью.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). М.: Наука, 1987. Т. 36. С. 98, 190, 259, 315, 346.
- ² См. также: Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века / Изд. подгот. Е. К. Ромодановская и О. Д. Журавель. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. С. 420 (История Сибири: Первоисточники. Вып. 10).
- ³ ПСРЛ. Т. 36. С. 344–345.
- ⁴ См. также: Там же. С. 294, 296, 342.
- ⁵ См. также: Там же. С. 149, 150, 162, 197–199, 264–266, 320–322.
- ⁶ См.: Оглобин Н. К истории Томского бунта 1648 года // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1903. Кн. 3. Отд. I. С. 5, 15–17.
- ⁷ ПСРЛ. Т. 36. С. 156, 157, 202, 203, 269, 324, 325.
- ⁸ Там же. С. 160, 203, 269, 325.
- ⁹ Там же. С. 169, 211, 217, 274, 330.
- ¹⁰ Там же. С. 154, 156, 200–202, 267, 323.
- ¹¹ Там же. С. 101, 152, 153, 165, 171, 200, 209, 215–217, 266, 271, 322–323, 329, 332.
- ¹² Там же. С. 159, 160, 202, 219.
- ¹³ Там же. С. 99, 149, 197, 264, 320.
- ¹⁴ Там же. С. 141, 369.
- ¹⁵ Там же. С. 162, 164, 206–208, 272, 328.
- ¹⁶ См. также: Там же. Л.: Наука, 1977. Т. 33. С. 145–147; Т. 36. С. 74–75; Л.: Наука, 1982. Т. 37. С. 109, 126.
- ¹⁷ Там же. Т. 36. С. 158–161, 164–165, 203–205, 208, 209.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белоброва О. А., Богданов А. П. Игнатий (в миру Иван Степанович Римский-Корсаков) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2: И–О. С. 26–31.
2. Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург: Муниципальный учебно-методический центр «Развивающее обучение», 1998. 204 с.
3. Дворецкая Н. А. Из истории позднего сибирского летописания // Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1969. Т. 24. С. 239–241.
4. Дворецкая Н. А. Послание митрополита Игнатия в Красноярск 1697 г. // Археография и источниковедение Сибири. Новосибирск: Сибирское отделение изд-ва «Наука», 1975. С. 167–176.
5. Миллер Г. Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1999. Т. 1. 630 с.
6. Покровский Н. Н. Пути развития сибирского городского летописания XVII – начала XIX вв. // Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавания в вузах: Тез. докл. III Всесоюз. конф.: Новороссийск, 1979. М., 1979. Вып. 2. С. 240–243.
7. Покровский Н. Н., Ромодановская Е. К. Предисловие // Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1987. Т. 36. С. 3–31.

8. Полевой Б. П. Новое о Василии Тиркове, основателе Томска // Сибирские города XVII – начала XX века. Новосибирск: Сибирское отделение изд-ва «Наука», 1981. С. 57–63.
9. Резун Д. Я. Анкеты 1760-х гг. как источник по истории городского летописания Сибири конца XVII – начала XVIII в. // Сибирская археография и источниковедение. Новосибирск: Сибирское отделение изд-ва «Наука», 1979. С. 58–67.
10. Резун Д. Я. Новое о ермаковских казаках // Актуальные вопросы истории Сибири: Вторые научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2000. С. 7–9.
11. Резун Д. Я. Очерки истории изучения сибирского города конца XVI – первой половины XVIII века. Новосибирск: Сибирское отделение изд-ва «Наука», 1982. 220 с.
12. Солодкин Я. Г. Вослед Савве Есипову: Очерки по истории сибирского летописания середины – второй половины XVII века. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. гуманитар. ун-та, 2011. 211 с.
13. Солодкин Я. Г. К истории сибирского городского летописания // Северный регион: наука, образование, культура. 2007. № 1 (15). С. 73–78.

Solodkin Ya. G., Nizhnevartovsk State University (Nizhnevartovsk, Russian Federation)

TOMSK'S VOIVODE RECORD – A CHRONICLE OR A DEPARTMENTAL DOCUMENT?

A significant number of issues related to the history of the late Russian chronicles are still being discussed by historians. The objective of this paper is to study the following issues – definition of genre typology of The Tomsk's Voivode Record that accompanies a majority of manuscripts of the Tomsk's Version of Naryshkin's Edition of Siberian Chronicle Code. The tasks that are set in this paper are aimed at the establishment of the nature of The Tomsk's Voivode Record: whether it was a departmental document or a specific type of chronicle writings. A research technique used in this paper is based on the comparison of the list of the 17th century Tomsk's officials with the similar lists in registers from various editions of the afore mentioned chronicle code. Among them is a description of Russian towns and stockade settlements in Siberia. Dvina and Ustyug chronicles are also studied. Our conclusions prove that The Tomsk Voivode Record, like a register of Tobolsk administrators of the late 16th – first quarter of the 17th century that is preserved in the form of one manuscript only, cannot be regarded as an abstract from the Siberian Chronicle Code. It must be treated as an independent piece of writing. Therefore, it has to be compared with similar abstracts on Beryozov, Verkhoturina and Narym, which were well known to G. F. Miller. In all likelihood, the record was composed by Tomsk administration on the basis of official records. It was done to ascertain the succession and chronology of voivodes and deacons sent to serve in one of the major Siberian administrative clusters. Consequently, there are grounds to consider this work to be a piece of chronicle writings, though it should not be associated with the so-called town chronicles. As an administrative directory, composed in the 17th century as a typical form of annual entries, The Tomsk Voivode Record shows the ways in which late Russian Middle Ages documental sources influenced the contents and the style of chronicle writing.

Key words: Tomsk, list of 17th century Tomsk officials, Siberian Chronicle Code, document, chronology of Tomsk voivodes' and departmental officials' service, chronicle in the form of an administrative directory

REFERENCES

1. Belobrova O. A., Bogdanov A. P. Ignaty (Secular Name – Ivan Stepanovich Rimsky-Korsakov) [Ignatyi (v miru Ivan Stepanovich Rimskiy-Korsakov)]. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi*. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 1993. Vol. 3 (XVII v.). Part 2: И–О. P. 26–31.
2. Vershinin E. V. *Voievodskoe upravlenie v Sibiri (XVII vek)* [Voivode Government in Siberia (17th Century)]. Ekaterinburg, 1998. 204 p.
3. Dvoret'skaya N. A. From the History of Late Siberian Chronicle Writings [Iz istorii pozdnego sibirskogo letopisaniya]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. Leningrad, Nauka Publ., 1969. Vol. 24. P. 239–241.
4. Dvoret'skaya N. A. Metropolitan Ignaty's Pastoral to Krasnoyarsk of 1697 [Poslanie mitropolita Ignatiya v Krasnoyarsk 1697 g.]. *Arkheografiya i istochnikovedenie Sibiri*. Novosibirsk, 1975. P. 167–176.
5. Miller G. F. *Istoriya Sibiri*. [History of Siberia]. Moscow, Vostochnaya literatura RAN Publ., 1999. Vol. 1. 630 p.
6. Pokrovskiy N. N. The Evolution of Siberian Town Chronicle Writings in the 17th – Early 19th Centuries [Puti razvitiya sibirskogo gorodovogo letopisaniya XVII – nachala XIX vv.]. *Aktual'nye problemy istochnikovedeniya istorii SSSR, spetsial'nykh istoricheskikh distsiplin i ikh prepodavaniya v vuzakh: Tez. dokl. III Vsesoyuz. konf.: Novorossiysk, 1979*. Moscow, 1979. Vol. 2. P. 240–243.
7. Pokrovskiy N. N., Romodanovskaya E. K. Foreword [Predislovie]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Moscow, Nauka Publ., 1987. Vol. 36. P. 3–31.
8. Polevoy B. P. New Evidence on Vassily Tyrkov, the Founder of Tomsk [Novoe o Vasiliy Tyrkove, osnovatele Tomska]. *Sibirskie goroda XVII – nachala XX veka*. Novosibirsk, 1981. P. 57–63.
9. Rezun D. Ya. Questionnaires of the 1760s as a Source on the History of Siberian Town Chronicle Writings at the Turn of the 17th and the 18th Centuries [Ankety 1760-kh gg. kak istochnik po istorii gorodovogo letopisaniya Sibiri kontsa XVII – nachala XVIII v.]. *Sibirskaya arkheografiya i istochnikovedenie*. Novosibirsk, 1979. P. 58–67.
10. Rezun D. Ya. New Evidence on Yermak Cossacks [Novoe o ermakovskikh kazakakh]. *Aktual'nye voprosy istorii Sibiri: Vtorye nauchnye chteniya pamyati professora A. P. Borodavkina*. Barnaul, 2000. P. 7–9.
11. Rezun D. Ya. *Ocherki istorii izucheniya sibirskogo goroda kontsa XVI – pervoy poloviny XVIII veka* [Essays on the History of Studies of Siberian Towns of the Late 16th – First Half of the 18th Century]. Novosibirsk, 1982. 220 p.
12. Solodkin Ya. G. *Vosled Savve Esipovu: Ocherki po istorii sibirskogo letopisaniya serediny – vtoroy poloviny XVII veka* [In the Footsteps of Savva Yessipov: Essays on the History of Siberian Chronicle Writings of the Middle and the Second Part of the 17th Century]. Nizhnevartovsk, 2011. 211 p.
13. Solodkin Ya. G. Glimpses into the History of Siberian Town Chronicle Writings [K istorii sibirskogo gorodovogo letopisaniya]. *Severnyy region: nauka, obrazovanie, kul'tura*. 2007. № 1 (15). P. 73–78.

Поступила в редакцию 12.07.2016

ИРИНА МИХАЙЛОВНА СУММАНЕН

кандидат исторических наук, младший научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (Петрозаводск, Российская Федерация)
irina.summanen@mail.ru

СЕРГЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ СВЕТОВ

доктор геолого-минералогических наук, заведующий лабораторией геохимии и моделирования природных и техногенных процессов, Институт геологии Карельского научного центра РАН (Петрозаводск, Российская Федерация)
ssvetov@krc.karelia.ru

ICP-MS ИССЛЕДОВАНИЕ ОБРАЗЦОВ ФОРМОВОЧНЫХ МАСС ЛЕПНОЙ КЕРАМИКИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ КАРЕЛИИ*

Большинство средневековых памятников Карелии приурочены к трем крупным природно-географическим зонам, являющимся также историко-культурными ареалами, в материальной культуре населения которых выявлены существенные различия. Среди рассматриваемых регионов: Северо-Западное и Юго-Восточное Приладожье, юго-восточная Карелия (бассейн Онежского озера и юго-западное Прибеломорье). Задачей настоящего исследования было изучение геохимических характеристик формовочных масс лепной керамики X–XII веков, обнаруженной на поселениях и в курганах, с целью выявления сходств и отличий в технологии керамического производства. Для ICP-MS (масс-спектрометрия с индуктивно связанной плазмой) анализа отобраны образцы теста сосудов ведущих морфотипов и редких форм дотиверского селища, поселений юго-восточной Карелии и курганов Юго-Восточного Приладожья. В выборку также включены пробы ожелезненных глин из различных районов Республики Карелия и Приозерского района Ленинградской области.

Ключевые слова: Средневековье, лепная керамика, масс-спектрометрия, ICP-MS, Северо-Западное Приладожье, Юго-Восточное Приладожье, юго-восточная Карелия

ВВЕДЕНИЕ

На территории Карелии эпоха Средневековья представлена археологическими памятниками (рис. 1), большинство которых принадлежит трем крупным историко-культурным типам [2: 35–52]. Наиболее ранний период истории коренного населения Карелии отражают материалы погребений Юго-Восточного Приладожья, поселений Северо-Западного Приладожья, бассейна Онежского озера и юго-западного Прибеломорья.

Этнокультурные ареалы Средневековья сложились задолго до существования официальных административных границ современной республики. На Карельском перешейке и в Северо-Западном Приладожье памятники второй половины I тысячелетия н. э. – начала XV века оставлены народом, который в письменных источниках упоминается под этнонимом *корела* [3: 27, 213], [12]. В Юго-Восточном Приладожье проживали носители курганной культуры, ареал которой в X–XIII веках занимал восточную часть Ленинградской области и южную часть Карелии с бассейнами рек Сяси, Тихвинки, Воронезки, Паши, Капши, Ояти, Свири, Олонки, Тулоксы, Видлицы, а также северное побережье Онежского озера (Кокорино, Чёлмужи). Юго-восточная Карелия (бассейн Онежского озера и юго-западное побережье Белого моря) была освоена населением с охотничье-рыболовецким укладом хозяйства, о жизни которого свидетельствуют небогатые археологическим материалом селища

и местонахождения X–XI веков, хотя некоторые из них можно датировать XII–XIII (редко XIV) веками [1: 206, 212], [2: 47].

Раскопки вышеуказанных памятников дали лепную керамику, приблизительная датировка которой укладывается в хронологические рамки X–XII веков [7: 303], [10: 47–48], [11: 18–19]. К настоящему времени коллекции систематизированы, что позволило осуществить сравнительный анализ керамических наборов. Исследована технология производства посуды, однако не все материалы подвергались комплексному изучению с привлечением традиционных археологических и новейших естественно-научных аналитических методик, поэтому перспективным направлением дальнейшей работы стало проведение геохимических исследований.

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Метод масс-спектрометрии с индуктивно связанной плазмой (ICP-MS) применен для изучения составов формовочных масс лепной керамики и глинистого сырья с целью идентификации местной и привозной продукции различных гончарных производств эпохи Средневековья на территории Карелии и сопредельных областей. Поэтому основные задачи исследования состояли в следующем:

1. Определение сходств и отличий геохимических составов формовочных масс лепной керамики различных групп памятников;

2. Проведение сравнительного анализа химических составов теста лепной керамики курганов Юго-Восточного Приладожья и селищ юго-восточной Карелии, что важно для определения культурной принадлежности последних¹;

3. Изучение химического состава теста сосудов редких форм, которые, по данным сравнительно-типологического анализа, отнесены к привозным.

Решение этих проблем, в свою очередь, связано с выявлением контактов между населением различных районов Карелии и приграничных территорий, которые можно проследить по перемещению привозных изделий и определению их производственного адреса, что способствует установлению путей заимствования не только готовой продукции, но и непосредственно технологий гончарства.

ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Чтобы предметно представить объект настоящего исследования, необходимо дать краткую характеристику лепной керамики Северо-Западного, Юго-Восточного Приладожья и юго-восточной Карелии. Объем коллекций не равнозначен: из раскопок селища, существовавшего до Тиверского городка (№ 191 на рис. 1) в Северо-Западном Приладожье, происходит 12 сосудов. В курганах Юго-Восточного Приладожья А. М. Спиридоновым учтены 65 (целые и графически восстановленные) лепных сосудов [7: 303]. В юго-восточной Карелии основная масса лепной посуды выявлена на поселениях восточного побережья Онежского озера (бассейн оз. Водлозера, где находятся 27 из 38 известных памятников, на которых обнаружено почти 90 % реконструированных изделий), восстановлено 105 сосудов.

Малочисленный материал дотиверского селища разделен на три группы (рис. 2: 1–3). К группе 1 отнесены четыре неорнаментированных горшка со сглаженным плечиком (распологалось в 5,5–6,2 см ниже края венчика) и туловом, предположительно достигающим максимального расширения в верхней трети сосуда (рис. 2: 1). Группа 2 включает четыре сосуда с туловом усеченно-конической формы, ребристым плечиком, расположенным в 3–4 см от края венчика, наклоненного к внутренней стороне сосуда (рис. 2: 2). В группу 3 вошли два невысоких горшка с S-видным профилем разной степени выраженности (рис. 2: 3). Два других изделия представлены мелкими обломками емкостей, вероятно, миски и сосуда для жидкости, имеющего носик-слив. Малое количество и фрагментарность находок затрудняет их надежную хронологическую атрибуцию, поэтому, судя по широким аналогиям, известным в лепной керамике сопредельных регионов, предполагается, что посуда групп 1 и 2 бытовала в X–XI веках, когда схожая керамика употреблялась в Юго-Восточном Приладожье и на Крутике (Вологодская область). Сосуды группы 3, вероятно, существовали в это же время, однако верхнюю дату, возможно, следует омолодить до начала XII века.

В курганной керамике А. М. Спиридонов [7: 304–306] выделил четыре типа лепных сосудов: I – 22 горшка крупных или средних размеров

с расположенными в верхней четверти высоты плечиками, толстыми стенками (0,7–1 см); II – 14 небольших приземистых сосудов с раздутым туловом и выступающими плечиками, расположенными в верхней трети высоты; III – пять сосудов баночной формы с прямым венчиком и коротким крутым плечиком; IV – 10 горшков двух видов (А, Б) с ребристыми очертаниями плечиков. А. М. Спиридоновым выявлены 14 привозных или изготовленных в Приладожье по привозным образцам изделий [8: 26]: пробы теста отдельных сосудов² [8: 26] (см. рис. 2: 3, 8) взяты для ICP-MS исследования.

Лепные горшки охотничье-рыболовецких селищ юго-восточной Карелии разделены на четыре типа³ (рис. 2: 4–7, 9, 10). К типу I отнесены 36 сосудов диаметром 24–28 см с ребристым плечиком, максимальным расширением тулова в верхней трети и усеченно-конической нижней частью (рис. 2: 4). Высокий (3–5 см) венчик зачастую изогнут, имеет прямо срезанный край с утолщением или карнизообразным выступом. Тип II – 36 сосудов (преобладает диаметр 24 см) плавной профилировки с раздутым туловом, вертикальным или слегка отогнутым к внешней стороне венчиком (рис. 2: 5). По морфологии выделяются варианты: А – семь сосудов с короткой шейкой и закругленным краем венчика; Б – 29 горшков с удлиненной по сравнению с изделиями варианта А шейкой и прямо срезанным венчиком, имеющим небольшой карнизообразный выступ. Тип III насчитывает 12 сосудов слабой профилировки диаметром 16–22 см, с туловом, вероятно, баночной (цилиндрической) формы с незначительно выступающим плечиком, иногда оформленным в виде небольшого уступа (рис. 2: 6, 7). Венчик прямой со срезанным или скругленным краем. Тип IV объединяет 13 горшков, несколько меньших по сравнению с остальной керамикой размеров (диаметр 16–18 см) и более развитой профилировкой: плечико сосудов четко обозначено уступом (рис. 2: 9, 10). Венчик расположен вертикально или слегка отогнут наружу, шейка короткая и изогнутая. Кроме того, в коллекции средневековых памятников юго-восточной Карелии есть сосуды редких форм, морфологические и технологические особенности которых не позволили включить их в типологию. Среди таких форм – неорнаментированный горшок (Мр-114; рис. 2: 12) близкой к S-видной форме, характерной для керамики селища Васильево 2 [9: 129, 130] в Южном Зонежье (№ 20 на рис. 1). Своеобразной орнаментацией и профилировкой интересны два сосуда с поселений бассейна оз. Водлозеро: массивный горшок (Б-123; рис. 2: 8) из Бостилово II (№ 173 на рис. 1) диаметром 32 см, украшенный отпечатками гребенчатого штампа по венчику, и горшок (К-122; рис. 2: 11) с поселения Келка I (№ 27 на рис. 1) диаметром 28 см с высоким 3–4 см немного выгнутым, утолщенным к краю венчиком и округлым плечиком, орнаментированный отпечатком линейной веревочки в четыре ряда по венчику и шейке изделия⁴.

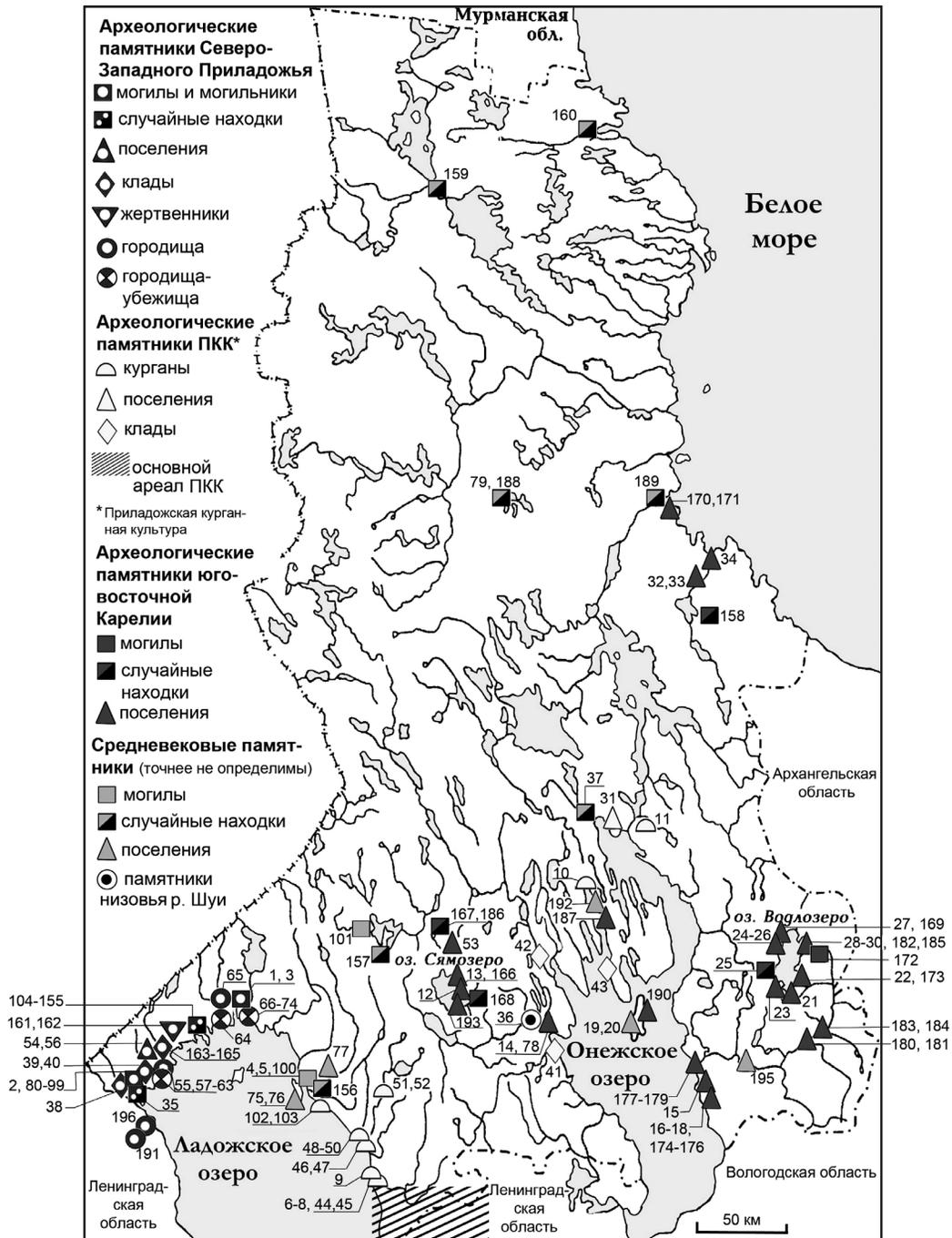

Рис. 1. Археологические памятники эпохи Средневековья на территории Карелии. **Могилы и могильники:** 1 – Нукутталехти; 2 – Куркиёки-Лопотти; 3 – Хелюля; 4 – Мийнала; 5 – Мантсинсаари (Peltoinen-Nautausmaa). **Курганы:** 6 – Горка (Ильинская Горка); 7 – Гиттойла; 8 – Капшойла; 9 – Пирдойла; 10 – Кокорино; 11 – Чёлмужи. **Поселения:** 12 – Лахта II; 13 – Кудома XI; 14 – Суна VI; 15 – Бесов Нос VI; 16 – Муромское III; 17 – Муромское VI; 18 – Муромское VII; 19 – Керкостров 2, 4, Сенная Губа; 20 – Васильево 2, Волкостров; 21 – Сомбома I; 22 – Малая Пога I; 23 – Пога I; 24 – Охтома I. **Местонахождение:** 25 – Охтома II. **Поселения:** 26 – Охтома III; 27 – Келка I; 28 – Илекса III; 29 – Илекса IV; 30 – Илекса V; 31 – Чёлмужи; 32 – Ерпин Пудас I; 33 – Ерпин Пудас II; 34 – Горельий Мост VI. **Случайная находка:** 35 – Куркиёки. **Поселения, могильники, местонахождение:** 36 – Памятники низовья р. Шуи. **Случайная находка:** 37 – Повенец. **Монеты и клады монет:** 38 – Килпола; 39 – Кууппала; 40 – о. Хауккасаари; 41 – Петрозаводск; 42 – Санда; 43 – Падмозеро. **Курганы:** 44 – Гомала; 45 – Теркула; 46 – Рабола; 47 – Мергойла; 48 – Исаково; 49 – Симоннаволо; 50 – Видлица; 51 – Большие Горы (Верхний Конец); 52 – Большие Горы (Нижний Конец). **Поселение:** 53 – Чёранга III. **Поселения, городища, городища-убежища:** 54 – Копсала; 55 – Лопотти-Линнамяки; 56 – Кууппала (хозяйственный комплекс); 57 – Хямеенлахти-Линнавуори; 58 – Соскуа-Линнамяки; 59 – Ранталлиннамяки; 60 – Корписаари-Линнамяки; 61 – Яямяки; 62 – Терву-Линнасаари; 63 – Суур-Микли-Линнамяки; 64 – Рауталаhti-Линнавуори; 65 – Паасо; 66 – Токкарлахти-Линнасаари; 67 – Хийретсаари; 68 – Лиеритсаари; 69 – Тулолансаари-Каннас-Анттиланиемен линна; 70 – Хулконвуорен линна; 71 – Мякисало-Линнавуори; 72 – Мякисало; 73 – Мякисало-Лапинсаари; 74 – Ляскеля-Линнавуори; 75 – Мантсинсаари I; 76 – Мантсинсаари II; 77 – Укса; 78 – Пичево, Пичево III. **Случайная находка:** 79 – Бохта II. **Могилы и могильники:** 80 – Килпола (Hannukainen E.);

81 – Килпола (Hannukainen P.); 82 – Килпола (Kisamäki-Borisov); 83 – Килпола (Tymälänmäki-Levoska); 84 – Килпола (Хаапалахти); 85 – Килпола (Хаапалахти-Hassitarha-Tattari L.); 86 – Ханнола (Липола); 87 – Нехвола (Pihlajamäki-Pihlajapelto-Puputinpelto); 88 – Мустола (Петкола) (Rokko Ruskianrintan pelto); 89 – Мустола (Arkmäri) (Ляхденпохский район); 90 – Тенхола (Sässynäkummut Kokko & Tutti); 91 – Кавосалми (Matomäki-Kalmistokumpu-Ijäs); 92 – Кюлялахти (Калмистомяки); 93 – Кууппала (Kalmistomäki-Räkköläinen); 94 – Рахола; 95 – Кауппакюля (Lopotti-Säkkimäki); 96 – Сорола (Наакана); 97 – Мийнала (Törni); 98 – Тулолансаари (Rasila-Kalmakenkku); 99 – Риеккала; 100 – Мантсинсаари; 101 – Суоярви (Hursylä). **Курганы:** 102 – Видлица. Курган 4; 103 – Видлица. **Случайные находки:** 104 – Килпола (Ruskeakivi-Eerikäinen); 105 – Килпола (Pöysti); 106 – Килпола (Pöystinmäki-Pöysti); 107 – Килпола (Kauppilanmäki); 108 – Килпола (Pöysti R.); 109 – Килпола (Eerikäinen); 110 – Килпола (Hannukainen J.); 111 – Тоунаа (Juorokumpu-Vihavainen); 112 – Килпола Хаапалахти (Lavakumpu-Tattari K.); 113 – Килпола (Хаапалахти-Tutti); 114 – Киллолансаари (?); 115 – Леппаниеми (Huiskoniemi-Tattari S.); 116 – Huiskoniemi-Kokko; 117 – Мустола (Pakarinen); 118 – Ункола (Huuhka); 119 – Коккола (Rekko); 120 – Вейяла (Salo-Kiuru Kiuru); 121 – Вейяла; 122 – Кюлялахти (Калмистомяки-Уккола; у Т. Швиндта – Ункала); 123 – Кюлялахти (Pekonlahti); 124 – Мустола (Kellokosken hovi); 125 – Кууппала (Vas(ik)kasaari); 126 – Хямеенлахти (Anttilanmäki); 127 – Хямеенлахти (Aromäki-Tortola); 128 – Риеккала; 129 – Риеккала (Куоррамäki-Torikka); 130 – Корписаари; 131 – Левонпелто (Pajamäki-Rastas); 132 – Хямеенлахти; 133 – Кауппакюля (Lopotti-Koimäki); 134 – Кауппакюля (Lopotti-Näreniemi); 135 – Кауппакюля (Lopotti-Andersinmäki); 136 – Соскуа; 137 – Соскуа («Malmiin» pelto); 138 – Отсанлахти (Merta/Kauppinen); 139 – Rummunsuo (Eklund); 140 – Терву; 141 – Терву (Poskiparta/Kuronen); 142 – Куркиёки (точное местонахождение неизвестно); 143 – Микли (Kansakoulu); 144 – Микли (Jerkkü); 144 – Микли (Veijalainen); 146 – Метсымикли (Parkalampi Pekkinen); 147 – Тулолансаари (Putsinlahti-Jaatinen); 148 – Тулолансаари (Putsinlahti-Kirkkoveräjä); 149 – Хюмпёля (Humpölä); 150 – Лийкола (Pakkanen); 151–154 – Сортавала; 155 – Кюмёля (Kymölä); 156 – Мийнала (Pebru Plaketti); 157 – Суоярви; 158 – Сумозеро I; 159 – Софпорог; 160 – Чула. **«Жергвеники»:** 161 – Лапинлахти; 162 – Сорола. **Клады:** 163 – Килпола (Piimälänmäki); 164 – Кууппала (Villarepko-Nokelainen); 165 – Рантуе (Rantue). **Поселения:** 166 – Кудома X; 167 – Чёранга I; 168 – Малая Суна IX; 169 – Келка III; 170 – Горелый Мост V; 171 – Горелый Мост VIII. **Погребение:** 172 – Шеттима I. **Поселения:** 173 – Бостилово II; 174 – Муромское IV; 175 – Муромское VIII; 176 – Муромское IX; 177 – Усть-Водла I; 178 – Усть-Водла II; 179 – Усть-Водла V; 180 – Росляково; 181 – Колово; 182 – Водла V; 183 – Водла XII; 184 – Водла XXVII; 185 – Сухая Водла. **Случайная находка:** 186 – Чёранга VIa. **Поселение:** 187 – Куткостров. **Случайные находки:** 188 – Тунгуда III; 189 – Золотец X. **Поселения, городища:** 190 – Наволок; 191 – Тиверск; 192 – Мелой Губа; 193 – Нижнее Падозеро VI; 194 – Шапнаволок; 195 – Подпорожье IV; 196 – Корела (г. Приозерск)

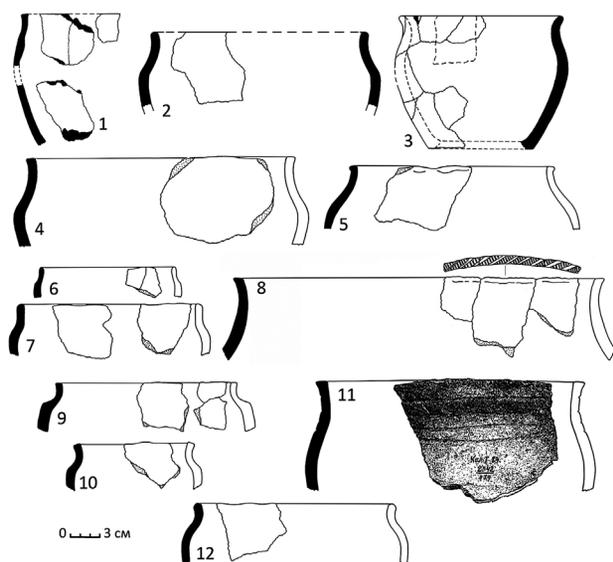

Рис. 2. Лепная керамика средневековых памятников Карелии: 1–3 – сосуды из догородищенских слоев Тиверска; 1 – группа I; 2 – группа 2; 3 – группа 3; 4–12 – керамика селищ юго-восточной Карелии: 4 – тип I; 5 – тип II; 6, 7 – тип III; 8, 11, 12 – редкие формы изделий; 9, 10 – тип IV

МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ

Технология масс-спектрометрии с индуктивно связанной плазмой стала доступна в последней четверти XX века [15]. Первоначально ICP-MS анализ использовался в естественнонаучных исследованиях с целью идентификации различных объектов путем измерения масс и относительных содержаний ионизированных частиц в данных веществах. Впоследствии метод стал активно использоваться для решения археологических задач, в том числе связанных с изучением керамического производства [13], [14], [16], [17]. В отечественной науке методика

масс-спектрометрического исследования впервые апробирована на гончарной керамике городищ Северо-Западного Приладожья [4], [5].

Аналитические исследования выполнялись на квадрупольном масс-спектрометре X-SERIES 2 (Thermo scientific) в аккредитованном «Испытательном центре анализа вещества» в Институте геологии Карельского научного центра РАН по стандартной методике [6: 56–60]. В образцах формовочных масс лепных и единичных гончарных сосудов, а также пробах олеоземных глин определено содержание (в г/т или ppm) редких и редкоземельных элементов (Li, Be, P, Sc, Ti, V, Cr, Mn, Co, Ni, Cu, Zn, Ga, Rb, Sr, Y, Zr, Nb, Mo, Ag, Cd, In, Sn, Sb, Te, Cs, Ba, La, Ce, Pr, Nd, Sm, Eu, Gd, Tb, Dy, Ho, Er, Tm, Yb, Lu, Hf, Ta, Tl, Pb, Bi, Th, U).

Серия включила 46 образцов (подробнее см. таблицу) формовочных масс средневековых лепных сосудов дотиверского поселения в Северо-Западном Приладожье (№ 105–108), охотничьи-рыболовецких селищ юго-восточной Карелии (№ 109–128), поселения Мантсинсаари в северо-восточном Приладожье (№ 128), курганных групп северного побережья Онежского озера – Чёлмужи (№ 129, 130) и Кокорино (№ 132, 133), селища (№ 131) и курганов Юго-Восточного Приладожья (№ 135–140), а также образцы теста гончарных изделий из приладожских местонахождения (№ 134) и погребений (№ 141–144). Забор проб глинистого сырья (№ 145–150) проведен с территории различных районов Республики Карелии (Олонецкий, Прионежский, Кондопожский, Суоярвский, Лоухский) и Ленинградской области (Приозерский). Более того, для сравнительного анализа использованы данные химического состава глин, полученные нами ранее в 2013 (№ 49–52) и 2014 (№ 70–73, 104) годах при исследовании гончарной керамики.

Список образцов для ICP-MS исследования

№	Шифр объекта	Объект исследования	Место забора образца (для глины) / памятник (для сосудов)	Описание (вид сырья, тип керамики) ОГ – ожелезн. глина
Образцы первой серии ICP-MS исследований (2013 год)				
49	T-49	Фрагмент глиняной обмазки	городище Тиверск (Приозерский район, Ленобласть)	Глиняная обмазка (ОГ) из раскопок Тиверска
50	Лх-50	Глина	п. Куркиёки, берег р. Рахоланйоки (Лахденпохский район, РК)	Глина (ОГ)
51	Ол-51	-//-	г. Олонец	Местная глина (ОГ), используемая в современном гончарстве
52	Л-52	-//-	возвышенность Лопотти	Глина (ОГ)
Образцы второй серии ICP-MS исследований (2014 год)				
70	П-70	Фрагмент глиняной обмазки	Паасо (городище)	Глиняная обмазка (ОГ) из раскопок Паасо
71	Р-71	Глина	п. Реускула (Сортавальский район, РК)	Местная глина (ОГ), используемая в современном гончарстве
72	Хл-72	Глина	п. Хелюля (Сортавальский район, РК)	Местная глина (ОГ)
73	Хл-73	Глина	п. Хелюля, берег р. Тохмайоки	Глина (ОГ)
104	М-104	Глина	п. Матросы (Пряжинский район, РК)	Глина (ОГ)
Образцы третьей серии ICP-MS исследований (2016 год)				
105	T-105	Фрагмент лепного сосуда	Тиверск (догородищенский слой)	ОГ, группа 3
106	T-106	-//-	-//-	ОГ, группа 2
107	T-107	-//-	-//-	ОГ, группа 2
108	T-108	-//-	-//-	ОГ, группа 3
109	Мр-109	-//-	Муромское VII	ОГ, тип I
110	Мр-110	-//-	-//-	ОГ, тип I
111	Мр-111	-//-	-//-	ОГ, тип II
112	Мр-112	-//-	-//-	ОГ, тип III
113	Мр-113	Фрагмент стенки лепного сосуда	-//-	ОГ
114	Мр-114	Фрагмент лепного сосуда	-//-	ОГ
115	БН-115	-//-	Бесов Нос VI	ОГ, тип I
116	У-116	-//-	Усть-Водла I	ОГ, тип II-Б
117	Ох-117	-//-	Охтома I	ОГ, тип I
118	Ох-118	-//-	-//-	ОГ, тип I
119	Ох-119	-//-	-//-	ОГ, тип II-Б
120	Ох-120	-//-	-//-	ОГ, тип II-Б
121	К-121	-//-	Келка I	ОГ, тип I
122	К-122	-//-	-//-	ОГ, редкая форма
123	Б-123	-//-	Бостилово II	ОГ, редкая форма
124	СВ-124	-//-	Сухая Водла	ОГ, тип II-Б
125	МП-125	-//-	Малая Пога I	ОГ, тип IV
126	МП-126	-//-	-//-	ОГ, тип I
127	С-127	Фрагмент венчика лепного сосуда	Суна VI	ОГ
128	Мн-128	Фрагмент лепного сосуда	Мантсинсаари	ОГ
129	Ч-129	-//-	Чёлмужи	ОГ
130	Ч-130	-//-	-//-	ОГ
131	КЗ-131	-//-	Красная Заря	ОГ
132	Кк-132	-//-	Кокорино	ОГ

Окончание таблицы

№	Шифр объекта	Объект исследования	Место забора образца (для глины) / памятник (для сосудов)	Описание (вид сырья, тип керамики) ОГ – железн. глина
Образцы третьей серии ICP-MS исследований (2016 год)				
133	Кк-133	-//-	-//-	
134	Пп-134	Фрагмент гончарного сосуда	Подпорожье IV	ОГ
135	ЮВП ¹ -135	Фрагмент лепной миски	Шангеничи-село 1	ОГ, редкая форма
136	ЮВП-136	Фрагмент лепного сосуда	Нюбиничи 2	ОГ
137	ЮВП-137	-//-	Гайгово 4	ОГ, редкая форма
138	ЮВП-138	-//-	Акулова Гора	ОГ
139	ЮВП-139	-//-	Нюбиничи	ОГ
140	ЮВП-140	-//-	Шангеничи-лес	ОГ
141	ЮВП-141	Фрагмент гончарного сосуда	Шангеничи-лес	ОГ
142	ЮВП-142	-//-	Шангеничи-лес	ОГ
143	ЮВП-143	-//-	Гайгово	ОГ
144	ЮВП-144	-//-	Шангеничи-лес	ОГ
145	В-145	Глина	берег р. Вуоксы, Ленобласть	ОГ
146	Вд-146	-//-	с. Видлица (Олонецкий район, РК)	ОГ
147	Кч-147	-//-	с. Кончезеро (Кондопожский район, РК)	ОГ
148	Лг-148	-//-	ур. Пичево, берег оз. Логмозера (Прионежский район, РК)	ОГ
149	Пр-149	-//-	ур. Проланваара (Суоярвский район, РК)	ОГ
150	Чк-150	-//-	п. Чкаловский (Лоухский район, РК)	ОГ

Примечание. ЮВП – Юго-Восточное Приладожье (курганы).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Графический анализ результатов приведен на бинарных диаграммах, традиционно используемых для интерпретации данных ICP-MS исследований. Как правило, двухкомпонентные диаграммы строятся для элементов, демонстрирующих контрастное поведение в природных процессах, и иллюстрируют различия групп изучаемых объектов по химическому составу. Тем не менее при конструировании графиков авторами установлено, что наиболее информативными являются диаграммы Nb-Zr и Ba-Zr (ppm), построенные для всего массива данных (рис. 3: а, б) и отдельно для концентраций определяемых элементов в пробах чистых глины (рис. 3: в, г).

На диаграмме Nb-Zr (рис. 3: а, 1) отдельную группу составили образцы лепной керамики селища (КЗ-131) и курганов Юго-Восточного Приладожья (ЮВП-135–140). На диаграмме Ba-Zr (рис. 3: б, 1) большинство маркеров этих образцов также расположено обособленно.

За пределами (диаграмма Nb-Zr, рис. 3: а, 2) или на периферии (диаграмма Ba-Zr, рис. 3: б) области маркеров лепных сосудов памятников юго-восточной Карелии оказались пробы теста сосудов из погребений в Чёлмужах (Ч-129, Ч-130),

отдаленных от основного ареала памятников Приладожской курганной культуры.

Компактную группу маркеров составили образцы теста гончарных сосудов из курганов Юго-Восточного Приладожья, и хотя они не дистанцировались от большинства проб лепной керамики, но локализовались в крайней верхней части скопления фигуративных точек (рис. 3: а, 3, б, 3). Следует обратить внимание, что к группе образцов круговой керамики из курганов тяготеет маркер гончарного сосуда памятника Подпорожье IV (Пп-134, рис. 3: а, 3, б, 3).

На диаграмме Ba-Zr (рис. 3: б, 4) отчетливо выделилась группа лепной керамики из догородищенских слоев Тиверска (Северо-Западное Приладожье), хотя на диаграмме Nb-Zr (рис. 3: а, 4) маркеры лепных дотиверских сосудов и гончарной керамики из курганов частично совпали.

На этой же диаграмме (рис. 3: б) от основного скопления образцов лепной керамики памятников юго-восточной Карелии отделился маркер горшка поселения Малая Пога I (МП-125).

В целом результаты геохимических исследований лепной керамики оказались не такими наглядными, как ожидалось, учитывая положительный опыт апробации метода на образцах гончарной посуды. Причиной этому, по-видимому,

стала относительная близость геохимического состава сырья, используемого в гончарном производстве на средневековых памятниках бассейна Ладожского и Онежского озер. Подтверждением данного предположения стал сравнительный анализ проб сырья, проведенный отдельно для образцов чистых глин, полученных с территории Республики Карелия

и Приозерского района Ленинградской области (рис. 3: *в*, *з*). Как видно на диаграммах, классифицировать глинистое сырье различных месторождений в пределах выбранного региона затруднительно: фигуративные точки проб глин с территории бассейна Онежского и Ладожского озер в большинстве своем образуют смешанные области.

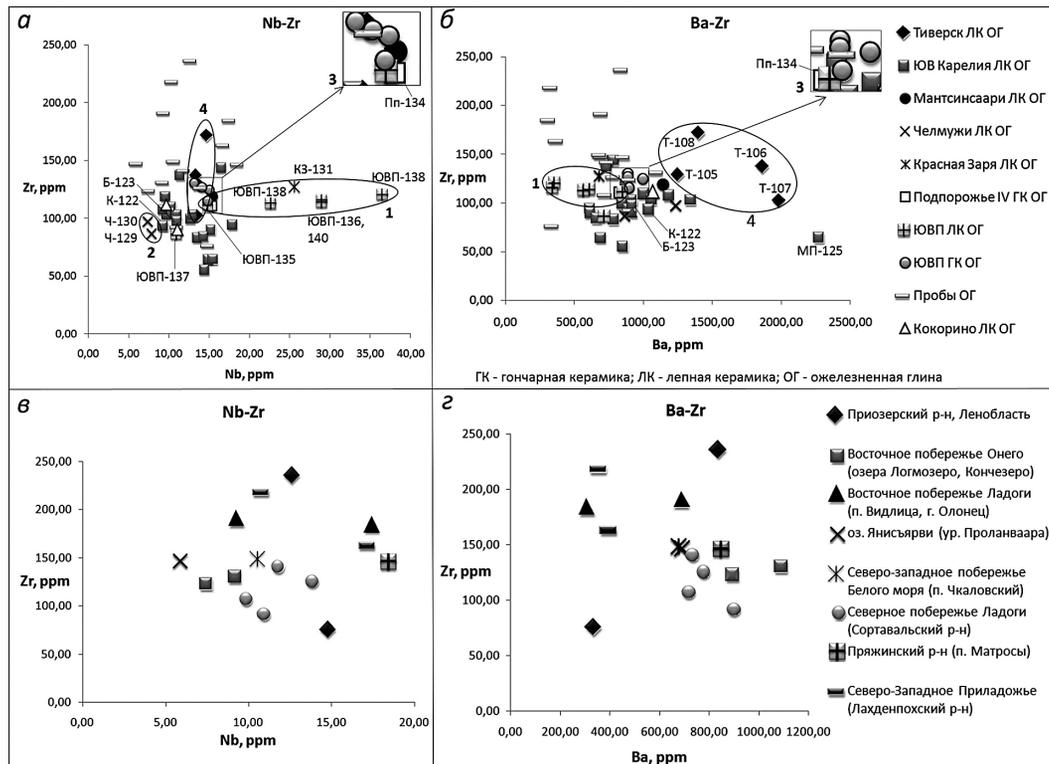

Рис. 3. Бинарные диаграммы Nb-Zr, Ba-Zr (ppm), иллюстрирующие химические составы: *а*, *б* – образцов формовочных масс керамики и глинистого сырья; *в*, *з* – отдельно глин. Диаграммы *а*, *б*: 1 – лепная посуда Юго-Восточного Приладожья; 2 – горшки из погребений в Чёлмужах (северное побережье Онежского озера); 3 – гончарная керамика Юго-Восточного Приладожья; 4 – сосуды из догородищенских слоев Тиверска (Северо-Западное Приладожье)

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Наблюдения за распределением маркерных элементов в химических составах образцов формовочных масс средневековой лепной посуды позволяет сделать следующие заключения:

1. Несмотря на общее сходство химических составов проб исследуемых групп керамики, которое можно объяснить близостью геохимических характеристик глинистого сырья, коллекции поселения в Северо-Западном Приладожье, селищ бассейна Онежского озера и юго-западного Прибеломорья, а также памятников Юго-Восточного Приладожья демонстрируют отличия в химических составах формовочных масс по отдельным показателям. Поэтому результаты ICP-MS анализа частично подтверждают мнение, что керамика дотиверского селища, охотничье-рыболовецких поселений юго-восточной Карелии и памятников Приладожской курганный культуры является продукцией самостоятельных гончарных производств [11: 23–25].

2. Близость расположения фигуративных точек лепных сосудов из приладожских курганов и маркера горшка местонахождения Подпорожье IV (см. рис. 1, № 195) может косвенно указывать на его принадлежность курганной посуде и, возможно, на его производство в Юго-Восточном Приладожье, откуда впоследствии сосуд попал на памятник.

3. Геохимический анализ отчасти подкрепляет предположение, что курганы в Чёлмужах были оставлены пришлым населением [7: 306], так как, хотя пробы теста чёлмужских сосудов близки керамике юго-восточной Карелии по геохимическим характеристикам, их отличия фиксируются по отчужденности проб Ч-129, Ч-130 на диаграмме Nb-Zr (рис. 3: *а*). В данном случае нельзя однозначно сказать, что повлияло на химический состав пробы. Возможно, сосуды были изготовлены из «привозной», не местной глины или, к примеру, по иной технологии, привычной пришедшему населению (с большим или

меньшим количеством минерального отощителя, концентрация которого также может оказывать влияние на валовой химический состав образца).

4. На диаграмме Ва-Zr (рис. 3: б) сосуд под шифром МП-125 оказалась далеко за пределами области маркеров керамики охотничье-рыболовецких селищ, что, на первый взгляд, могло бы указывать на его привозное происхождение. Тем не менее при построении диаграмм наблюдалась спонтанная отбивка единичных маркеров, что не сопровождалось их систематическим отделением при смене переменных (сравниваемые элементы), поэтому следует полагать, что имеющиеся данные недостаточны для определения сосуда под шифром МП-125 как привозного.

5. Примечательно, что маркеры сосудов, которые, по данным сравнительно-типологического анализа, следует считать привозными или изготовленными по облику привозной керамики (таблица: в коллекции охотничье-рыболовецких селищ – К-122, Б-123; в курганной посуде – ЮВП-135, ЮВП-137), не отделяются от проб рассматриваемых групп изделий. Учитывая отсутствие резких отличий в химическом составе

теста этих сосудов и остальной керамики, можно с осторожностью предположить, что они были изготовлены из местного сырья и, вероятно, на территории памятников, но не носителями охотничье-рыболовецкой или курганной культур, а пришлыми мастерами.

В целом внутри выделенных групп керамики из Северо-Западного, Юго-Восточного Приладожья и бассейнов Онежского озера и юго-западного Прибеломорья химический состав проб сравнительно однообразный. Наиболее вероятно, что это во многом связано со сходством составов глин различных месторождений, что ограничивает возможности метода в идентификации лепной продукции различных гончарных центров Средневековья в пределах изучаемой территории.

БЛАГОДАРНОСТИ

Авторы статьи благодарят сотрудников аналитической лаборатории ИГ КарНЦ РАН В. Л. Утицыну и А. С. Парамонова за оказание помощи в проведении исследования и выражают признательность рецензентам за ценные рекомендации к рукописи.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-36-00005 мол_а «Реконструкция технологий гончарного производства средневековой Карелии (X–XV вв.) на основе использования новейших методов геохимического анализа (SEM, ICP-MS, LA-ICP-MS)».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В научной литературе средневековые памятники юго-восточной Карелии с лепной посудой, оставленные населением с охотничье-рыболовецким хозяйством, названы поселениями с «керамикой приладожского типа», тогда как их появление связывается с проникновением носителей курганной культуры Юго-Восточного Приладожья [1: 194, 204]. Сравнительный анализ керамических наборов приладожских курганов и охотничье-рыболовецких поселений выявил ряд принципиальных отличий между ними, что дает основания считать ошибочным применение термина «приладожский тип» к керамике памятников юго-восточной Карелии и ставит под сомнение «приладожское» происхождение самих поселений [11: 16, 17].
- ² См. ЮВП-135, ЮВП-137 в таблице.
- ³ Типология лепной керамики селищ юго-восточной Карелии публиковалась ранее, однако в материал для классификации были ошибочно включены сосуды из раскопок курганов на северном побережье Онежского озера (Чёлмужи, Кокорино), поэтому в настоящей статье представлена исправленная классификационная схема, разработанная исключительно по материалам поселенческих памятников охотничье-рыболовецкого населения.
- ⁴ Как отмечает М. Г. Косменко, такая форма и орнаментация изделий характерна для керамики Камско-Вычегодского края [1: 41].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Косменко М. Г. Многослойные поселения южной Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1992. 224 с.
2. Кочкуркина С. И. Археологические памятники и этносы на территории Карелии в эпоху Средневековья // Истоки Карелии: время, территории, народы. Междисциплинарные исследования. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2015. С. 35–148.
3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 642 с.
4. Поташева И. М., Светов С. А. Геохимические исследования в археологии: ICP-MS анализ образцов круговой керамики древнекарельских городищ // Труды КарНЦ РАН. Сер. Гуманитарные исследования. 2013. № 3. С. 136–142.
5. Поташева И. М., Светов С. А. ICP-MS анализ древней керамики как метод определения источников сырья и места производства гончарной продукции // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2014. № 4 (141). С. 71–77.
6. Светов С. А., Степанова А. В., Чаженгина С. Ю., Светова Е. Н., Рыбникова З. П., Михайлова А. И., Парамонов А. С., Утицына В. Л., Эхова М. В., Колодей В. С. Прецизионный (ICP-MS, LA-ICP-MS) анализ состава горных пород и минералов: методика и оценка точности результатов на примере раннедокембрических мафитовых комплексов // Труды КарНЦ РАН. Сер. Геология докембрия. 2015. № 7. С. 54–73.
7. Спиридонов А. М. Керамика приладожской курганной культуры // Кочкуркина С. И. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья. Петрозаводск, 1989. С. 303–315.
8. Спиридонов А. М. Лепная керамика из курганов Юго-Восточного Приладожья // КСИА. 1986. Вып. 187. С. 23–28.
9. Спиридонов А. М., Герман К. Э., Мельников И. В. Южное Заонежье в X–XVI веках (археология центра Кижского погоста). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2012. 165 с.
10. Сумманен И. М. Средневековые памятники юго-восточной Карелии: проблема культурной атрибуции // Бубриховские чтения: Гуманитарные науки на Европейском Севере: Материалы конф. Петрозаводск, 2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://resources.krc.karelia.ru/illh/doc/knigi_stat/bubrih_cht_2015.pdf (дата обращения 29.11.2015).
11. Сумманен И. М. Гончарное ремесло средневековой Карелии (по материалам археологических памятников X–XV вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2016. 27 с.
12. Янин В. Л. Берестяная грамота № 590 // Историческая археология: Традиции и перспективы: К 80-летию со дня рождения Д. А. Авдусина. М.: Памятники ист. мысли, 1998. С. 386–388.
13. Hein A., Tsolakidou A., Iliopoulos I., Mommsen H., Buxedai Garrigós J., Montana G., Kilikoglou V. Standardisation of elemental analytical techniques applied to provenance studies of archaeological ceramics: an inter laboratory calibration study // Analyst. 2002. № 127 (4). P. 542–553.

14. Little N. C., Kosakowsky L. J., Speakman R. J., Glascock M. D., Lohse J. C. Characterization of Maya pottery by INAA and ICP-MS // *Journal of Radioanalytical and Nuclear Chemistry*. 2004. Vol. 262. № 1. P. 103–110.
15. Montaser A. Inductively coupled plasma mass spectrometry. NY, 1998. 964 p.
16. Pillay A. E. Analysis of archaeological artefacts: PIXE, XRF or ICP-MS? // *Journal of Radioanalytical and Nuclear Chemistry*. 2001. Vol. 247. Issue 3. P. 593–595.
17. Robertson J. D., Neff H., Higgins B. Microanalysis of ceramics with PIXE and LA-ICP-MS // *Nuclear Instruments and Methods in Physics Research Section B: Beam Interactions with Materials and Atoms*. 2002. Vol. 189. № 1–4. P. 378–381.

Summanen I. M., Institute of Linguistics, Literature and History of Karelian Research Centre of Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

Svetov S. A., Institute of Geology of Karelian Research Centre of Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

ICP-MS ANALYSIS OF THE HAND-BUILT CERAMICS OF MEDIEVAL KARELIAN SITES

A large number of medieval archaeological sites in Karelia are associated with three big natural and geographical regions that also appear to be historical and cultural areas. People residing in these territories demonstrate significant differences in material culture. In our study we considered the following territories: North-Western Priladozhje; South-Eastern Priladozhje; south-eastern Karelia (the basin of Onega and south-western coastal area of the White Sea) occupied by hunters and gatherers. Ceramic collections of mentioned sites contain hand-built pottery of the X–XII centuries found at settlements and in burial mounds. The main objective of the present research is to observe geochemical characteristics of various groups of vessels made of clay pastes and to determine similarities and differences in pottery production technologies. Several specimens of leading morphological vessel types and rare forms from pre-Tiversk settlement, dwelling sites in the south-eastern Karelia and burial mounds of the South-Eastern Priladozhje were selected for ICP-MS (inductively coupled plasma mass-spectrometry) analysis. The series also include samples of iron-rich clays gathered in different districts of Karelia and Priozerskiy district of Leningrad region.

Key words: The Middle Ages, hand-built pottery, mass-spectrometry, ICP-MS, North-Western Priladozhje, South-Eastern Priladozhje, south-eastern Karelia

REFERENCES

1. Kosmenko M. G. *Mnogosloynnye poseleniya yuzhnoy Karelii* [Multilayer settlements in South Karelia]. Petrozavodsk, KarNTs RAN Publ., 1992. 224 p.
2. Kochkurkina S. I. Archaeological sites and ethnoses in the territory of Karelia in the Middle Ages [Arkhelogicheskie pamyatniki i etnosy na territorii Karelii v epokhu Srednevekov'ya]. *Istoki Karelii: vremya, territorii, narody. Mezhdistsiplinarnye issledovaniya*. Petrozavodsk, KarNTs RAN Publ., 2015. P. 35–148.
3. *Novgorodskaya pervaya letopis' starshogo i mladshogo izvodov* [Novgorodian first chronicle of young and old texts]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1950. 642 p.
4. Potasheva I. M., Svetov S. A. Geochemical research in archaeology: ICP-MS analysis of wheel-thrown pottery samples from ancient Karelian hillforts [Geokhimicheskoe issledovaniya v arkhologii: ICP-MS analiz obraztsov krugovoy keramiki drevnekarel'skikh gorodishch]. *Trudy KarNTs RAN. Seriya Gumanitarnye issledovaniya* [Proceedings of the KarRC RAS. Series Research in the humanities]. 2013. № 3. C. 136–142.
5. Potasheva I. M., Svetov S. A. ICP-MS analysis of ancient ceramics as identification method of clay sources and pottery production area [ICP-MS analiz drevney keramiki kak metod opredeleniya istochnikov syr'ya i mesta proizvodstva goncharnoy produktsii]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University]. 2014. № 4 (141). P. 71–77.
6. Svetov S. A., Stepanova A. V., Chazhengina S. Yu., Svetova E. N., Rybnikova Z. P., Mikhaylova A. I., Paramonov A. S., Uitsyna V. L., Ekhoval M. V., Kolodey V. S. Precision geochemical (ICP-MS, LA-ICP-MS) analysis of rock and mineral composition: the method and accuracy estimation in the case study of early Precambrian mafic complexes [Pretsizionnyy (ICP-MS, LA-ICP-MS) analiz sostava gornyykh porod i mineralov: metodika i otsenka tochnosti rezul'tatov na primere rannedokembriyskikh mafitovykh kompleksov]. *Trudy KarNTs RAN. Seriya Geologiya dokembriya* [Proceedings of the KarRC RAS. Series Precambrian geology]. 2015. № 7. C. 54–73.
7. Spiridonov A. M. Ceramics of burial mound culture of Priladozhje [Keramika priladozhskoy kurgannoy kul'tury]. *Kochkurkina S. I. Pamyatniki Yugo-Vostochnogo Priladozh'ya i Prionezh'ya*. Petrozavodsk, 1989. P. 303–315.
8. Spiridonov A. M. Hand-built ceramics of the burial mounds in South-Eastern Priladozhje [Lepnaya keramika iz kurganov Yugo-Vostochnogo Priladozh'ya]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkhologii*. 1986. Issue 187. P. 23–28.
9. Spiridonov A. M., German K. E., Mel'nikov I. V. *Yuzhnoe Zaonezh'e v X–XVI vekakh (arkheologiya tsentra Kizhskogo pogosta)* [South Zaonezhje in X–XVI centuries (archaeology of the Kizhi churchyard centre)]. Petrozavodsk, KarNTs RAN Publ., 2012. 165 p.
10. Summanen I. M. Medieval sites of south-eastern Karelia: the problem of cultural attribution [Srednevekovye pamyatniki yugo-vostochnoy Karelii: problema kul'turnoy atributsii]. *Bubrikhovskie chteniya: Gumanitarnye nauki na Evropeyskom Severe: Materialy konf.* Petrozavodsk, 2015. Available at: http://resources.krc.karelia.ru/illh/doc/knigi_stati/bubrih_cht_2015.pdf (accessed 29.11.2015).
11. Summanen I. M. *Goncharnoe remeslo srednevekovoy Karelii (po materialam arkhelogicheskikh pamyatnikov X–XV vv.): Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Pottery of medieval Karelia (on the material of archaeological sites of X–XV cc.). St. Petersburg, 2016. 27 p.
12. Yanin V. L. Birchbark manuscript № 590 [Berestyanaya gramota № 590]. *Istoricheskaya arkhologiya: Traditsii i perspektivy: K 80-letiyu so dnya rozhdeniya D. A. Avdusina*. Moscow, Pamyatniki ist. mysli Publ., 1998. P. 386–388.
13. Hein A., Tsolakidou A., Iliopoulos I., Mommsen H., Buxeda i Garrigós J., Montana G., Kilikoglou V. Standardisation of elemental analytical techniques applied to provenance studies of archaeological ceramics: an inter laboratory calibration study // *Analyst*. 2002. № 127 (4). P. 542–553.
14. Little N. C., Kosakowsky L. J., Speakman R. J., Glascock M. D., Lohse J. C. Characterization of Maya pottery by INAA and ICP-MS // *Journal of Radioanalytical and Nuclear Chemistry*. 2004. Vol. 262. № 1. P. 103–110.
15. Montaser A. Inductively coupled plasma mass spectrometry. NY, 1998. 964 p.
16. Pillay A. E. Analysis of archaeological artefacts: PIXE, XRF or ICP-MS? // *Journal of Radioanalytical and Nuclear Chemistry*. 2001. Vol. 247. Issue 3. P. 593–595.
17. Robertson J. D., Neff H., Higgins B. Microanalysis of ceramics with PIXE and LA-ICP-MS // *Nuclear Instruments and Methods in Physics Research Section B: Beam Interactions with Materials and Atoms*. 2002. Vol. 189. № 1–4. P. 378–381.

Поступила в редакцию 03.08.2016

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА ФЕКЛОВА

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники имени С. И. Вавилова РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
Tat-feklova@yandex.ru

ЦЗЮЧЭНЬ ЧЖАН (JIUCHEN ZHANG)

доктор исторических наук, профессор, Институт истории естественных наук КАН (Пекин, Китай)
zjc@ihns.ac.cn

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ КИТАЯ В XIX ВЕКЕ: ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЙ АСПЕКТ СОТРУДНИЧЕСТВА ИМПЕРАТОРСКОЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК И РОССИЙСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ МИССИИ В ПЕКИНЕ*

Российская Духовная миссия в Пекине (далее РДМ) была образована в 1713 году (по другим данным, в 1715 году) и существовала вплоть до 1955 года. Миссия сыграла важную роль в установлении российско-китайских отношений, а также стала первым исследовательским центром по изучению Китая и школой для первых русских синологов. Закрытость Китая, отсутствие официальных дипломатических отношений заставляли использовать церковные каналы для решения многочисленных вопросов и получения достоверных сведений о природе, культуре и истории Китая. Императорская Санкт-Петербургская Академия наук (далее ИАН) также активно использовала миссию для проведения собственных научных программ. Исследовательская деятельность РДМ проходила в тесном взаимодействии с ИАН, которая формировала направления, формы, программы научных работ как для сотрудников миссии, так и ученых Академии наук. Научная новизна статьи заключается в том, что впервые через ретроспективный анализ архивных источников дается представление об особенностях сотрудничества ИАН с РДМ в Пекине в XIX веке в ходе естественно-научного изучения Китая в сложных социополитических условиях. Приводятся неизвестные страницы истории Академии наук и ее международной деятельности и формирования российско-китайских отношений.

Ключевые слова: Российская Духовная миссия, экспедиции, Магнитно-метеорологическая обсерватория

Российская Духовная миссия в Пекине Русской православной церкви Московского патриархата, основанная императором Петром I в 1713 году (по другим данным, в 1715 году), сыграла важную роль в установлении добрососедских отношений между Россией и Китаем. История миссии также стала важной вехой в становлении и развитии русской школы синологии. Миссия просуществовала до 1955 года¹ [9] и на протяжении многих лет была единственным доступным источником информации о закрытой Китайской империи.

В истории дипломатических связей между Россией и Китаем не всегда существовала возможность выстраивать официальные отношения. Невозможность или нежелание той или иной стороны приводило к тому, что дипломатам приходилось использовать дополнительные возможности для проведения политики государства. Решением могло послужить использование территории официально разрешенной церкви в качестве дипломатического представительства. Наличие православного населения обеспечивало легитимность существования церкви, а также лояльность властей по отношению к ее сотрудникам. Миссии православной церкви работали в таких городах, как Иерусалим (Османская империя, 1847)² [4], Токио (Япония, 1871)³ [2], Сеул (Корея, 1897) [5], Урмия (Персия, 1898) [12].

Формирование РДМ связано с российско-китайскими приграничными конфликтами вдоль реки Амур. Во время одного из них, в 1685 году, в районе крепости Албазин 45 казаков были захвачены в плен и перевезены в Пекин, где были включены в состав гвардии, охранявшей императора. По указу императора Канси (康熙, пиньинь kāngxī) была создана Русская сотня в составе элитной части «Знамени с желтой каймой»⁴. Часть формировалась за счет высших слоев населения, в основном маньчжуров. Все албазинцы (потомки казаков из крепости Албазин) в подарок от императора получали пожизненное жалование и земли, переходившие по наследству в том случае, если сын продолжал службу в китайской гвардии. Вместе с албазинцами в Пекин был отправлен православный священник отец Максим, который служил в превращенной в христианский храм буддийской кумирне. В 1712 году отец Максим скончался, и возник вопрос об организации в Пекине регулярной миссии с постоянным штатом. В 1714 году в Пекин была отправлена первая православная миссия во главе с архимандритом Илларионом (Лежайским).

Состав Духовной миссии менялся один раз в 10 лет. В миссию, как правило, входили 10–12 человек, в том числе и студенты-ученики (4–6 человек) для изучения восточных

языков. Студенты включались в миссию с 1727 по 1864 год.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

История существования миссии привлекала многих исследователей, но, скорее, как феномен существования церковной общины за пределами Российской империи. Большое внимание уделялось ее дипломатическим и политико-экономическим функциям. Первоначально история Пекинской миссии освещалась самими работниками миссии, как, например, в работах иеромонаха Николая (П. С. Адоратского, 1849–1896) и Иннокентия (И. А. Фигуровского, 1863–1931).

История миссии, ее руководителей, история экспедиций в Китай в XIX веке отражена в ряде научных трудов, среди которых особо стоит отметить работы М. Зейнуллина, Л. С. Чернявской [11], М. Г. Козыревой, Е. И. Скачкова, Д. В. Дубровской [13], А. Парри⁵, К. С. Латуретта, Е. Ф. Тимковского, Е. В. Мальцевой [3], Р. Е. Пубаева [7], Н. А. Самойлова [8] и А. Н. Хохлова [10]. В работах выдающегося отечественного китаеведа В. С. Мясникова [6] на примере российско-китайских отношений детально рассмотрены принципы формирования внешней политики Китая, что существенно отразилось и на проведении научных исследований в самой Китайской империи.

Китайские исследователи также не раз обращались к истории миссии. Среди современных китайских ученых назовем прежде всего Чэнь Кайкэ, Чжу Цзюйчжэнь [15] и Цзинь Юньлун [14].

Основная масса источников по истории РДМ в Пекине находится в собрании Российского государственного исторического архива, Санкт-Петербургском филиале архива Академии наук, а также в Архиве внешней политики Российской империи. Часть архива РДМ была скопирована при последнем начальнике миссии архимандрите Викторе (Л. В. Святин, 1893–1966) и впоследствии передана в рукописный отдел Российской национальной библиотеки (фонд митрополита Виктора). Эти документы достаточно полно отражают все разнообразие деятельности миссии, включая ее дипломатическое представительство и выполнение ею политических и торговых заданий от разных учреждений в России. Это собрание тем более ценно, что во время культурной революции в Китае большая часть архива РДМ была уничтожена. Материалы, хранящиеся в Первом историческом архиве Пекина и Муниципальном архиве Пекина, недоступны для исследователей в связи с приказом китайского правительства о закрытии фондов.

Несмотря на наличие многочисленных источников и литературы по истории и деятельности миссии, научный аспект ее работы, взаимодействие с другими учреждениями внутри Россий-

ской империи недостаточно отражены в исследованиях.

Самоизоляция Китая, закрытость его от любых контактов с западными странами и незаинтересованность в подобных контактах, подозрительность населения при общении с европейцами частично объясняют те трудности, с которыми столкнулись русские ученые в Китае. Только содействие РДМ в Пекине позволило хоть немного приподнять маску таинственности и проводить собственные исследования Китая, реализуя научные задачи, поставленные перед учеными ИАН.

НАЧАЛО НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В КИТАЕ. МИССИЯ 1805 ГОДА

Первой попыткой светской экспедиции в Китай стало посольство Ю. А. Головкина (1762–1846) 1805 года. В этом году император Александр I направил совместно с очередной, девятой, Духовной миссией посольство в Китай. Официальной причиной отправления посольства стало извещение китайского государя о смене императора на российском престоле. Неофициальной – попытка установления постоянных дипломатических связей между двумя империями, расширение торговли (на всей пограничной линии или хотя бы на границе с Синьцзяном⁶), решение вопроса о заходе в китайские порты русских судов, о судоходстве по Амуру, а также вопроса о пограничных территориях в Приамурье и Приморье.

Перед отправлением посольства в марте 1805 года в ИАН поступил приказ от министра иностранных дел А. А. Чарторыйского организовать научный отряд в составе посольства для вестороннего изучения Китая. В состав отряда распоряжением императора Александра I были включены астроном Ф. Ф. Шуберт (1758–1825) и адъютант по зоологии М. И. Адамс (1780–1832). К концу 1805 года были включены адъютант по ботанике И. И. Редовский (1774–1807), минералог Панснер (1777–1851) и адъютант по восточным языкам и словесности Ю. Клапрот (1783–1835). Участники исследовательской группы получили инструкции от ИАН. По инструкции М. И. Адамс должен был собирать зоологические коллекции, Ю. Клапрот – сочинения на китайском, тибетском и маньчжурском языках, которые бы обогатили фонды библиотеки Академии наук⁷. Для И. И. Редовского инструкцию составлял ботаник Т. А. Смеловский (1771–1815). В ней особое внимание уделялось правилам сбора сведений о способах лечения, применяемых в Китае. В частности, Редовскому предлагалось приобрести несколько чайных кустов и узнать все об этом растении, в том числе, какой тип почвы пригоден для его выращивания. Инструкция по минералогической части была составлена ordinарным академиком минералогом В. М. Севергиным (1765–1826) [1: 32]. Инструкции составляли также

академик по политической экономике и статистике А. К. Шторх (1766–1835) и академик по естественным наукам А. Ф. Севастьянов (1771–1824). Крестьянин Бахметьев должен был выполнять обязанности таксидермиста (чучельника)⁸. Прикомандированный к посольству научный отряд ИАН финансировался за счет Государственного казначейства.

Однако по прибытии в Ургу (современный Улан-Батор) посольство вынуждено было отказаться от дальнейшего следования в Китай из-за невозможности выполнения требований китайского церемониала коу-тоу (глава посольства должен был встать на колени перед символами китайского императора, что означало бы признание вассалитета по отношению к Китаю). Ученые, согласовав с Академией наук свои собственные исследовательские программы, провели исследование Дальнего Востока России.

НАУЧНОЕ ИЗУЧЕНИЕ КИТАЯ МИССИЕЙ 1819 ГОДА

Десятая смена РДМ была отправлена в Пекин в 1819 году. Для изучения маньчжурского и китайского языков к миссии были прикомандированы студенты Санкт-Петербургской духовной академии: Н. И. Вознесенский (1801–?), В. К. Абрамович (?), К. Г. Крымский (?) и З. Ф. Леонтьевский (1799–1874)⁹. Ученые Академии наук подготовили специальную инструкцию для студентов. Инструкция затрагивала такие отрасли знаний, как китайская медицина, литература, философия, история и сельское хозяйство. Кроме того, студент, назначенный для сбора филологических сведений, должен был найти в китайских летописях упоминания о «Фо Можно» (таким именем в Китае называли Христа) и, по возможности, описания западных стран¹⁰. Обязанностью студентов было сообщать китайским ученым обо всех новейших усовершенствованиях в области топографии и географии, сделанных к этому времени в Европе¹¹. Распространению знаний среди китайских астрономов могли способствовать книги, переведенные студентами на китайский язык. Необходимые для исследования астрономические инструменты китайские ученые должны были заказывать через Санкт-Петербург¹². По предположению российских топографов, после обучения современным методам топографии и гравировки карт китайские ученые сами могли бы сделать необходимые поправки в своих картах, отослав несколько улучшенных экземпляров в Россию. Таким образом, не задействовав собственных ученых и без организации отдельной экспедиции, связанной с преодолением сопротивления китайского двора проникновению иностранных ученых в страну, Императорское Военно-топографическое депо Генерального штаба (отвечало за производство всех геодезических и картографических работ, выполняющихся военными на территории России) и ИАН могли бы

получить наиболее подробные и достоверные сведения о Китае¹³. Академия наук планировала, что в состав десятой миссии войдут топографы Военно-топографического депо. Но китайский трибунал внешних сношений (аналог Министерства иностранных дел) отказался выдавать документы на проезд топографов по территории Китая, опасаясь, что последние будут производить съемку местности в военных целях.

Российская Академия наук была не единственным научным учреждением Российской империи, интересовавшимся историей и культурой Китая. Такие организации, как Медико-хирургическая академия в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербургское минералогическое общество, Императорское Московское общество естествоиспытателей природы и Вольное экономическое общество, также принимали посильное участие в исследовании Китая. Из-за отсутствия возможности действовать через официальные каналы данные учреждения, как и Академия наук, вынуждены были использовать РДМ в Пекине как прикрытие для реализации собственных научных планов. В связи с тем что каждое общество было заинтересовано в получении специфических данных с территории Китая, они были вынуждены предоставлять ученым, студентам и членам миссии специальные инструкции¹⁴.

Получившие инструкции студенты, отправляющиеся в 1819 году вместе с очередной сменой РДМ в Китай, должны были пересылать собранные коллекции и статьи в общества. По возвращении в Россию и при условии успешности выполнения возложенных на них задач студенты могли быть награждены похвальными листами и медалями¹⁵, а также могли быть выбраны членами-корреспондентами вышеперечисленных учреждений.

Академия наук также предоставила инструкции для студентов Н. И. Вознесенского, В. К. Абрамовича, К. Г. Крымского и З. Ф. Леонтьевского. Академию прежде всего интересовали вопросы, связанные с изучением астрономии в Китае и современным положением данной науки в Китайской империи.

Среди вопросов были следующие¹⁶:

1. Как много обсерваторий находится в Китае и где они расположены?

2. Краткая история Пекинской обсерватории. Какими исследованиями она занимается?

3. Внутренний и внешний вид Пекинской обсерватории.

4. Какие европейские астрономические книги были переведены на китайский язык и знакомы ли китайские ученые с данными сочинениями?

5. Какие инструменты китайские ученые используют для своей исследовательской работы? Какие из них являются европейскими и т. д.

6. Выпускаются ли новые китайские книги по астрономии? По возможности приобрести

новейшие издания для оценки современного состояния астрономии в Китае.

Инструменты и книги, отправленные вместе с миссией, были предоставлены астрономической обсерваторией Петербургской Академии наук:

1. Рефрактор телескоп от 3 ½ до 5 сажений.
2. Телескоп для изучения комет.
3. Два английских глобуса: земной и небесный.
4. Хронометр карманный английский.
5. 2 или 3 дорожных барометра и термометр.
6. Книги по астрономии на английском и французском языках.
7. Полное собрание Санкт-Петербургского месящеслова за 1809–1819 годы¹⁷.

В дальнейшем, после окончания срока пребывания студентов в Китае, предполагалось, что книги и инструменты будут переданы китайским ученым.

Помимо астрономических вопросов, Академию наук интересовали и другие аспекты жизни Китайской империи. В частности, почему в Китае нет монет из драгоценных металлов, а серебро только в слитках, и действительно ли родителям дозволено избавляться от младенцев женского пола в случае нехватки денег¹⁸?

Однако китайское правительство не позволило военным топографам прибыть в Пекин, а китайские исследователи не были заинтересованы в расширении контактов с европейскими учеными. Поэтому единственным результатом этой миссии была передача астрономических книг и приборов Пекинскому математическому трибуналу.

ПЕРВАЯ НАУЧНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В КИТАЙ 1829 ГОДА

Следующая смена РДМ готовилась к отправлению в Китай в 1829 году. В Конференции Академии наук был разработан план экспедиции. Министр народного просвещения К. А. Ливен представил данный проект императору Николаю I. Согласно плану, в Китай предполагалось отправить двух ученых для проведения астрономических и естественно-научных исследований. После одобрения плана императором в состав экспедиции были включены астроном Е. Н. Фус и зоолог А. А. Бунге¹⁹.

Выпускник Дерптского университета А. А. Бунге (1803–1890) имел степень доктора медицины. Будучи казеннокоштным студентом, то есть обучающимся за счет государства, Бунге был обязан после окончания университета отработать определенное количество лет по распределению. Поэтому после выпуска он служил врачом при Кольвано-Воскресенских казенных заводах (Алтайский край). Бунге был рекомендован Академии наук известным немецким ботаником А. фон Гумбольдтом. ИАН обратилась к директору заводов П. К. Фролову с просьбой, чтобы время пребывания Бунге в экспедиции было зачтено

ему в срок действительной службы. Этот вопрос был решен в ходе длительной переписки между министром внутренних дел и министром императорского двора. По окончании переговоров вопрос был решен положительно с условием, что оставшееся время Бунге отработает на тех же заводах²⁰. От начальника заводов Бунге получил подорожную и специальные прогонные деньги до Санкт-Петербурга²¹. Для официального определения Бунге в китайской экспедиции он был переведен на службу в Академию наук в качестве натуралиста экспедиции [1: 218].

Академия наук на основе уже имеющихся данных, полученных ранее от членов РДМ, разработала специальные инструкции для ученых. К работе над инструкциями были привлечены академики: Е. И. Паррот (1767–1852) – физическая часть, А. Я. Купфер (1799–1865) – рекомендации по химии и минералогии, Я. И. Шмидт (1779–1847) – часть по востоковедению и А. К. Мертенс (1796–1830) – рекомендации по сбору ботанических и зоологических коллекций [1: 223]. Согласно подготовленным инструкциям, исследователи должны были провести «астрономические наблюдения для определения долготы и широты населенных пунктов на пути следования; барометрические измерения возвышенностей; магнетические и метеорологические наблюдения; зоологические и ботанические исследования»²².

В связи с невозможностью финансирования экспедиции за счет непосредственно ИАН в Государственное казначейство поступила просьба об ассигновании средств. После одобрения императором Николаем I проекта экспедиции из Государственного казначейства было отпущено 13 000 рублей. Эта сумма распределялась следующим образом: жалование астронома 3000 рублей, ему же полагалась надбавка в размере 1300 рублей; жалование естествоиспытателя 5000 рублей; подъемные деньги (под которыми подразумевалась покупка необходимых вещей: одежды, письменных принадлежностей и т. п. для поездки в Китай) естествоиспытателю и астроному по 500 рублей каждому; прогонные деньги (сумма планировалась из расчета проезда на трех лошадях до Кяхты и обратно) 2824 рубля; на экипаж и непредвиденные расходы выделялось 1342 рубля²³. Дополнительно, из средств экономической суммы академии, формирующейся за счет продажи книг, календарей и процентов по деньгам, положенным в банк, были ассигнованы 6000 руб. на приобретение инструментов.

К проекту экспедиции был приложен список необходимых инструментов с указанием их стоимости и места нахождения, откуда они могли быть получены на время экспедиции:

- 1) «*троутонов секстант* (800 рублей), Гидрографический департамент;
- 2) *пассажный инструмент Эртеля* (600 рублей), Дерптский университет;

3) *хронометры* – господин Фус сам таковой имеет;

4) *компас наклонения* (800 рублей) из магнетической обсерватории ИАН. Сие орудие должно быть возвращено;

5) *компас отклонения* (1800 рублей) подобно предыдущему, закуплено у г. Гамбса. Последний должен быть доставлен курьером;

6) *цилиндры, для измерения направления магнитной силы* (100 рублей) – заказано у г. Роспини;

7) *барометры* (560 рублей) заказано в Дерпте;

8) *термометров* (240 рублей) заказано в Аbove;

9) *подвижный стол и два снаряда для прикрепления барометров* (140 рублей);

10) *орудия для естествоиспытателя и на непредвиденные расходы* (960 рублей).

11) Итого 6000 рублей»²⁴.

Как уже указывалось, официальные экспедиции в Китай в связи с закрытостью страны были невозможны и ученым приходилось пользоваться возможностями миссии для проведения своих исследований. В этой связи министр народного просвещения К. А. Ливен перед отправлением экспедиции обратился к президенту Академии наук С. С. Уварову со специальным отношением, в котором разъяснял правила поведения ученых во время поездки и работы в Китае. Ученые должны были скрывать свои научные исследования и стараться «вообще уклоняться от случаев, могущих породить в китайцах сомнения и неблагоприятные для нас заключения»²⁵.

Проведение барометрических и топографических исследований дополнялось необходимостью приобретать для Азиатского музея ИАН словари и важнейшие филологические сочинения на тибетском и монгольском языках, а также сочинения исторического характера²⁶. Для этой цели ученым было ассигновано 3000 рублей.

В 1830 году исследователи прибыли в Ургу. Зимой 1831 года они провели в Пекине, в расположении миссии, а с наступлением весны отправились в степи Северной Монголии. Начало лета 1831 года Бунге посвятил исследованию флоры в окрестностях Пекина. Работа Бунге и Фуса в Пекине закончилась в 1831 году²⁷. Собранный во время путешествия по Китаю богатый флористический материал (а это более 420 видов сосудистых растений) Бунге описал и законно их опубликовал в работах «Enumeratio plantarum, quas in China borealis collegit Dr. Al. Bunge, anno 1831» (1833) и «Plantarum Mongolico-Chinensium decas I» (1835). Работа А. А. Бунге, по сути, была первым опытом научного ботанического описания китайских растений. Именно Бунге впервые описал многие виды китайской флоры, в частности клен усеченный (*Acer truncatum* Bunge).

Имя А. А. Бунге закреплено в названии ряда растений, произрастающих на Дальнем Востоке России и в Китае, как, например, в названии вида сосны – сосна Бунге *Pinus bungeana* Zucc. ex Endl.

На обратном пути из Пекина в Санкт-Петербург Е. Н. Фус проводил астрономические и барометрические исследования²⁸. Дополнительные расходы на эту экспедицию составили 3700 рублей²⁹. Экспедиция Фуса длилась восемь месяцев. Ее результатом стал ряд географических исследований, впоследствии опубликованных³⁰. Фус определил более 50 мест, лежащих между 20° долготы и 5° широты от Енисея к востоку до Нерчинска. В 30 пунктах он наблюдал магнитное отклонение и наклонение³¹. Кроме того, за время экспедиции он собрал большие коллекции по зоологии, этнографии и лингвистике, описанные им в последующих трудах³². По окончании экспедиции для обработки собранных материалов по решению Конференции Академии наук Фус был определен на один год в звание путешественника³³. Через год его произвели в адъюнкты по астрономии.

Экспедиция А. А. Бунге и Е. Н. Фуса стала фактически первой российской научной экспедицией в Китай. Кроме богатых естественно-научных коллекций, ученые привезли в Петербург этнографические коллекции, отражающие быт и культуру Китая.

«АГЕНТ» ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК И НАУЧНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КИТАЯ В 1839 ГОДУ

Спустя десять лет, в 1839 году, была сформирована новая смена РДМ. В ее состав вошли студенты Казанского университета В. П. Васильев (1818–1900), В. В. Горский (1819–1847), И. А. Гошкевич (1814–1875) и врач А. А. Татаринцов (1817–1886). Студент В. П. Васильев получил неофициальное звание «агента» и корреспондента Академии наук³⁴. Он должен был изучать тибетский и монгольский языки, а также закупать для ИАН редкие книги³⁵. Из экономической суммы ИАН было ассигновано 2205 рублей, которые были обращены в серебряные слитки для передачи их В. П. Васильеву³⁶.

Первоначально ИАН планировала отправить вместе с миссией 1839 года профессора Дерптского университета А. А. Бунге и доцента того же университета Г. М. Асмуса (1812–1859). Смета экспедиции, составленная собственноручно А. А. Бунге, предполагала затраты в 25 тысяч рублей на 1,5 года³⁷. Однако проект экспедиции не был утвержден из-за нехватки собственных средств Академии и невозможности его финансирования за счет средств Государственного казначейства. В связи с этим научные задачи, которые должны были выполнить ученые, Конференция Академии наук намеревалась возложить на студентов миссии.

Студент И. А. Гошкевич был назначен ответственным за проведение астрономических исследований как по пути следования в Китай, так и непосредственно на территории Китая. Перед отправлением экспедиции И. А. Гошкевич прошел специальные курсы в Николаевской

Главной астрономической обсерватории в Санкт-Петербурге³⁸. Проведение астрономических исследований в Китае было тем более важно, что китайское правительство, возмущенное вмешательством католических миссионеров во внутреннюю политику страны, в 1811 году издало декрет о высылке всех миссионеров, не состоящих на официальной службе. К этому времени практически все астрономические исследования были сосредоточены в руках миссионеров, и их изгнание привело к тому, что китайцы фактически остались без собственных астрономов. В китайском церемониале астрономические исследования занимали очень важное место для определения правильных дней того или иного события. Таким образом, китайский двор нуждался в хорошо подготовленных астрономах.

Академия наук предоставила И. А. Гошкевичу необходимые книги по астрономии и инструменты, работы таких известных мастеров, как К. Ф. Гаусс и К. Е. Вебер. Азиатский департамент Министерства иностранных дел, в ведении которого находилась РДМ в Пекине, частично оплатил заказанные инструменты. Общая сумма заказа составила 2502 рубля, или 715 рублей серебром. Впоследствии Государственное казначейство вернуло потраченные деньги в департамент³⁹.

Среди этих инструментов были: астрономические часы работы мастера Ф. Гаута (?–1849), инструменты для магнетических наблюдений, барометр, термометр, психрометр (прибор для измерения влажности воздуха и его температуры), дождемер и специальное оборудование для флюгера, а также книга К. Ф. Гаусса и К. Е. Вебера «Resultate aus den Beobachtungen der magnetische vereim»⁴⁰.

Сбором зоологических коллекций занимались врач миссии А. А. Татаринов и студент В. В. Горский. С разрешения китайских властей они совершили небольшую экскурсию на север Китая. Перед отправлением миссии 1839 года А. А. Татаринов и В. В. Горский прошли практику в Зоологическом музее под руководством хранителя музея Е. И. Шрадера, зоолога Е. Менетрие и ботаника Ф. И. Рупрехта⁴¹. Академиком Ф. Ф. Брандтом и К. М. Бэрмом была написана специальная инструкция по зоологии для исследователей. Для привлечения китайских ученых к сбору коллекций Конференция Академии наук обратилась к А. А. Татаринову с просьбой о переводе инструкции на китайский язык. Из средств ИАН также было ассигновано 150 серебряных рублей, которые должны были пойти на зарплату китайцам, согласившимся работать на российских ученых⁴². ИАН снабдила ученых дополнительными деньгами для приобретения китайских книг по зоологии (150 рублей). После окончания экспедиции Татаринов подготовил несколько трудов по китайской медицине, а также большой атлас китайских лекарственных растений с собственными

рисунками⁴³. Подававший большие надежды как синолог и ботаник В. В. Горский скончался в Пекине 30 ноября 1847 году от чахотки⁴⁴.

Официальный «агент» ИАН в Китае, студент В. П. Васильев, для того чтобы не возбуждать в китайцах излишней подозрительности, не должен был указывать это звание в своей переписке. Инструкции для него также были подготовлены Ф. Ф. Брандтом и К. М. Бэрмом⁴⁵. Они дополнили инструкцию, подготовленную для Васильева профессором Казанского университета М. А. Ковальским. Васильев получил список книг, манускриптов и свитков на китайском, тибетском и монгольском языках, хранящихся в библиотеке ИАН. Для приобретения книг, которых не оказалось в этом списке, ИАН выдала Васильеву 2200 рублей из специальной экономической суммы.

Директор Императорского Ботанического сада Санкт-Петербурга Ф. Б. Фишер (1782–1854) разработал ботанические инструкции для Васильева. В примечаниях к инструкциям Фишер просил Васильева собирать все коллекции в двойном размере, чтобы, во-первых, в случае порчи сохранился хотя бы один экземпляр, а во-вторых, так было бы проще определить видовые особенности⁴⁶.

Результатом работы В. П. Васильева в Китае стали ботанические и зоологические коллекции, а также большое собрание монгольских и тибетских книг. Музеи ИАН существенно пополнялись в ходе работ предыдущих миссий, в частности в результате длительной и плодотворной работы начальника Девятой миссии Иакинфа Бичурина⁴⁷. Таким образом, сотрудникам последующих миссий было непросто найти действительно ценные экземпляры. Попытка установить научные связи с китайскими учеными и наладить через них постоянный и систематический сбор материалов не увенчалась успехом, так как китайское правительство запретило своим подданным поддерживать общение с иностранцами⁴⁸.

За десятилетие своего пребывания в Пекине, с 1840 по 1850 год, В. П. Васильев послал в ИАН большое количество посылок с коллекциями и книгами. Так, например, в 1848 году в ИАН и в Казанский университет им было передано 300 пудов (4914 кг) собранных коллекций. Для библиотеки ИАН Васильевым были приобретены такие сочинения, как «Описание Центральной Азии в средние века» в 12 томах (西域言论)⁴⁹ и редкие тибетские книги – Ганджур (собрание буддийских текстов) в 108 томах и Данджур (комментарии) в 254 томах. Общая стоимость этих книг составила 500 лян⁵⁰. В 1866 году за свои заслуги в области востоковедения В. П. Васильев был избран членом-корреспондентом ИАН⁵¹.

После окончания работы 11-й миссии в ИАН и ее музеи поступили многочисленные зоологические, ботанические и этнографические коллекции, а также большая коллекция китайских,

монгольских, маньчжурских и тибетских книг и манускриптов, часть из которых была подарена миссии правительством Китая. Однако шел и обратный процесс. В 1844–1845 годах студентами были переданы в Пекинский математический трибунал астрономические инструменты и 357 книг (всего 70 томов) [9: 62–63].

МАГНИТНО-МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКАЯ ОБСЕРВАТОРИЯ

Во второй половине XIX века ИАН была предпринята попытка поставить исследования Китая на постоянную основу. Еще в 1819 году на Конференции ИАН обсуждался вопрос о строительстве на базе миссии астрономической обсерватории. Но положительно он был решен только в 1848 году, когда на территории Северного подворья РДМ в Пекине началось строительство постоянно действующей Магнитно-метеорологической обсерватории, проводившей также и астрономические исследования.

Первым директором обсерватории был назначен астроном К. А. Скачков (1821–1883), проследивший, чтобы строительство велось по самым современным на тот момент технологиям, без применения металлических элементов, которые могут сказаться на показаниях приборов. После окончания строительства обсерватория была включена в сеть физических обсерваторий, существовавших на территории России. В апреле 1857 года Скачков был отправлен в отставку по состоянию здоровья и вернулся в Санкт-Петербург. Он написал несколько трудов по китайской астрономии⁵², а также собрал значительную библиотеку китайских книг, состоящую из одиннадцати тысяч томов⁵³.

Основание Магнитно-метеорологической обсерватории в Пекине привело к развитию метеорологии на Дальнем Востоке⁵⁴. На содержание обсерватории из Государственного казначейства по штату полагалось 2000 рублей ежегодно⁵⁵. Все необходимые приборы обсерватория должна была заказывать через Горный департамент Министерства финансов. Ко 2 февраля 1862 года строительство и оснащение обсерватории приборами было в основном завершено. Следующим директором обсерватории после К. А. Скачкова в 1856 году приказом министра иностранных дел А. М. Горчакова был назначен Д. А. Пешуров (1833–1913). Он занимался астрономическими и метеорологическими исследованиями. Им впервые было определено астрономическое положение некоторых китайских городов. В 1862 году Пешуров был назначен переводчиком в русское консульство, в связи с чем уволен с должности директора Пекинской магнитно-метеорологической обсерватории.

В 1863 году директором обсерватории стал К. К. Нейман (1830-е?–1887). Он получил задание от Академии наук производить инспектирова-

ние всех метеорологических станций по пути из Санкт-Петербурга в Пекин. Приехав в Екатеринбург, К. К. Нейман принял решение остаться в этом городе. Вместо него приказом министра народного просвещения № 8 от 20 мая 1867 года директором Пекинской обсерватории был назначен коллежский асессор Г. А. Фритше⁵⁶ (?).

Для сосредоточения в одном учреждении управления всеми результатами, полученными в ходе магнитных и метеорологических исследований, в 1865 году Министерство финансов провело совещание утвержденной императором комиссии о передаче Главной физической, а также всех магнитных и метеорологических обсерваторий, находящихся в ведении горного ведомства, под юрисдикцию Академии наук. В результате магнитно-метеорологические обсерватории, в том числе и Пекинская обсерватория, с 1 января 1866 года были переданы Академии наук. Содержание Пекинской обсерватории было увеличено до 3000 рублей⁵⁷.

За время работы на посту директора Пекинской обсерватории Г. А. Фритше определил астрономическое положение многих населенных пунктов в Северном Китае и Монголии. В 1867 году он организовал в Урге первую в Монголии метеорологическую станцию. В 1873 году Фритше исследовал прихинганскую часть Китая (север). Его работы способствовали уточнению карт северного Китая и Монголии и правильному представлению о рельефе этих стран.

К концу 1873 года под юрисдикцией Пекинской магнитно-метеорологической обсерватории находилось 6 магнитно-метеорологических станций: Урга, Тяньцзинь (天津), Дагу (大沽炮台), Сиваньцзе (около Чжанцзякоу, 張家口), Хэйшуй (黑水) и Цзилун (старое написание – Келунг) (基隆市, Формоза, современный Тайвань 台灣)⁵⁸.

Однако век существования обсерватории был недолог. В 1883 году Г. А. Фритше вышел в отставку, а в 1888 году обсерватория была закрыта. Специально назначенный сотрудник миссии еще несколько лет занимался метеорологическими наблюдениями, но они были нерегулярными. После боксерского восстания 1900 года Северное подворье миссии, на территории которого находилась обсерватория, было разграблено и разрушено. В настоящий момент на территории бывшего Северного подворья РДМ находится Посольство России.

Россия и Китай имеют долгую историю межгосударственного взаимодействия. Наличие протяженной общей границы, вопрос по которой долгое время был не урегулирован, с одной стороны, приводило к постоянным пограничным конфликтам, а с другой стороны, позволяло налаживать долгосрочные торговые связи. Закрытость Китайской империи, политическая изоляция этого государства не способствовали установлению постоянных дипломатических

отношений. Дипломатические функции, а также функции торгового представительства и научно-исследования Китая была вынуждена взять на себя РДМ в Пекине, существовавшая на территории Китайского государства с 1713 по 1955 год. Только благодаря посредничеству миссии светские ученые могли заниматься изучением Китая. ИАН часто делегировала решение научных задач сотрудникам миссии, предоставляя им необходимые инструкции и инструменты. Попытки установления научных контактов с китайскими учеными, несмотря на все попытки и членов миссии, и ученых Академии наук, не увенчались успехом из-за запрета китайского правительства на любые контакты с иностранцами. Однако миссии удалось наладить обмен книгами и инструментами с китайскими исследователями. Сотрудниками миссии и учеными ИАН были собраны богатейшие этнографические, ботанические и зоологические коллекции, проведены лингвистические, магнетические и астрономические исследования, а также привезены многочисленные книги, манускрипты и рукописи на китайском, монгольском, маньчжурском и тибетских языках.

Необходимость в организации научных исследований Китая на постоянной основе привела

к тому, что на территории Северного подворья РДМ в 1848 году была построена Магнитно-метеорологическая обсерватория. Эта обсерватория вошла в создававшуюся на тот момент сеть магнитно-метеорологических обсерваторий на территории России и позволила охватить метеорологическими наблюдениями обширный азиатский регион и включить его в сеть наблюдений над погодой, что способствовало ее долговременному прогнозированию. В состав обсерватории входило шесть постоянно действующих магнитно-метеорологических станций, располагающихся от Северной Монголии до современного Тайваня. Наблюдениями занимались сотрудники посольства или работники таможни, получившие специальные инструкции и инструменты. На протяжении всего времени существования обсерватории она проводила многочисленные магнетические, барометрические, метеорологические и астрономические исследования.

Таким образом, деятельность РДМ в Пекине оказала положительное влияние на установление и нормализацию межгосударственных отношений между Россией и Китаем, а также способствовала формированию постоянных взаимных культурных межгосударственных связей.

* Funded by Chinese Academy of sciences President's international fellowship initiative. Grant 2015VTC059.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Малахов В. Русская православная миссия в Китае в ее прошлом и настоящем. Почаев, 1907. 11 с.
- ² Дмитриевский А. А. Епископ Порфирий (Успенский) как инициатор и организатор первой Русской Духовной Миссии в Иерусалиме и его заслуги в пользу Православия и в деле изучения Христианского Востока. (По поводу столетия со дня его рождения) // Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. Т. XVI. Вып. 3. 1905. С. 329–361; Вып. 4. С. 457–547.
- ³ Русская православная миссия и православная церковь в Японии / Под ред. Ф. Орнатского. СПб., 1889. 24 с.
- ⁴ http://thelib.ru/books/sergey_balmasov/beloemigranty_na_voennoy_sluzhbe_v_kitae-read.html.
- ⁵ Parry A. Russian (Greek Orthodox) Missionaries in China, 1689–1917; Their Cultural, Political, and Economic Role // The Pacific Historical Review. 1940. Vol. 9. № 4. С. 401–424.
- ⁶ Провинция на северо-западе Китая. Столица – Урумчи.
- ⁷ О посольстве графа Ю. А. Головкина в Китай. С. 13. Во все время посольства М. И. Адамсу производилось жалованье в размере 1000 рублей серебром в год.
- ⁸ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.
- ⁹ Тимковский Е. Ф. Путешествие в Китай через Монголию в 1820–1821 гг. Ч. 1–2. СПб.: Тип. Мед. деп. МВД, 1824. С. 57–58.
- ¹⁰ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1819. Д. 1. Об инструкции для миссии, отправляемой в Китай. Л. 35об.–36.
- ¹¹ Там же. Л. 72–73об.
- ¹² Там же. Л. 71об.–72.
- ¹³ Там же. Л. 73.
- ¹⁴ Российская национальная библиотека (РНБ). Фонд митрополита Виктора. Ф. 1457. Д. 31. 1818. Л. 11об.
- ¹⁵ РНБ. Ф. 1457. Д. 31. 1818. Л. 11об.
- ¹⁶ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1819. Д. 1. Об инструкции для миссии, отправляемой в Китай. Л. 70–71.
- ¹⁷ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1819. Д. 1. Об инструкции для миссии, отправляемой в Китай. Л. 70–71.
- ¹⁸ Там же. Л. 79–100об.
- ¹⁹ См.: Сытин А. К. Александр Андреевич Бунге.
- ²⁰ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 468. Оп. 18. Д. 697–699. Л. 1–5.
- ²¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 12. Д. 401. О намерении Академии отправить в Пекин натуралиста и астронома, 1829. Л. 3.
- ²² СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1819. Д. 1. Л. 74.
- ²³ РГИА. Ф. 733. Оп. 12. Д. 401–1829. Л. 3.
- ²⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 12. Д. 401. О намерении Академии... 1829. Л. 26.
- ²⁵ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1839. Д. 12. Л. 37–37об.
- ²⁶ Там же. Л. 44.
- ²⁷ Bretschneider E. V. History of European Botanical Discoveries in China. London, 1898. Vol. 1.
- ²⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 12. Д. 401. О намерении Академии отправить в Пекин натуралиста и астронома. Л. 29.
- ²⁹ Там же. Л. 30.

- ³⁰ Kupffer M. A. Th. Rapport fait à l'Académie relativement à une lettre de Georges Fuss, datée de Troizko-Savsk (près de Kiachta, frontière de la Chine) le 23 septembre 1831 // *Bullet. Scientif.* 1832. P. 63–75; «Geographische, magnetische und hypsometrische Bestimmungen, abgeleitet aus Beobachtungen auf einer Reise, die in den Jahren 1830, 1831 und 1832 nach Sibirien und dem Chinesischen Reiche... unternommen wurde» («Memoires de L'Académie, III. 1835–1838. C. 59–128).
- ³¹ Журнал министерства народного просвещения (ЖМНП). Ч. 1. СПб., 1834. С. 413.
- ³² Geographische, magnetische und hypsometrische Bestimmungen, abgeleitet aus Beobachtungen auf einer Reise, die in den Jahren 1830, 1831 und 1832 nach Sibirien und dem Chinesischen Reiche... unternommen wurde» («Memoires de L'Académie», III. 1835–1838. C. 59–128).
- ³³ РГИА. Ф. 733. Оп. 12. Д. 401. О намерении Академии отправить в Пекин... Л. 37. С производством жалованья адъютанта в 2500 руб.
- ³⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 7–9. Л. 4.
- ³⁵ Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVII и XIX вв. С. 193.
- ³⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 7–9. Л. 4.
- ³⁷ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1839. Д. 13. Л. 54–54об.
- ³⁸ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1839. Д. 13. Л. 1об.
- ³⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 12. Д. 517. 1839–1840. Л. 34.
- ⁴⁰ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1839. Д. 13. Л. 60–61.
- ⁴¹ Там же. Л. 64.
- ⁴² Там же. Л. 66.
- ⁴³ Русский биографический словарь. СПб.: Тип. Тов-ва «Общественная польза», 1912. С. 21.
- ⁴⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 448. Д. 6. 1836–1849. Л. 146.
- ⁴⁵ Там же. Л. 67.
- ⁴⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 448. Д. 15. 1841. Л. 7–7об.
- ⁴⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 448. Д. 20. 1840. Л. 2об.
- ⁴⁸ СПбФ АРАН. Ф. 51. Оп. 3–1850. Д. 20. Л. 44.
- ⁴⁹ РГИА. Ф. 775. Оп. 1. 1845. Д. 8. Л. 15.
- ⁵⁰ Лян – китайская серебряная монета. 1 лян = примерно 150–200 современных юаней или 1926 современных рублей. То есть В. П. Васильев заплатил 963 000 рублей в пересчете на современные деньги. РГИА. Ф. 775. Оп. 1. 1840–1850. Д. 256. Л. 71об.
- ⁵¹ Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVII и XIX вв. С. 193.
- ⁵² Скачков К. А. Судьба астрономии в Китае // *Журнал Министерства Народного Просвещения.* СПб., 1874. Т. CLXXXIII. № 5. С. 23–58.
- ⁵³ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1864. Д. 23. Л. 4–4об.
- ⁵⁴ Вестник Императорского Русского Географического Общества. 1855. Т. VI. С. 252–253.
- ⁵⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 142. Д. 122. 1861–1866. Л. 16.
- ⁵⁶ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 622. Л. 11об.
- ⁵⁷ СПбФ АРАН. Ф. 337. Оп. 1. Д. 1. Л. 9–13об.
- ⁵⁸ Фритше Г. А. Годовой отчет директора Пекинской обсерватории за 1873 // *Записки Императорской Академии наук.* Т. 28. Кн. 1. 1876. С. 81–103.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Летопись Российской Академии наук: В 4 т. Т. 2. 1803–1860. СПб.: Наука, 2002. 621 с.
2. Логачев К. И. Российская Духовная Миссия в Японии и ее взаимоотношения с другими христианскими миссионерами // *Православие на Дальнем Востоке.* СПб., 1996. Вып. 2. С. 240–249.
3. Мальцева Е. В. В. П. Васильев как исследователь китайской литературы // *Материалы по истории и филологии Центральной Азии.* Вып. 4. Улан-Удэ, 1970. С. 9–11.
4. Марк (Головков), иеромонах. 150 лет Русской Духовной Миссии в Иерусалиме // *Паломничество во Святу Землю. 150 лет Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.* М., 1997. С. 299–337.
5. Михаил Шкаровский. Православная Духовная Миссия в Корее // *Известия корееведения в Центральной Азии.* Алма-Ата, 2009. № 8 (16). С. 78–113.
6. Мясников В. С. Три нормы и пять прельщений // *Родина.* 2004. № 4. С. 19–22. Мясников В. С. Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы XVII–XIX вв. М., 1996. 154 с. Мясников В. С., Шепелева Н. В. Империя Цин и Россия в 17 – начале 20 вв. // *Китай и соседи в новое и новейшее время.* М., 1982. С. 34–89. Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М.: Наука (ГРВЛ), 1980. 312 с.
7. Пубаев Р. Е. Академик В. П. Васильев – первый исследователь тибетской исторической литературы в России // *Востоковедные исследования в Бурятии.* Новосибирск, 1981. С. 62–78.
8. Самойлов Н. А. Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений. М.: Весь Мир, 2013. 704 с.
9. Су Фэнлин. История культурных отношений Китая с Россией до середины XIX в.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2000. 70 с.
10. Хохлов А. Н. Пекинский дневник В. П. Васильева // 22-я НКОГК (Научная конференция «Общество и государство в Китае»). Ч. 3. М.: Наука, 1991. С. 208–221.
11. Чернявская Л. С. Документы архива Министерства иностранных дел по истории русских православных миссий за границей // *Отечественные архивы.* 2001. № 4. С. 29–34.
12. Bolshakoff S. *The Foreign Missions of the Russian Orthodox Church.* SPCK London, England, 1943. 120 p.
13. Doubrovskaja D. V. *The Russian Orthodox Church in China.* New York, 2001. 499 p.
14. Jin Yunlong. Review on the status of the research on the Russian Orthodox mission // *Journal of Normal Colleague of Changchun.* 2012. № 31 (1). P. 61–64.
15. Zhu Juzhen. Beijing's meteorological records during the Qing dynasty // *Meteorological Journal.* 1936. № 12 (2). Min Liuzhao. *Chinese meteorology History / On the Chinese Modern Science.* Series Meteorology. Taiwan, Science Press, 1955. 213 p.

Feklova T. Yu., Saint-Petersburg's Branch of the Institute for the History of Science and Technology,
Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)
Zhang Jiuchen, Institute for the History of Natural Science, China Academy of sciences (Beijing, China)

INVESTIGATION OF CHINA IN THE XIX CENTURY: SCIENTIFIC ASPECTS OF THE RUSSIAN ORTHODOX MISSION

The Russian Orthodox Mission for Russians living in China was established in Beijing in 1713 (some sources give the date 1715), and it existed until 1955. It played a crucial role in the development of the Russian-Chinese relations. It also became a Russian center for the scientific study of China and the first training school for sinologists. During the first half of the 19th century China closed its country to the outside world. The Russian scientists were able to obtain reliable information about China only through the Russian Orthodox Mission in Beijing. It also helped in the fulfillment of some diplomacy works for the Russian government. In this article, the authors outline the history of cooperation between the Russian Academy of Sciences and the Russian Orthodox Mission in Beijing during the first half of the 19th century. The numerous archival materials allow the authors to come to a conclusion that the Russian Orthodox mission made a significant contribution to the scientific investigation of China.

Key words: Russian Orthodox mission, expedition, Magnetic and meteorological Observatory

REFERENCES

1. *Letopis' Rossiyskoy Akademii nauk* [Annals of the Russian Academy of Sciences]. In 4 vol. Vol. 2. 1803–1860. St. Petersburg, Nauka Publ., 2002. 621 p.
2. Logachev K. I. Russian Orthodox mission in Japan and its relations with other Christian missionaries [Rossiyskaya Dukhovnaya Missiya v Yaponii i ee vzaimootnosheniya s drugimi khristianskimi missionerami]. *Pravoslavie na Dal'nem Vostoke*. St. Petersburg, 1996. Issue 2. P. 240–249.
3. Mal'tseva E. V. V. P. Vasiliev as a scholar of Chinese literature [V. P. Vasil'ev kak issledovatel' kitayskoy literatury]. *Materialy po istorii i filologii Tsentral'noy Azii*. 1970. Issue 4. P. 9–11.
4. Mark (Golovkov), ieromonakh. 150 years of the Russian Orthodox Mission in Jerusalem [150 let Russkoy Dukhovnoy Missii v Ierusalime]. *Palomnichestvo vo Svyatuyu Zemlyu. 150 let Russkoy Dukhovnoy Missii v Ierusalime*. Moscow, 1997. P. 299–337.
5. Mikhail Shkarovskiy. The Russian Orthodox Mission in Korea [Pravoslavnaya Dukhovnaya Missiya v Koree]. *Izvestiya koreevedeniya v Tsentral'noy Azii*. 2009. № 8 (16). P. 78–113.
6. Myasnikov V. S. Three standards and five seduction [Tri normy i pyat' prel'shcheniy]. *Rodina*. 2004. № 4. P. 19–22.
Myasnikov V. S. *Dogovornymi stat'yami utverdili. Diplomaticheskaya istoriya russko-kitayskoy granitsy XVII–XIX vv.* [Contractual articles approved. Diplomatic History of the Russian-Chinese border in the XVII–XIX centuries]. Moscow, 1996. 154 p.; Myasnikov V. S., Shepeleva N. V. Qing Dynasty and Russia in the 17th and early 20th centuries [Imperiya Tsin i Rossiya v 17 – nachale 20 vv.]. *Kitay i sosedi v novoe i noveyshee vremya*. Moscow, 1982. P. 34–89; Myasnikov V. S. *Imperiya Tsin i Russkoe gosudarstvo v XVII veke* [Qing Dynasty and the Russian state in the XVII century]. Moscow, Nauka (GRVL) Publ., 1980. 312 p.
7. Pubaev R. E. Academician V. P. Vasilev – the first researcher of Tibetan historical literature in Russia [Akademik V. P. Vasil'ev – pervyy issledovatel' tibetskoy istoricheskoy literatury v Rossii]. *Vostokovednye issledovaniya v Buryatii*. Novosibirsk, 1981. P. 62–78.
8. Samoylov N. A. *Rossiya i Kitay: chetyre veka vzaimodeystviya. Istoriya, sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya rossiysko-kitayskikh otnosheniy* [Russia and China: four centuries of interaction. The history, current state and prospects of development of Russian-Chinese relations]. Moscow, Ves' Mir Publ., 2013. 704 p.
9. Su Fenglin'. *Istoriya kul'turnykh otnosheniy Kitaya s Rossiei do serediny XIX v.: Avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [The history of cultural relations between China and Russia in the middle of XIX century]. Moscow, 2000. 70 p.
10. Khokhlov A. N. Beijing's diary of V. P. Vasilyev [Pekinskiy dnevnik V. P. Vasil'eva]. *22-ya NKOGK (Nauchnaya konferentsiya "Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae")*. 1991. Part 3. Moscow, Nauka Publ., 1991. P. 208–221.
11. Chernyavskaya L. S. Documents of the archive of the Ministry of Foreign Affairs about the history of the Russian Orthodox missions abroad [Dokumenty arkhiva Ministerstva inostrannykh del po istorii russkikh pravoslavnykh missiy za granitse]. *Otechestvennye arkhivy*. 2001. № 4. P. 29–34.
12. Bolshakoff S. *The Foreign Missions of the Russian Orthodox Church*. SPCK London, England, 1943. 120 p.
13. Doubrovskaya D. V. *The Russian Orthodox Church in China*. New York, 2001. 499 p.
14. Jin Yunlong. Review on the status of the research on the Russian Orthodox mission // *Journal of Normal College of Changchun*. 2012. № 31 (1). P. 61–64.
15. Zhu Juzhen. Beijing's meteorological records during the Qing dynasty. *Meteorological Journal*. 1936. № 12 (2); Min Liuzhao. *Chinese meteorology History / On the Chinese Modern Science*. Series Meteorology. Taiwan: Science Press, 1955. 213 p.

Поступила в редакцию 29.11.2016

АРСЕНИЙ АНДРЕЕВИЧ ПРОЙДАКОВ
магистрант кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
arsenij.projdakov@mail.ru

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ СУВОРОВ
кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
Suvorov@psu.karelia.ru

ГЕНОЦИД СЕРБОВ КАК ЧАСТЬ ПОЛИТИКИ НЕЗАВИСИМОГО ГОСУДАРСТВА ХОРВАТИЯ (1941–1945 ГОДЫ)

Статья посвящена политике геноцида сербов, проводимой усташами в Независимом государстве Хорватия (НГХ) в годы Второй мировой войны. С 1941 года правительство А. Павелича приступило к проведению политики дискриминации, преследования и уничтожения сербов. Был издан ряд нормативных актов, носивших ярко выраженный расистский характер, которые лишали сербское население элементарных гражданских прав. Усташа распространяли антисербские настроения среди хорватов, организовывая митинги, на которых призывали ликвидировать «сербский элемент». Гонениям подвергалась и православная церковь. На территории НГХ создавались концентрационные лагеря для уничтожения сербского населения. Авторы приходят к выводу, что геноцид сербов в НГХ являлся одной из причин кровавого распада Югославии в 1990-х годах и тлеющего до сих пор сербо-хорватского антагонизма.

Ключевые слова: Независимое государство Хорватия, усташа, геноцид сербов, Анте Павелич, лагерь смерти, Ясеновац

В истории Балканского региона особо выделяется сербо-хорватский антагонизм, который имеет глубокие исторические корни. Последнее его яркое проявление имело место в 1990-е годы в ходе кровопролитного распада Югославии, после которого Запад упорно обвинял сербов в агрессии, нарушении прав человека и разжигании межнациональной розни. Одну из причин этого конфликта можно найти в политике, проводимой правительством НГХ в годы Второй мировой войны.

Как известно, в 1918 году на осколках развалившихся Австро-Венгерской и Османской империй возникло Королевство сербов, хорватов и словенцев, которое в 1929 году было преобразовано в Королевство Югославия. Роль объединителя югославянских земель играла Сербия. В межвоенный период королевское правительство проводило политику сербизации, что вызвало болезненную реакцию несербского населения, особенно хорватов. После начала Второй мировой войны правительство Югославии придерживалось нейтралитета, но в связи со сложившейся внешнеполитической ситуацией (к 1941 году Югославия находилась в окружении союзников Третьего рейха – Италии, Венгрии, Болгарии и Румынии) 25 марта 1941 года было вынуждено присоединиться к Тройственному пакту, что вызвало массовые антифашистские демонстрации в стране и спровоцировало государственный переворот. В ответ германские войска 6 апреля

1941 года вторглись на территорию Югославии. Вместе с ними в стране оказались члены хорватской ультранационалистической профашистской организации «Усташа». 10 апреля 1941 года один из лидеров усташей Славко Кватерник, выступая по «Радио Загреба», объявил о создании Независимого государства Хорватия. Спустя пять дней в Загреб прибыл будущий глава правительства НГХ поглавник Анте Павелич. В состав самопровозглашенного государства вошли: собственно Хорватия, Славония, часть Далмации, Босния и Герцеговина и часть Срема, на которых проживало около 6,5 миллиона человек, включая 2 миллиона сербов [3: 42].

Основой идеологии усташей был хорватский этнический национализм, заимствовавший многие постулаты итальянского фашизма и немецкого национал-социализма. Создатели Независимого государства Хорватия пытались придерживаться такой национальной политики, которая привела бы к изгнанию или ликвидации всех «чужеземцев» [1: 199], под которыми понимались все нехорваты. Для усташей национальное государство являлось высшей ценностью и «главным условием свободного развития хорватской нации» [1: 179]. Хорватия должна была превратиться в «родину чистого душой и телом народа, лишённого расовых примесей и очищенного от личностей, чуждых католической религии» [3: 41]. Объектом ненависти и ксенофобии

усташей стал сербский народ как воплощение югославской «великодержавной экспансии», от чего нужно было немедленно избавиться. Министр по делам просвещения и религии НГХ Миле Будака писал: «Либо победа, либо гибель! Огонь и вода не могут смешиваться. Они могут лишь уничтожить друг друга» [1: 202].

В первые недели существования Независимого государства Хорватия проживавшие в нем сербы столкнулись с чудовищной дискриминацией, проявившейся во всех сферах жизни общества. Так, 18 апреля 1941 года Анте Павелич издал постановление, согласно которым на все частные предприятия, принадлежавшие сербским предпринимателям, назначались особые государственные комиссары для контроля за их деятельностью. Также эти постановления предусматривали полное изъятие автотранспортных средств у всего сербского населения. Были изданы законы, запрещающие использование название «сербская православная церковь» как в письменной, так и в устной форме. 25 апреля 1941 года специальным указом правительства НГХ был объявлен запрет на использование кириллицы в частной и общественной жизни. В Загребе для всех сербов вводился комендантский час. В июле главнокомандующий Славко Кватерник приказал всем сербам, переселившимся на территорию НГХ после 1 января 1900 года, и их потомкам пройти обязательную регистрацию в местных органах власти.

Чтобы доказать своему союзнику – Третьей рейхе – преданность, правительство НГХ скопировало теорию «расового превосходства арийцев», приписав хорватам не славянское, а германское, следовательно, «арийское» происхождение. 30 апреля 1941 года был издан указ «о защите арийской расы и чести хорватского народа» [3: 43]. Согласно указу были созданы специальные комиссии по расовой политике, которые могли принимать решения в случаях сомнительности расового происхождения. Вскоре власти НГХ приказали всему сербскому населению в качестве опознавательного знака носить на руке повязку с латинской буквой «Р», обозначающей слово «pravoslavni», то есть православный. В дополнение к этому указу в этот же день было издано постановление «О хорватской национальности» [3: 43], согласно которому отныне только лица «арийского происхождения» имели гражданские права. Сербам было запрещено ходить по тротуарам, посещать общественные места, магазины, рестораны и пользоваться общественным транспортом. Сербы были обязаны сдать в полицию все радиоприемники и телефоны. Были запрещены смешанные браки между «арийцами» и «неарийцами», любые половые внебрачные связи между хорватами и сербами карались смертной казнью.

Власти НГХ устраивали различные сходки и митинги, в ходе которых усташаи распространяли среди населения антисербские настроения, призывая хорватов уничтожить «сербский» элемент как угрозу для дальнейшего существования

независимого хорватского государства и хорватского народа как такового. Министр юстиции Мирко Пук во время одного из таких митингов в городе Глине заявил: «Сербы в Хорватии – чужеродный элемент, который представляет опасность для существования хорватского народа... Мы знаем, что они нам никогда добра не делали и ничего хорошего не желали» [1: 205]. Еще жестче о сербах отзывался министр иностранных дел Младен Лоркович: «Хорватский народ должен очиститься от тех элементов, которые приносят ему несчастья, которые чужды ему, которые разлагают здоровые силы этого народа... Эти элементы – сербы» [1: 206]. Тот же Лоркович 27 июля 1941 года в городе Доньи Михольяц выступил с заявлением: «Наш долг – заставить молчать навсегда те элементы, которые больше всего способствовали попаданию Хорватии под сербское господство... мы должны уничтожить сербов в Хорватии!» [3: 46]. Высшей точкой в риторике сербофобии можно считать знаменитую речь министра по делам просвещения и религии Миле Будака 8 июля 1941 года в Вуковаре: «Те сербы, что живут в Хорватии, не сербы, а нищие переселенцы с Востока, которых турки привели с собой в качестве носильщиков и прислуги» [1: 206]. Идеи Будака нашли свое отражение в его известной формуле решения «сербского» вопроса: одну треть – выселить в Сербию, одну треть – обратить в католицизм и ассимилировать, одну треть – уничтожить.

Усташаи стремились превратить Хорватию не просто в моноэтническое государство, но также в исключительно католическую страну. Многие представители правящих кругов НГХ в своих речах неоднократно подчеркивали, что хорваты являются «богоизбранным» народом. В связи с религиозным вопросом нельзя обойти стороной проблему отношения усташей к сербской православной церкви. Известно, что политику НГХ в отношении православных сербов поддерживало большинство католического духовенства. В католической газете «Katolicki List» сараевского архиепископства от 31 августа 1941 года было написано: «До сегодняшнего дня Бог говорил с ними посредством пророков, книг Закона Божьего. Но они не слушали. Теперь Бог решил использовать другие методы» [3: 60]. В начале июля 1941 года Министерство внутренних дел НГХ по инициативе министра Андрие Артуковича издало постановление, согласно которому необходимо было незамедлительно закрыть все начальные школы и детские сады, подчиненные сербским религиозным организациям. Не сложно догадаться, что это постановление было направлено прежде всего против православной церкви. До окончания войны в НГХ бойцы усташей разрушили около 299 православных церквей [2], убили 6 епископов и 222 священнослужителя. Убийства православных священнослужителей производились с особой жестокостью. Так, например, православного епископа Баня-Луки Платона Йовановича после ареста отвезли в поселок недалеко от города, где

усташи выдрали священнику бороду и, прежде чем убить, выкололи глаза и отрезали нос и уши.

Вместе с разрушением православных церквей и зверскими убийствами священнослужителей усташи изымали все их имущество, прежде всего в пользу католического епископата, который принимал в этом активнейшее участие. Для этого были созданы специальные организации – Государственный совет по восстановлению и Комитет по конфискации православных церквей и соответствующего имущества [3: 73], цель которых заключалась в экспроприации имущества православной церкви в пользу хорватской католической. Например, католический епископ Кризевака Янко Симрак получил православный монастырь Лепавины. В некоторых районах церкви превращались в склады, общественные туалеты и конюшни. Однако большая часть зданий была преобразована в католические костелы.

Согласно упомянутой выше формуле Миле Будака, одну треть сербов предстояло ассимилировать, что прежде всего было воплощено в обращении православных сербов в католицизм. Это практика была легализована Законом о религиозном обращении от 5 мая 1941 года, который запустил массовую кампанию принудительного «обращения» в католическую веру. До конца 1941 года число принудительных обращений настолько возросло, что некоторые епархии вместо непосредственно обряда крещения подготовили специальные бланки, заполнив и подписав которые, сербы подтверждали свой переход в католичество. По официальным данным, более 240 тысяч были насильственно переведены в католицизм [2].

Сразу после провозглашения НГХ, в период с апреля по июнь 1941 года, по стране прокатилась целая волна этнических чисток на территориях, населенных преимущественно сербами. Многих сербов усташи бросали с гор в пропасти живьем вместе с ручными гранатами. По свидетельствам очевидцев, по рекам Драва, Неретва, Сава плыли трупы убитых сербов. Стоит подчеркнуть, что убийства носили массовый характер. Так, в городе Корице было убито 176 сербов, в округе Любишки – 4,5 тысячи. На авиационном поле между Свийцей и Ливно были обнаружены цистерны, в которых 280 трупов сербов были засыпаны негашеной известью. В деревне Галинье более 100 сербов были брошены в Дрину связанными по двое металлической проволокой. Убийства сербов усташами отличались особой жестокостью и кровожадностью. Во время этнических чисток усташи отрезали своим жертвам носы и уши, засовывали под ногти иголки. Так, в селе Добое одному сербу вспороли живот, привязали к колу и вращали, пока внутренности не намотались на дерево. Известны случаи, когда усташи оставляли для себя в качестве трофеев человеческие глаза. Один из таких случаев описывает в своем дневнике английский врач Л. Роджерс: «Я подобрал сумку и открыл ее. Сначала я подумал, что это моллюски без скорлупы, но,

рассмотрев, понял, что это человеческие глаза» [3: 65]. После войны члены специальной югославской комиссии по расследованию военных преступлений описали результаты эксгумации трупов. Одни из жертв были задушены железной проволокой, другие – забиты деревянными палками, молотками, тупыми или острыми металлическими предметами. Усташи чаще всего использовали острые предметы и даже изобрели специальный нож, получивший название «сербосек», который стал их неофициальным символом. Сам нож представлял лезвие, прикрепленное к изогнутой овальной медной пластине, которая, в свою очередь, была прикреплена к кожаной перчатке [4: 21]. С помощью сербосека усташи даже устраивали настоящие соревнования на скорость убийств сербов. Самым известным «рекордсменом» в этих соревнованиях был хорватский лейтенант Петар Брзица, который 29 августа 1942 года за одну ночь жестоко расправился с более чем 1360 пленными сербами – узниками концентрационного лагеря Ясеновац.

Сразу после образования Независимого государства Хорватия, в апреле – мае 1941 года, по всей территории страны были открыты первые концентрационные лагеря, предназначенные для сербского населения. Официально использование лагерей было узаконено 23 ноября 1941 года указом правительства о так называемых «Лагерьх интернирования и работ» [3: 79]. Следует отметить, что официально заключение в лагерь производилось не согласно постановлению суда, а по приказу Усташской службы контроля. На деле любое воинское подразделение поглавника имело полное право арестовать и заключить в лагерь кого угодно, независимо от его статуса и происхождения. За весь период существования НГХ в стране было создано 22 концентрационных лагеря.

С момента создания первых лагерей в апреле 1941 года во главе управления всей системой стоял Мийо Бабиц, однако его руководство было недолгим, поскольку уже в июне он был убит сербскими партизанами. На его место был назначен Векослав Любурич, известный своей бесчеловечной жестокостью. Выжившим узникам лагеря Стара Градишка более всего запомнилась сестра Любурича Нада, которая по ночам развлекалась тем, что резала ножом сербских женщин. Охраной лагерей смерти занималось специальное подразделение – Усташская надзорная служба.

Первый концентрационный лагерь был построен в городе Данице в конце апреля 1941 года. Уже 29 апреля сюда прибыла партия заключенных численностью примерно в 300 человек [3: 80]. Доставляли узников в специальных запломбированных железнодорожных вагонах, на которых было написано «гнилые фрукты» [3: 80]. К середине мая число заключенных возросло до 3 тысяч, в июле – до 9 тысяч. Лишь в конце июля из-за нехватки мест лагерь был закрыт, а арестантов распределили в другие места заключения.

Первый лагерь, специально предназначенный для уничтожения сербов, был открыт в городе Жадовно 22 мая 1941 года. Территория лагеря представляла собой открытое поле с ограждениями из колючей проволоки высотой в 4 метра. Снаружи стояли два барака: один был предназначен для начальника лагеря, другой – для охранников. В Жадовно усташа ежедневно уничтожали от 300 до 400 человек [3: 81]. Каждый день узников отводили к обрыву, получившему название «Впадина Саранова», находившемуся в 5 км от лагеря. Там усташа расправлялись со своими жертвами, перерезая им горло и нанося удары по голове, после чего сбрасывали тела с обрыва. После войны специальная комиссия по расследованию преступлений усташей обнаружила на дне обрыва около 35 тысяч тел [3: 80].

Были созданы и специальные лагеря для представителей интеллигенции и известных личностей. Один из таких был открыт в замке Керестинец, в 25 км от Загреба, 18 мая 1941 года. Печальную известность получил лагерь Стара Градишка, располагавшийся в старой крепости на территории Словении. Он был открыт осенью 1941 года и предназначался для уничтожения сербских женщин и детей. Многие исследователи часто упоминают этот лагерь по той причине, что активное участие в расправе над узниками при-

нимали хорватские монашки, чьими руками было убито не менее 75 тысяч человек [3: 81].

Один из самых страшных и кровавых лагерей был Ясеновац, созданный в мае 1941 года. Он состоял из четырех зон, где уничтожали неугодных усташскому режиму сербов, евреев, цыган и хорватов-диссидентов. Чтобы избавиться от тел, их сбрасывали в реки Саву и Струг. В январе 1942 года в Ясеноваце были открыты два крематория, спроектированных усташским полковником Хинко Пичилли, однако из-за нехватки топлива они проработали не более 3 месяцев. Согласно имеющимся данным, в крематориях было уничтожено более 15 тысяч тел [3: 81]. Наступление советских войск совместно с партизанами И. Б. Тито вынудило Павелича в мае 1945 года бежать из страны. НГХ прекратило свое существование.

Точное число жертв геноцида сербов не установлено до сих пор, что связано с оперативной ликвидацией усташами всех данных, касавшихся уничтожения сербского населения. По разным оценкам, в результате геноцида погибло от 200 тысяч до 1,5 миллиона человек. Преступления усташей не только изменили этническую карту Югославии, но также заложили «бомбу с часовым механизмом», которая взорвалась в 1990-е годы и отголоски которой мы можем наблюдать в современных южнославянских странах до сих пор.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беляков С. С. Усташа: между фашизмом и этническим национализмом. Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2009. 320 с.
2. Петрович Р. Геноцид по благословию Ватикана [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://drakula.org/library/genocide/index.shtml#1> (дата обращения 14.10.2016).
3. Ривели М. А. Архиепископ геноцида. Монсеньор Степинац, Ватикан и усташская диктатура в Хорватии 1941–1945. М., 2011. 224 с.
4. Lukajić L. *Fratri i ustaše kolju*. Belgrade: Fond za istraživanje genocida, 2005. 262 p.

Proydaikov A. A., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
Suvorov Yu. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

SERBIAN GENOCIDE AS A PART OF THE INDEPENDENT STATE OF CROATIA'S POLICY (1941–1945)

The article is concerned with the problem of Serbian Genocide committed by the Ustaša in the Independent State of Croatia (NDH) during the World War II. In 1941 Ante Pavelić's government began to pursue the policy of discrimination, harassment and assassination of the Serbs. There were several laws, which were racial by nature and deprived the Serbs of common civil rights. The Ustaša extended rhetoric against Serbian population among the Croats by organizing rallies during which they pushed for the liquidation of the Serbs. The Serbian Orthodox Church was persecuted too. There were many concentration and death camps on NDH soil. The authors reason that the Serbian Genocide in NDH was one of the main reasons of the bloody Breakup of Yugoslavia and of the continuing Serbo-Croatian hostility.

Key words: the Independent State of Croatia, the Ustaša, the Serbian Genocide, Ante Pavelić, death camps, Jasenovac

REFERENCES

1. Belyakov S. S. *Ustashi: mezhdru fashizmom i etnicheskim natsionalizmom* [The Ustaša: between the Fascism and the ethnical nationalism]. Yekaterinburg, Gumanitarnyy institut Publ., 2009. 320 p.
2. Petrovich R. *Genotsid po blagosloveniyu Vatikana* [Genocide on the approval of Vatican]. Available at: <http://drakula.org/library/genocide/index.shtml#1> (accessed 14.10.2016).
3. Riveli M. A. *Arkhiepiskop genotsida. Monsen'or Stepinats, Vatikan i ustashskaya diktatura v Khorvatii 1941–1945* [The Archbishop of the Genocide. Monsignor Stepinac, Vatican and the Ustaša dictatorship in Croatia 1941–1945]. Moscow, 2011. 224 p.
4. Lukajić L. *Fratri i ustaše kolju*. Belgrade: Fond za istraživanje genocida, 2005. 262 p.

Поступила в редакцию 24.11.2016

АННА ВАЛЕРЬЕВНА ДЖАПАРИДЗЕ
преподаватель кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
eco-anna@rambler.ru

К ВОПРОСУ О МАТЕРИАЛЬНОЙ БАЗЕ САМОДЕЯТЕЛЬНОГО ТУРИЗМА В 1960-х – НАЧАЛЕ 1980-х ГОДОВ

Вопрос о материальной базе самодельного туризма в СССР в 1960–1980-е годы исследуется на примере Республики Карелия. На основе воспоминаний участников походов, личных дневников и отчетов о путешествиях впервые раскрываются технические нюансы подготовки необходимого туристического оборудования. В условиях хронического дефицита специальных промышленных товаров в СССР туристы для активных маршрутов использовали самодельное снаряжение и экипировку, что подчеркивает их мотивацию к активному образу жизни.

Ключевые слова: самодельный туризм, история спортивного туризма, Карелия

Активный туризм в СССР в 1960–1980-е годы приобрел формат массового движения, которое стало опорой и спортивного, и патриотического воспитания граждан. Государству необходимо было регулировать столь большое туристическое движение в целях безопасности его участников. В стране закрепилось понятие «советский самодельный туризм»¹, характеризующееся особым уровнем подготовки и проведения туристского путешествия в сотрудничестве с государственными общественными организациями, такими как коммунистическая партия (КПСС), молодежная коммунистическая организация (ВЛКСМ) и советские профсоюзы (ВЦСПС). Создание продуманной системы подготовки туристских кадров, организация работы маршрутно-квалификационных комиссий и организованных маршрутов поставили на повестку дня еще один немаловажный вопрос – развитие материально-технической базы самодельного туризма.

В статье предпринимается попытка изучения материальной культуры самодельного туризма – комплекса, удовлетворяющего повседневные потребности путешественника (экипировка, питание, средства передвижения и размещения), на примере Республики Карелия. В самой республике самодельный туризм развивался массово, о чем свидетельствует прежде всего наличие туристических клубов: «Сампо» (Петрозаводский государственный университет, далее ПетрГУ), «Скифы» (Карельский государственный педагогический институт), «Снежинка» (Онежский тракторный завод), «Факел» (Петрозаводский завод тяжелого бумагоделательного оборудования – Тяжбуммаш), «Огонек» (Петрозаводский молочный комбинат), «Карелия» (городской клуб туристов), Карельская детская экскурсионно-туристическая станция, «Эдельвейс» (СОШ № 9 г. Петрозаводска), «Горизонт» (СОШ № 10 г. Петрозаводска), «Онего» (СОШ № 1 г. Кондопоги), турклуб «Кипатры» в г. Костомукше и др.

При разработке темы впервые использовались отчеты руководителей туристских групп, статьи в газете «Петрозаводский университет» и устные воспоминания о походах, участниками и организаторами которых были карельские туристы – члены разных клубов.

В большинстве газетных статей речь идет об эмоциональном восприятии районов путешествий, человеческих характерах, различных походных ситуациях. Статьи часто имеют агитационный характер, содержат мало сведений о походном быте, что затрудняет формирование картины материальной культуры туристов. Гораздо шире тему об особенностях снаряжения, питания, туристских приспособлениях раскрывают визуальные источники – фотографии. Фотофиксация – важный момент в отчетности руководителя о совершенном путешествии, поэтому оценивать уровень материально-технической базы по фото можно достаточно уверенно.

Отчеты руководителей походов – кладезь информации о планируемом маршруте, районе путешествия, составе группы. Согласно требованиям к оформлению отчета, отдельными списками в отчете представляется смета, перечень личного и общественного оборудования. В целях передачи опыта другим группам руководитель описывает фактический график пути, делает выводы и рекомендации. В данной статье суммирован опыт карельских туристов в походах по Карелии, Приполярному Уралу, Хибинам, В. Саяну, Камчатке в 1960–1980-е годы.

Спортивный поход любой категории сложности характеризуется определенной степенью автономности. Туристы долгое время находятся в природной среде, которой свойственны мороз или палящее солнце, штормовой ветер или бесконечный дождь, комары и мошки, крутые горные тропы и топкие болота. Все эти угрозы можно нейтрализовать, если поход хорошо подготовлен. Одним из важнейших компонентов подготовки

является выбор походного снаряжения и экипировки. От этого во многом зависит не только выполнение намеченных целей туристской деятельности, но и ее надежность (безаварийность), а это жизнь человека.

Как уже отмечалось, в статьях 1960-х годов практически нет упоминаний о специальном снаряжении. О нем свидетельствуют фотографии, на которых мы видим людей в брезентовых штормовках, рабочих спецовках, резиновых сапогах, зимой – в лыжных ботинках, трико. Из снаряжения: абалаковский рюкзак – «шарик», одеяла, брезентовые палатки, печи для зимних походов. Воспоминания первых туристов-студентов (турклуб «Сампо» основан в ПетрГУ в 1964 году) свидетельствуют о том, что походы вначале организовывались спонтанно, целью было «пробежаться» зимой на лыжах, отдохнуть у костра. Поход не рассматривался как спортивное достижение. В основном практиковались походы выходного дня. Ночевки в зимний период предполагалось делать в населенных пунктах – школах, клубах. С собой несли в заплечных мешках – «сидорах» картошку, тушенку и ватные одеяла для сна.

Лыжный туризм. Когда в 1968 году был дан старт соревнованиям «Лыжня Антикайнена» (см. подробнее: [4: 31]), в них участвовали все вузы, ссузы, ГПТУ, многие школы и предприятия Карелии. По воспоминаниям В. Ф. Сайкова – руководителя одного из первых отрядов, «группа была в (хорошей спортивной. – А. Д.) форме – все 25 человек из спортивных обществ и коллективов физкультуры. Но снаряжение... Комитет по туризму и экскурсиям смог выделить только фуфайки и спортивные шапки, и только тем, у кого их не было. Из обуви – лыжные ботинки. Лыжи – узкие беговые, на которых выступали на соревнованиях. Рюкзаки. Практически их нигде не достать. Искали у знакомых, охотников – всех, кто имел хоть какое-то отношение к лесу. Или делали самостоятельно... из мешка. В углы клали картофелины, которые помогали придать форму рюкзаку и не давали сползать веревкам. Перекидывали через плечи и завязывали горловину. Палатки. Их не было вовсе. Достали только одну реквизитную в Доме офицеров. Еле выпросили. Спальников не было даже в декорациях, поэтому спали возле большого костра, подкладывая освободившиеся время от времени брезентовые мешки из-под продуктов, укрываясь своими фуфайками. Карты. Их не было, только схемы. С оригинала разрешалось снимать не более 1 см для привязки к ориентирам. Остальное – копии, выполненные синькой или карандашом» [5: 26]. Из воспоминаний члена турклуба «Сампо» В. Макарова: «В 1970–1971 году в какой-то зимний маршрут ходили. Спальники были экспедиционные ватные, такие, которые весят килограмм по 7 по 8, особенно зимой на третий день (похода. – А. Д.) это вообще было невозможно. Шатры из брезента без дна. Лапник застилаешь, ставишь печку. Коврики никаких, конечно, не было»².

В ПетрГУ материальное обеспечение студентов было лучше – на «Лыжню Антикайнена – 70», например, клубный завхоз выдавал каждой группе шатровую палатку, печку, пилу, два топора, техническую и медицинскую аптечку. Из воспоминаний В. А. Карелина – члена студенческого турклуба «Сампо»: «Летом 1965 года мы выходили из Шотозера, где был спортивный студенческий лагерь. Рюкзаки были неподъемными. Сублиматов тогда не было, поэтому супы брались трехлитровыми банками, а маргарин – коробкой» [5: 15]. Макароны и сахар, насыпанные в кулек (свернутая конусом бумага), при намокании рюкзака слипались.

1970-е годы – время закрепления приобретенного опыта и роста туристического движения. Каждые четыре года обновлялись разрядные требования к спортсменам, руководство страны, республик, областей и краев пыталось обезопасить участников походов высшей категории сложности, требуя предварительной подготовки, соответствия классификационным требованиям, утверждаемым Центральным советом по туризму и экскурсиям (ЦСТ), действующим с 1962 года.

В конце 1970-х годов, когда походы шагнули за полярный круг (по примеру женской группы «Метелица»³), туристы стали шить рюкзаки, анораки, бахилы и рукавицы из цветной парашютной ткани. Такая верхняя одежда предохраняла нательное белье от налипания снега, была легкой и в лыжном походе оправдывала себя полностью. Члены группы были ярко одеты в желто-красно-белые цвета, что радовало глаз на заснеженных просторах, в какой-то степени предохраняя от куриной слепоты.

Для шатровых палаток стали также применять парашютный шелк, для чего приобретали списанные тормозные парашюты везде: от ближайшего к г. Петрозаводску аэропорта Бесовец до г. Минска. Самое трудоемкое было их распарывать – парашют был полностью простеган стропами. Парашютное полотно раскраивали паяльником и после этого сшивали шатер с клиновидной, сходящейся к центру крышей, стенками и дном. Постепенно догадались пришивать к входу «тамбур», так меньше ветра и снега попадало в сам шатер. Восьмигранная капроновая палатка – шатер с дном – очень удобна: имела небольшой вес, не обледеневала, легко устанавливалась с помощью лыж и палок, была ветроустойчива. Дно застилалось полиэтиленом, на который укладывали пенопластовые коврики и спальные мешки. После установки палатки иногда делали ветрозащитную стенку из снежных кирпичей, что-то наподобие иглу.

В 1977 году началось строительство Костомукшского горно-обогатительного комбината (ГОК). Туристы из Костомукши заметили новый финский материал (утеплитель), которым укрывали бетонные конструкции на зиму до начала строительства. Когда рабочие его снимали и отвозили в место, отведенное для мусора,

любители туризма практически выдерживали его из-под бульдозера. Получился отличный материал для ковриков!⁴

В продаже стал появляться синтепон, который покупали в Москве, хотя стоил он дорого. Из него туристы сами шили спальники-одеяла с разъемными молниями, утепленные по швам, сшивались по два. К ним пришивались наголовники из байки для защиты лица от морозного воздуха. Спальные мешки вкладывались один в другой, а сверху накрывались чехлами из капрона, что в какой-то степени предохраняло от измороси. В конце маршрута спальники все же набирали влагу. В списке снаряжения указан существенный вес: «спальные мешки двойные – 2 шт. – 18 кг»⁵. Личное зимнее снаряжение состояло из анораки капроновой ветрозащитной, рюкзака капронового, бахил капроновых (им дается отдельно высокая оценка), лыж «Бескид».

Пешеходный туризм так же, как и лыжный, нуждался в более легком весе снаряжения, однако технологии изготовления посуды, тканей и утеплителей еще не соответствовали желаемому. В отчете о пешеходном путешествии III категории сложности по Кольскому полуострову летом 1976 года читаем в списке группового снаряжения: 3 палатки весом 13 кг, ведра – 2 шт. Личное снаряжение достаточно простое, головной убор – панамы, обязательно – пленка полиэтиленовая 140 × 140 см. Это накидка от дождя. В ремонтном наборе – брезент (ткань для ремонта), скальпель, бечева, веревка бельевая. Очень популярно средство от комаров «Дета-200»⁶. Очевидно, что туристы пользуются только брезентовым снаряжением, нет еще облегчающих технологий. Общий вес рюкзака в летний период, учитывая продолжительность похода и сложность, меняется не сильно:

1976 год, поход III категории сложности (9 дней): 10 чел. – у мужчин 23 кг, у женщин – 17,5 кг⁷.

1979 год, поход IV категории сложности (18 дней): 9 чел. – у мужчин 32 кг, у женщин – 23,9 кг⁸.

1971 год, поход V категории сложности (20 дней): 7 чел. – у мужчин 35 кг, у женщин – 27 кг⁹.

В летние пешие походы ходили в кедах, что было неудобно, потому что шли чаще всего не по натоптаным тропам, а звериным или каменной местности. Не было лишних денег, чтобы купить специальные ботинки. Однако в дальние походы необходимо было идти в ботинках на толстой подошве и иметь сапоги для перехода рек, популярными становились «бродни», которые были тяжелыми, но сохраняли ноги сухими.

В турклубе «Сампо» с 1976 по 1981 год туристическое снаряжение – брезентовые палатки и шатры, рюкзаки, костровые принадлежности с тарелками, ложками, кружками, спальники, байдарки и пр. – выдавалось со склада, которым управлял на общественных началах завхоз клуба.

Для приготовления пищи использовали обычные кастрюли с проволочными ручками, что позволяло одинаково успешно готовить на костре и примусах. В списке походного снаряжения указывается примус «шмель», котлы, а не ведра. Чтобы не выкапывать яму для костра, стали пользоваться металлической сеткой¹⁰.

На фотографиях часто видим головной убор у туристов – обычный платок, из-под которого выглядывают косички и бантики, теплые шапочки были не у всех и появились не сразу. Позже «самповцы» будут заказывать в ателье фирменные трикотажные шапочки: белые с синей полоской и синим помпоном.

В конце 1970-х годов появился так называемый станковый рюкзак. Это была система для переноски груза за спиной, состоявшая из двух самостоятельных элементов: жесткого станка с лямками и опорным поясом и мягких емкостей для груза, крепящихся к станку. Она позволяла упростить процесс укладки и избежать неудобств от непосредственного давления содержимого рюкзака на спину [9]. Появление методички по данному виду снаряжения в 1978 году говорит о том, что интерес к этой конструкции был большой, но, оказывается, не все рюкзаки промышленного производства распределяли правильно нагрузку на тело человека. Поэтому туристы все-таки склонялись к самостоятельному изготовлению рюкзаков. Для этого использовались и дюралюминиевые трубки (каркас старой кровати-раскладушки), и парашютный капрон, и войлочные лямки [9].

Водный туризм. Подъем туризма в СССР в 1960-е годы затронул широкую общественность. В прессе обсуждался прежде всего вопрос снаряжения. В газете «Правда» вышла большая статья «Где купить байдарку», которая сыграла огромную роль, особенно на периферии. Статьи главного рупора государства воспринимались как прямое указание [1: 221]. ПетрГУ впервые приобрел байдарки в 1967 году, что позволило в спортивно-оздоровительном лагере большой группе студентов получить необходимые навыки. С 1969 года в п. Матросы на реке Шуя начали проводиться соревнования по водному слалому. Летом исследовались реки Кольского полуострова, составлялись лоции и схемы порогов. Водный туризм начал набирать обороты.

С 1973 года клуб «Сампо» стал проводить походы по рекам на плотах. Изначально деревянный плот являлся средством завершения похода, это был способ быстрой доставки группы из верховья реки в низину. Для того чтобы сделать плот, нужно было 2–3 дня и физические усилия. Когда плот был готов, на него устанавливались два весла и руль. Из дневников З. Кудиновой, студентки филологического факультета ПетрГУ, явствует, что туристы были «на утлом плоту бессильны перед стихией. Спасательных жилетов не было. Все было отдано на волю Божью... В последний день сплава вода стала большой,

спокойной, купоросно-синей и бездонной. Плыли не спеша по течению, то соединяя наши плоты, то разъединяя. Даже варили еду на плоту, греясь у костра» [6: 59]. Т. Белошицкая так вспоминает поход по Приполярному Уралу на р. Косью (1976 год): «Это были одни из первых в клубе плотов – “гусеницы”. Бревна держались на проволоке, и плот сползал с камня, как гусеница. Ребята стояли у гребей по колено в воде. Девочки сидели на промокших рюкзаках и пели» [5: 66]. В 1977 году в походе V категории сложности по Восточному Саяну используется новое плавсредство. «Часть группы была занята надуванием воздушных шариков (тех самых, с которыми вы ходите на демонстрации), их требовалось около 300! Остальные участники похода закладывали их в брезентовые гондолы, которые привязывали к плоту, сооруженному из легких сухих жердей... Зачинателем подобного “плотостроения на шариках” в Карелии является участник группы Сергей Красильников» [3: 8]. Эту информацию подтверждает Г. И. Степанова: «Сшивали из брезента баллоны, набивали их надутыми шариками, привязывали к плоту – настилу. Он приподнимался, и мы шли прекрасно. Очень удобно было и в заброске, и в применении»¹¹.

В конце 1970-х годов появились катамараны, у которых гондолы были склеены из «камазовской ткани» – тентов для автомобиля «Камаз». Также доставали ткань, через которую на Сегежском ЦБК пропускали целлюлозу. Из этой прочной ткани шился верх для баллонов, а внутренняя часть была сделана из метеорологических зондов. Когда внутренняя резина лопалась, достаточно было шнурком перевязать место прорыва. По свидетельствам очевидцев, когда все шнурки перевели на завязывание дыр в таком баллоне, показалось, что лучше было ходить на воздушных шариках.

Топографические карты. Для туриста это основа путешествия. Однако в открытой продаже атласов и карт отдельных районов СССР долго не было. Труднодоступные районы страны, как правило, были под контролем пограничников и спецслужб. Иметь доступ к этой информации обычным гражданам не полагалось, но туристы находили лазейки. Ветераны туризма вспоминают ситуации, как прокладывали маршрут по вертолетным картам с треками полетов, или как срочно фотографировали выданные на сутки карты для поисково-спасательных работ в районе, или как доставали их в институтах геологии за бутылку водки. Сложно было ходить по обрывкам карты, потому что группа могла сбиться с пути. Зачастую карты были старые и слишком крупного масштаба, по 5-километровке в незнакомой местности, где просеки теряются на вырубках, невозможно было определить местонахождение. Спасали квартальные столбики, стоянки лесорубов и геологов, стойбища оленеводов.

Для того чтобы пойти в поход в районы Советского Союза, студенты зарабатывали

деньги: разгружали вагоны, топили по ночам в строящихся домах печки-буржуйки, подрабатывали уборщицами, санитарками. Деньги нужны были на снаряжение, проезд, эмблемы, форму. Ю. С. Ланеву – руководителю турклуба «Сампо» – всегда было чрезвычайно важно, как выглядят карельские туристы на слетах, во время встреч, например, с ветеранами, школьниками. Профсоюз университета помогал деньгами на приобретение билетов, продуктов, штормовок. Эмблемы-нашивки и шапочки делали сами.

Огромную роль в финансовой поддержке студентов сыграли стройотряды. В университете в 1978 году был создан стройотряд «Первопроходцы» под руководством С. Серегина (студент факультета промышленного и гражданского строительства), основу которого составляли туристы. Ребята на заработанные деньги уезжали в походы, например, на Байкал (Хамар-Дабан) и в другие уголки СССР. Туристы, занимающиеся в клубах на предприятиях – т/к «Снежинка» Онежского тракторного завода, т/к «Факел» Тяжбуммаша – ходили в походы за свой счет и в период отпусков¹².

ВЫВОДЫ

Самодетельный туризм в СССР – это уникальное явление. Оно сформировало свою систему ценностей, включающую интерес к истории и историко-культурному наследию своей страны (в том числе и к запретным ее страницам), стремление испытать себя в борьбе с трудностями и узнать предел своих возможностей, знакомство с новыми регионами и их жителями, общение с друзьями, обретение внутренней свободы, создание своей песенной культуры и даже фольклора и т. д. В силу разных причин советские люди искали способы создания комфортного для себя внутреннего пространства. Для реализации этих целей туристам приходилось практически самостоятельно решать (и решать успешно) вопросы, связанные со снаряжением и экипировкой. Проанализировав некоторые составляющие материальной культуры самодетельного туризма, делаем вывод, что личное снаряжение, питание, средства передвижения и размещения прошли свой путь через преодоление хронического дефицита. Несмотря на все трудности, советский самодетельный туризм был и остается яркой страницей истории России последних советских десятилетий.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор выражает благодарность за помощь в написании статьи мастеру спорта по туризму, руководителю турклуба «Сампо» ПетрГУ Ю. С. Ланеву; мастеру спорта по туризму В. В. Паршукову; членам турклуба «Сампо» Э. Э. Романовой, Н. В. Ровенко; члену турклуба ОТЗ «Снежинка» М. А. Ураеву.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Самодеятельный туризм в СССР – это специфический вид туристской общественной (любительской) деятельности, осуществляемый на добровольной самодеятельной основе без участия организаторов туризма (туроператоров и туристских агентств). См.: [2: 91].
- ² Интервью с В. Н. Макаровым, 11 июля 2016 г.
- ³ «Команда “Метелица” – это группа целеустремленных женщин, объединенных единством взглядов, уважением друг к другу и стремлением к благородной цели – научному познанию природы и своих возможностей в экстремальных условиях». Группа с 1970-х по 1990-е годы осуществила множество полярных экспедиций.
- ⁴ Интервью с Г. И. Степановой, 1 июня 2016 г.
- ⁵ Смирнов В. Г. Отчет о лыжном путешествии III категории сложности по Кольскому полуострову (Хибинские и Ловозерские тундры). Петрозаводск, 1982. С. 21 (Личный архив автора).
- ⁶ Романова Т. В. Отчет о пешеходном путешествии III категории сложности по Кольскому полуострову. Петрозаводск, 24 июля 1976 г. по 1 августа 1976 г. (Личный архив автора).
- ⁷ Романова Т. В. Отчет о пешеходном путешествии III категории сложности по Кольскому полуострову. Петрозаводск, 24 июля 1976 г. по 1 августа 1976 г. (Личный архив автора).
- ⁸ Ланева Т. В. Отчет о пешеходном путешествии IV категории сложности по Приполярному Уралу. Петрозаводск, 1979 г. (Личный архив автора).
- ⁹ Ланев Ю. С. Отчет о пеше-водном путешествии V категории сложности по Приполярному Уралу. Петрозаводск, 1971 г. (Личный архив автора).
- ¹⁰ Смирнов В. Г. Отчет о лыжном путешествии III категории сложности по Кольскому полуострову (Хибинские и Ловозерские тундры). Петрозаводск, 1982 год. С. 21 (Личный архив автора).
- ¹¹ Интервью с Г. И. Степановой, 1 июня 2016 г.
- ¹² Интервью с Н. Н. Потемкиным, 15 мая 2015 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев А. А. Спортивный туризм в СССР и России (к истории развития). М.: ООО «САМ Полиграфист», 2015. 468 с.
2. Биржаков М. Б. Введение в туризм. СПб.: Издательский дом «Герда», 2008. 567 с.
3. Власов В. Трудный язык гор // Петрозаводский университет. 1977. 9 сентября. С. 8.
4. Джапаридзе А. В. История военно-спортивных соревнований «Лыжня Антикайнена» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2015. № 1 (146). С. 30–33.
5. Судьба по имени «Сампо»: посвящается Ю. С. Ланеву и турклубу «Сампо». Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 360 с.
6. Кудинова З. А. Старые тетради. 10 лет в турклубе «Сампо»: Дневники 1970–1980 гг. Великий Новгород, 2014. 153 с.
7. Курилова В. И. Туризм: Учебное пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2114 «Физическое воспитание» и № 2115 «Начальное военное обучение и физическое воспитание». М.: Просвещение, 1988. 224 с.
8. Ланев Ю. С., Ланева Т. В. Лыжные марафоны турклуба «Сампо». Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2011. 176 с.
9. Хныкин И. Ветер странствий. Альманах. Вып. 13. М., 1978 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://geolmarshrut.ru/muzey/bags_backpacks_in_russia_in_the_early_20th_century/easel_backpack (дата обращения 18.01.2017).

Dzhaparidze A. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

MATERIAL BASE DEVELOPMENT OF AMATEUR TOURISM IN KARELIA IN 1960–1980s

The problem of the amateur tourism material base development on the territory of the Soviet Union in 1960–1980s is studied on the example of Karelia. Based on the memoirs, personal diaries, and reports of camping trips' participants a number of technical nuances of preparing necessary sport equipment were revealed and described. In conditions of chronic deficiency in special industrial products tourists from the Soviet Union used handmade tourist equipment. Such performance speaks of the high level of motivation for amateur tourism and self-organization intrinsic to the people of the Soviet Union.

Key words: amateur tourism, history of sports tourism, Karelia

REFERENCES

1. Alekseev A. A. *Sportivnyy turizm v SSSR i Rossii (k istorii razvitiya)* [Sports tourism in the USSR and Russia (to the history of development)]. Moscow, ООО “SAM Poligrafist” Publ., 2015. 468 p.
2. Birzhakov M. B. *Vvedenie v turizm* [Introduction to Tourism]. St. Petersburg, Izdatel'skiy dom “Gerda” Publ., 2008. 567 p.
3. Vlasov V. Difficult mountains language [Trudnyy yazyk gor]. *Petrozavodskiy universitet*. 1977. 9 september. P. 8.
4. Dzhaparidze A. V. Ski Track of Antikaynen [Istoriya voenno-sportivnykh sorevnovaniy “Lyzhnyya Antikaynena”]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University]. 2015. № 1 (146). P. 30–33.
5. *Sud'ba po imeni “Sampo”: posvyashchaetsya Yu. S. Lanevu i turklubu “Sampo”* [We come from the “Sampo”: the fate of the name “Sampo”]. Petrozavodsk, 2013. 360 p.
6. Kudinova Z. A. *Starye tetradi. 10 let v turklube “Sampo”: dnevniki 1970–1980 gg.* [Old notebook. 10 years in the tourist club “Sampo”: Diaries 1970–1980]. V. Novgorod, 2014. 153 p.
7. Kurilova V. I. *Turizm: Uchebnoe posobie dlya studentov ped. in-tov po spets. № 2114 “Fiz. vospitanie” i № 2115 “Nachal'noe voennoe obuchenie i fizicheskoe vospitanie”* [Tourism: Textbook for students of educational institutions on a specialty № 2114 “Physical Education” and № 2115 “Initial military training and physical education”]. Moscow, 1988. 224 p.
8. Lanev Yu. S., Laneva T. V. *Lyzhnye marafony turkluba “Sampo”* [Ski marathons tourist club “Sampo”]. Petrozavodsk, 2011. 176 p.
9. Khnykin I. *Veter stranstviy. Al'manakh* [Wind of wandering. Almanac]. Issue 13. Moscow, 1978. Available at: http://geolmarshrut.ru/muzey/bags_backpacks_in_russia_in_the_early_20th_century/easel_backpack (accessed 18.01.2017).

Поступила в редакцию 23.12.2016

ОКСАНА АЛЕКСАНДРОВНА ЕВТУШЕНКО

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета экономики и управления, Волгоградский государственный технический университет (Волгоград, Российская Федерация)
ksenja22@yahoo.com

ПИСЬМЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО ДИСКУРСА: СЛУЖЕБНЫЕ, ДОКЛАДНЫЕ, ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ ЗАПИСКИ

Рассматривается письменный административный дискурс, который понимается как институциональный дискурс, имеющий письменную фиксацию устного общения. Описаны жанры служебной, докладной и объяснительной записок и выделены отличительные жанровые особенности с позиции содержания и языкового, графического, композиционного, стилистического оформления. Выводы, сделанные автором относительно структуры и содержания данных жанров, позволяют говорить о том, что, несмотря на то, что письменное общение весьма регламентировано и унифицировано, нельзя недооценивать его значимость при комплексном изучении конкретного дискурса, в частности административного. Такой подход позволяет понять динамическую природу создания текста. Представленное исследование носит практический характер, так как его результаты будут полезны как для руководителей, так и для подчиненных с целью повышения их профессиональной компетенции и оптимизации административного общения.

Ключевые слова: административное общение, жанр, служебная записка, докладная записка, объяснительная записка, письменный дискурс

Актуальность нашего исследования продиктована малоизученностью письменного административного дискурса. Такое положение дел мы связываем с несколькими причинами, во-первых, устный дискурс является базисной формой существования и применения языка [3], во-вторых, частота использования устной речи превосходит письменную, в-третьих, малоизученность лингвистической природы самого административного дискурса. Об интеракционной природе дискурса писал Т. ван Дейк, она заключается в возможности наблюдать отношения адресата и адресанта, учитывать условия социальной ситуации и анализировать коммуникативные события и акты [7: 121]. Однако этот же ученый рассматривает и письменные типы дискурса, анализ которых дает возможность отследить динамическую природу создания текста, его понимания и действия [7: 121]. Это дает нам право утверждать, что письменные дискурсы занимают особую исследовательскую нишу и их изучение способствует пониманию природы дискурса, в данном случае административного, в полном его объеме. В данной статье мы ставим целью проанализировать воплощение письменного административного дискурса посредством анализа типичных, но вторичных для него жанров «служебная записка», «докладная записка» и «объяснительная записка». В ходе исследования было проанализировано порядка 40 служебных, докладных и объяснительных записок.

Письменный административный дискурс – это особый тип институционального дискурса, имеющий письменное выражение. Письменный

модус административного дискурса и является отличительной особенностью самой административной коммуникации: обязательность письменной фиксированности любой устной договоренности внутри административного общения.

Обозначим отличительные особенности письменного дискурса: 1) оформление идей, предложений, распоряжений, приказов в сложные единства (клаузы) [9]; 2) сложные синтаксические конструкции и объединения; 3) отсутствие контакта во времени и пространстве; 4) использование пассивного залога; 5) спланированная и отредактированная подача информации; 6) отсутствие немедленной обратной связи и адаптации под ситуацию.

Приоритетными положениями при исследовании данных письменных жанров послужили следующие: 1) Рассматриваемые жанры – это официально-деловые жанры и исследуются как «относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний» [1: 160]. 2) Жанр – это единица речевого общения [4]. «Специфичность письменного общения в официально-деловой сфере заключается в том, что реплике-высказыванию живой беседы соответствует документ определенного жанра» [5: 50]. Документы, представленные жанрами записок, являются результатом устной договоренности, просьбы. 3) Рассматриваемые жанры состоят из обязательных компонентов жанра (композиция, содержание, языковое оформление), и при их речевой реализации важны такие экстралингвистические компоненты, как сфера общения, адресные отношения, содержание.

Этимологический анализ слов, называющих виды документов, в том числе и слова «записка», проведенный О. И. Семянковой, позволяет говорить о праславянском происхождении данного слова, которое употребляется в современном делопроизводстве и считается исконно русским. Также исследователь пришла к выводу о том, что данный термин считается официальным со времен Петра Первого и уже используется в «Генеральном Регламенте», который стал основой всего делопроизводства XVIII–XIX веков [8: 14].

М. М. Бахтин отметил, что знание жанров дискурса – неотъемлемая составляющая языковой компетенции человека, в данном случае мы подразумеваем профессиональную компетенцию [1]. Любой дискурс пронизан и раскрывается через многообразие как устных, так и письменных жанров. Письменный жанр «записка» в административном дискурсе будет впервые проанализирован в нашей работе. Жанр записок находится в плоскости письменного административного дискурса и относится к официально-деловой речи, в связи с этим проанализируем этот жанр, учитывая экстралингвистические моменты, композиционно-структурные части и функции, стилевые и языковые особенности.

Служебная записка – это вспомогательный управленческий инструмент, имеющий информационно-справочный характер. Рассматриваемые типы записок относятся к информационно-справочному типу документации согласно общепринятой классификации документов унифицированной системы организационно-распорядительной документации (УСОРД).

В данном жанре мы выделяем три разновидности: служебные, докладные и объяснительные записки. Адресантом записок, как правило, является лицо, занимаемое более низкое служебное положение, то есть подчиненный, адресатом же выступает руководитель, и это позволяет говорить о том, что участники вступают в нисходящую вертикальную письменную коммуникацию. Адресат – это лицо, занимающее определенную высокую должность в сравнении с адресантом (*генеральный руководитель, ректор, управляющий, президент компании*), наделенное полномочиями принятия административного решения. Используя термин И. С. Лобашевской, мы можем говорить об «абсолютной и безусловной адресатности» [5: 52], средством выражения которой является перформатив «прошу», так как при статусно-неравных отношениях лицо, занимающее более низкое положение, может обратиться с просьбой или предложением к вышестоящему. Глагол «прошу» является основным жанрообразующим средством в жанре «записка», о чем свидетельствует его постоянная лексико-грамматическая форма. Перформативный глагол «просить», в личной форме – «прошу», выражает семантику просьбы и предполагает совершение некоего действия в пользу адресанта, что объясняется наличием дополнительной иллокутивной

функции данного глагола: «склонять к исполнению своих желаний» [5: 52]. А типичным условием для его употребления – «письменное официальное межличностное общение вертикального типа» [2: 1174]. В данных жанрах используется синтаксическая конструкция «прошу + инфинитив», которая выражает просьбу и не носит обязывающего характера. Таким образом, рассматриваемые жанры, помимо основной информирующей функции, выполняют в определенной мере и манипулятивную, сообщая адресату о положении дел, адресант приводит аргументы и просит его о чем-либо.

Основная цель данных документов – информационно-разъяснительная, они необходимы для внутреннего регулирования отношений в коллективе. Рассматриваемый жанр отражает типовую коммуникативную ситуацию в сфере административного общения, что «предопределило разработку его формуляра – графической схемы, описывающей максимальный состав реквизитов и порядок их расположения» [5]. К основным реквизитам записок относятся: 1) наименование структурного подразделения, то есть составитель, 2) наименование вида документа (служебная, докладная, объяснительная записка), 3) текстовая часть, 4) дата документа, 5) адресат, 6) заголовок к тексту, 7) подпись составителя.

По наименованию типов документов выделяются служебная записка, докладная записка и объяснительная записка, данный реквизит носит информационный характер, является постоянным и обязательным. Реквизит «Заголовок к тексту» представляет собой короткое сообщение, указывающее на предмет обращения. Как правило, он начинается с предлогов «О» или «Об»: *О необходимости отъезда из отпуска, Об утрате отчетных документов, Об отсутствии на рабочем месте, О премировании* и т. д.

Однако наибольший интерес для нашего исследования представляет центральный реквизит «Текстовая часть». Текст записки варьируется от ее типа. Зачастую служебная записка представляет собой общение равностатусных коммуникантов, руководителей разных отделов, что определяет стиль обращения через такие жанры, как просьба, запрос, предложение, уточнение, разъяснение. Текст служебной записки состоит из трех частей – констатирующей, анализирующей и иницирующей. В первой излагаются причины написания, во второй, при необходимости, проводится анализ сложившейся ситуации, в третьей делаются выводы и выносятся конкретные предложения. Текст объяснительной записки отличается от двух предыдущих тем, что в нем не содержатся конкретные предложения, выводы, он носит описательно-объяснительный характер. Причиной написания объяснительных записок становятся, как правило, нарушения трудовой дисциплины, невыполнение служебного задания, отступление от правил работы.

Руководителю ГУП г. Москвы
Трест Мосотделстрой № 1
Сорокину Ю. П.
от начальника отдела кадров
Пригожина Б. А.

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

Вами было дано указание в письменном виде о подготовке проектов документов, а именно о приемке-сдаче работ и порядке заключения договоров на выполнения работ со сроком исполнения до 6 ноября 2012 года.

Однако, ввиду моей временной нетрудоспособности, подтвержденной листком нетрудоспособности, Ваше распоряжение я не выполнил.

Ввиду сложившейся ситуации, приношу свои извинения за невыполнения Вашего распоряжения по объективным причинам, а также прошу Вас перенести срок исполнения Вашего распоряжения.

Обязуюсь в течение 3 дней с момента моего выхода на работу представить Вам на рассмотрение проекты документов.

Мой визит к врачу назначен на 12.11.2012. Буду настаивать на выписке 13.11.2012.

Ваши распоряжения для меня закон.

9.11.2012

Б. А. Пригожин [6].

Приведенный пример объяснительной записки носит не только описательно-объяснительный характер, но и содержит конкретные предложения по исправлению ситуации (*прошу Вас перенести срок исполнения Вашего распоряжения, Буду настаивать на выписке*), что не совсем соответствует стандарту ее написания. Манипулятивная сторона данной записки отражается в семантике используемых языковых единиц (*Ваши распоряжения для меня закон, Обязуюсь в течение 3 дней с момента моего выхода на работу представить, Буду настаивать на выписке*). В ходе исследования случаи отклонения от стандартов написания объяснительных записок довольно частотны (четыре из десяти), что свидетельствует о большом желании адре-

санта оказать определенное воздействие на адресата и убедить последнего в своей правоте или принятии административного решения в пользу адресанта.

Жанры «служебная записка», «докладная записка» относятся к жанрам информирования (выражают семантику оповещения, разъяснения), их основная цель – описание или констатация сложившейся ситуации, которая может быть основанием для дальнейшего управленческого решения. Жанр «объяснительная записка» отличается от двух других лишь по своему типовому содержанию, так как он относится к жанрам ходатайства (выражает семантику извинения, просьбы), его основная цель – объяснение адресату сложившихся обстоятельств.

Генеральному директору
ОАО «Новалес» Долохову С. П.

Инспектору по кадрам Рыбниковой И. Н.
Подготовить проект приказа
об изменении штатного расписания
Долохов С. П.
3.03.2008

Служебная записка

3.03.2008 № 43

Москва

Об увеличении должностного оклада Марининой С. В.

Маринина Светлана Владимировна работает в ОАО Новалес с 1 марта 2007 года в должности ведущего специалиста отдела учета материальных средств. Она успешно выдержала испытание при приеме на работу и в настоящее время показывает высокие результаты труда. Она исполнительна, добросовестна и ответственна. За все время работы не имела ни одного дисциплинарного взыскания. В связи с вышеизложенным прошу Вас увеличить должностной оклад Марининой С. В. с 15 000 рублей до 20 000 рублей.

Начальник отдела учета материальных средств

Э. С. Дубов [6].

Данная служебная записка в констатирующей части содержит информацию о добросовестном работнике (*успешно выдержала, показывает высокие результаты*), проводится оценка ее работы во второй части (*не имела дисциплинарных взысканий, исполнительна, добросовестна, ответственна*), а иницирующая часть выражает просьбу о повышении оклада (*прошу*). Служебная записка – это административный документ, иницирующий дальнейшее письменное общение, так как реакцией на данный документ может быть приказ, распоряжение, выговор. Так, в приведенном примере продолжением письменной комму-

никации, начавшейся со служебной записки, будет приказ об изменении штатного расписания.

Содержание записок носит коммуникативный характер, информирующий, а высказывания в основной части документа должны быть аргументированы, чтобы иницирующая часть впоследствии имела побудительный эффект в действиях адресата. В данном жанре административной сферы общения основная установка – это апелляция нижестоящего адресанта к вышестоящему с определенным предложением, поэтому содержание жанра сводится к логически выстроенным аргументам.

Генеральному директору
ООО Полдень
Вековому Т. Д.
от старшего цеха № 2
Времякина И. М.

Служебная записка

Сегодня, 1 августа, в сборочном цехе № 2 была зафиксирована температура воздуха 29 °С. Система вентиляции не справляется с духотой, возникшей в помещении цеха в связи с аномальной жарой. Работники цеха испытывают проблемы с дыханием, у некоторых повышается давление, возникает аритмия, головокружение, что подтверждается врачом медсанчасти Е. К. Точновой.

Прошу принять меры для сохранения здоровья сотрудников и сократить продолжительность рабочей смены на два часа.

1 августа 2014

Времякин И. М. [6].

В приведенном выше примере констатирующая часть «служебной записки» построена из аргументирующих фактов (температура 29 °С, проблемы с дыханием, аритмия, головокружение, подтверждается врачом медсанчасти) не

только с целью информирования, но и побуждения – принятия целесообразных решений (сократить продолжительность смены), а основным аргументом является сохранение здоровья.

Приведем пример докладной записки.

Префекту
Северного административного округа
М. М. Момонову

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Москва

27.02.2006

Довожу до вашего сведения, что представитель префектуры А. В. Соколов, являясь на еженедельные заседания Рабочей группы, приходит недостаточно подготовленным, поставленные поручения выполняет не в полном объеме, а 22.02.2006 отсутствовал на совещании.

Прошу принять соответствующие меры.

Руководитель департамента

А. В. Саленцева [6].

Докладные записки по аналогии со служебными в констатирующей части содержат факты и причины обращения (недостаточно подготовленным, поручения выполняет не в полном объеме, отсутствовал на совещании), а в иницирующей выносятся предложения по улучшению ситуации (принять соответствующие меры). Данный вид записок представляет собой обращение к вышестоящему лицу с целью информирования и улучшения состояния дел в компании. Клишированная фраза «Довожу до вашего сведения» свойственна докладным и служебным запискам.

На уровне синтаксиса преимущественно используются инфинитивные конструкции, инфинитив носит побудительный характер со значением просьбы (принять меры, повысить, сократить, внести штатное изменение, организовать и т. д.). В инфинитивных предложениях отмечается необходимость выполнения действия, тем самым адресат побуждается к этому. Удаленность адресата и адресанта обуславливает использование сложного синтаксиса. Придаточные предложения причины (ввиду того, что), условия, следствия (в связи со сложившейся ситуацией), причастные и деепричастные обороты (принимая во внимание вышесказанное), сложные союзы (вследствие того, что) и предлоги (на предмет того, что) позволяют обеспечить большую аргументированность изложения. Таким образом, зависимость композиционного и языкового оформления данного жанра прямо пропорциональна особенностям административного общения.

Композиционно-графические средства, такие как разделы, главы, статьи, и графические средства, такие как нумерация, шрифт, отступ, пробелы, заглавные буквы, курсив, выполняют не только важную организационную функцию, но и информационную при написании записок. Разграничение текста на абзацы выражает стремление адресанта выделить самые важные информационные части, а графические выражают дополнительную информацию: 1) заглавные буквы – уважение к адресату – Вы, Ваше, Вами; 2) жирный шрифт, отступ – акцент на значимой для адресанта информации; 3) нумерация, порядок следования абзацев – аргументированность изложенного.

Языковой единицей служебной записки является клише: ввиду сложившейся ситуации, по объективной причине, в связи с вышеизложенным, учитывая вышесказанное. На лексическом уровне актуализация неравного статусного положения происходит за счет использования лексики с семой просьбы, извинения, разъяснения (приношу извинения, обязуюсь представить, разрешите, просим изыскать возможность, рассмотреть вопрос, примите во внимание следующее обстоятельство). Языковые средства и выражения рассматриваемых жанров предопределены сферой их употребления, а именно административной, традицией употребления со стороны вышестоящих органов, и своей «документальной» природой. В связи с этим уместно сказать о языке данных жанров – официально-деловой, канцелярский, унифицированный, регламентированный, клишированный.

Итак, подведем итоги нашего исследования. Рассматриваемые жанры «докладная записка», «служебная записка» и «объяснительная записка» актуализируются в письменном административном дискурсе. Основной отличительной особенностью данных жанров является адресная составляющая, которая предполагает вертикальную нисходящую коммуникацию между адресатом и адресантом. Данные жанры инициируют

дальнейшую коммуникацию и порождают другие жанры: приказ, распоряжение, выговор. Композиционно-графические, стилистические и языковые средства, используемые в вышеупомянутых жанрах, отражают не только традиции давно сложившегося письменного административного дискурса, но и демонстрируют их прямую зависимость от особенностей административного общения, в частности подчиненный – начальник.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Собрание сочинений: В 5 т. / Ред. С. Г. Бочаров, Л. А. Гоготшвили. М.: Русские словари, 1997. Т. 5: Работы 1940-х – начала 1960-х гг. С. 159–206.
2. Бойчук Е. В. Глагол «просить» в перформативном употреблении и его эквиваленты во французском языке // Вестник Башкирского университета. 2010. Т. 15. № 4. С. 1173–1174.
3. Кибрик А. А., Плунгян В. А. Функционализм // Фундаментальные направления современной американской лингвистики / Под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой, И. А. Секериной. М.: МГУ, 1997. С. 276–339.
4. Кожина М. Н. О диалогичности письменной научной речи. Пермь: Пермский ун-т, 1986. 91 с.
5. Лобашевская И. С. Средства выражения коммуникативно-прагматического значения в официально-деловой речи // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2007. № 2. С. 49–62.
6. Примеры служебных записок [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.google.ru/search?q=примеры+служебных+записок&tbm=isch&tbo=u&source=univ&sa=X&ved=0ahUKewi3mJmfi63QAhXHWiwKHe8TCIwQsAQIHA&biw=1024&bih=677> (дата обращения 10.10.2016).
7. Селезнева Л. В. Исследования дискурса в современной лингвистике: опыт, направления, проблемы // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. 2011. Т. 8. № 4. С. 119–123.
8. Семьянкова О. И., Киреева А. А. Этимология слов, называющих виды документов // Вестник Пензенского государственного университета. 2015. № 4 (12). С. 10–15.
9. Chafe W. *Integration and Involvement in Speaking, Writing, and Oral Literature*. Norwood, NJ: Ablex, 1982. P. 35–53.
10. Van Dijk T. A. *Discourse as structure and process*. Cambridge University Press, 1999. 356 p.

Evtushenko O. A., Volgograd State Technical University (Volgograd, Russian Federation)

WRITTEN EMBODIMENT OF ADMINISTRATIVE DISCOURSE: OFFICIAL, MEMORANDA, EXPLANATORY NOTES

The written administrative discourse is studied in the article. It is understood as an institutional discourse with written fixations of oral communications. The author describes the types of different genres employed in “official”, “memoranda” and “explanatory” notes. Distinctive genre features of the narrative in focus are concerned from the stand point of its content, and its linguistic, graphical, compositional, and stylistic design. The conclusions made by the author regarding the structure and the content of these genres suggest that, despite the fact that written communication is highly regulated and standardized, it is impossible to underestimate its significance in the integrated studies of administrative discourse. The undertaken approach helped us to understand the dynamic nature of the texts’ creation process. The present study is of high practical significance. The obtained research results can be used as special guidelines in the process of professional competency development of both managers and their subordinates.

Key words: administrative communication, genre, “official note”, “memoranda”, “explanatory note”, written discourse

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. Problems of speech genres [Problema rechevykh zhanrov]. *Sobranie sochineniy: V 5 t. Ed. S. G. Bocharov, L. A. Gogotshvili*. Moscow, Russkie slovari Publ., 1997. Vol. 5. P. 159–206.
2. Boychuk E. V. The verb “to ask” in the performative use and its equivalents in French [Glagol “prosit” v performativnom upotreblenii i ego ekvivalenty vo frantsuzskom yazyke]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of Bashkiria University]. 2010. Vol. 15. № 4. P. 1173–1174.
3. Kibrik A. A., Plungyan V. A. Functionalism [Funksionalizm]. *Fundamental'nye napravleniya sovremennoy amerikanskoy lingvistiki*. Ed. by A. A. Kibrik, I. M. Kobozeva, I. A. Sekerina. Moscow, MGU Publ., 1997. P. 276–339.
4. Kozhina M. N. *O dialogichnosti pis'mennoy nauchnoy rechi* [About dialogicality of written scientific speech]. Perm, Perm. un-t Publ., 1986. 91 p.
5. Lobashevskaya I. S. Means of expression of communicative-pragmatic values in an officially-business speech [Sredstva vyrazheniya kommunikativno-pragmaticheskogo znacheniya v ofitsial'no-delovoy rechi]. *Vestnik KRAUNTs. Gumanitarnye nauki* [Bulletin KRAUNC. Humanities]. 2007. № 2. P. 49–62.
6. *Primery sluzhebnykh zapisok* [Examples of office memos]. Available at: <http://www.google.ru/search?q=примеры+служебных+записок&tbm=isch&tbo=u&source=univ&sa=X&ved=0ahUKewi3mJmfi63QAhXHWiwKHe8TCIwQsAQIHA&biw=1024&bih=677> (accessed 10.10.2016).
7. Selezneva L. V. Studies of discourse in modern linguistics: the experience, trends, challenges [Issledovaniya diskursa v sovremennoy lingvistike: opyt, napravleniya, problemy]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M. K. Ammosova* [Bulletin of the North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosova]. 2011. Vol. 8. № 4. P. 119–123.
8. Semyankova O. I., Kireeva A. A. The etymology of the word, calling types of documents [Etimologiya slov, nazyvayushchikh vidy dokumentov]. *Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Penza State University]. 2015. № 4 (12). P. 10–15.
9. Chafe W. *Integration and Involvement in Speaking, Writing, and Oral Literature*. Norwood, NJ: Ablex, 1982. P. 35–53.
10. Van Dijk T. A. *Discourse as structure and process*. Cambridge University Press, 1999. 356 p.

Поступила в редакцию 24.10.2016

ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА ОРЛОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии факультета иностранных языков, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва (Саранск, Российская Федерация)

taorlova@inbox.ru

ОЛЕСЯ АЛЕКСАНДРОВНА ТРЕМАСКИНА

магистрант кафедры английской филологии факультета иностранных языков, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва (Саранск, Российская Федерация)

trollking@mail.ru

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА DANGER В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ МЕДИАТЕКСТАХ КРИЗИСНОГО ПЕРИОДА

Статья посвящена исследованию лексем, обозначающих понятие DANGER в англоязычном экономическом медиaprостранстве. Считаем целесообразным изучить язык англоязычной экономической прессы при помощи концептов, которые позволяют структурировать материал и детально проанализировать его. Исследование средств вербализации данного концепта проводилось на материале англоязычного экономического периодического издания «Financial Times» за 2016 год. Информационное содержание концепта было проанализировано на материале словарей «Longman» и «Macmillan». Лексическое воплощение концепта получено из всего проанализированного материала (70 медиатекстов на английском языке). Содержание концепта DANGER во многом определяется ситуативным характером экономического дискурса и его зависимостью от конкретного дискурса. В процессе изучения концепта был использован семантико-когнитивный анализ, дефиниционный анализ, метод анализа синонимических рядов. Проведенное исследование позволило определить когнитивные признаки концепта DANGER и языковые средства их вербализации. Результаты анализа на лексико-фразеологическом и семасиологическом уровнях подтверждают, что концепт DANGER занимает одно из ключевых мест в концептосфере экономического кризиса.

Ключевые слова: экономический медиадискурс, медиатекст, финансово-экономическое издание, концептуальное пространство дискурса, лексические средства вербализации

В современной лингвистике наблюдается повышенный интерес к языку средств массовой информации. Данное явление обусловлено тем, что язык СМИ является средством воздействия на общественное сознание и отражает языковую динамику. В связи с этим возникает новая отрасль лингвистики – медиалингвистика. Предметом ее исследования выступает изучение функционирования языка в сфере массовой коммуникации, а объектом – медиатекст, представляющий собой объемное многоуровневое явление, включающее совокупность вербальных и медийных признаков [2: 11]. Достаточно популярным становится дискурсивный подход к языку масс-медиа. Исследованию медиадискурса посвящены работы Р. Фаулера [9], М. Талбот [10], Н. Фэркло [8], М. С. Кардумяна [3] и др.

Важнейшей чертой современных экономических, политических и социальных изменений является то, что они существуют как дискурсы. Экономический медиадискурс представляет собой особый тип дискурса, обладающий такими характеристиками, как открытость, доступность и стабильность тематики. Данный лингвистический феномен понимается как интерактивный

процесс взаимодействия с аудиторией, обладающий силой воздействия на нее. Необходимо отметить, что к одной из сфер общественной жизни, в которой постоянно происходят потрясения, относится экономика, и любые изменения находят отражение в языке. Одной из наиболее обсуждаемых тем на страницах финансово-экономических изданий стал затянувшийся на несколько лет мировой кризис, представляющий угрозу для всего человечества.

Методологической и теоретической базой для исследования послужили труды в области концептологии таких ученых, как С. А. Аскольдов [1], Д. С. Лихачев [4], Ю. С. Степанов [5], Г. Г. Слышкин [6], [7] и др.

Впервые в отечественной науке понятие «концепт» употребил С. А. Аскольдов. В работе «Концепт и слово» исследователь определил данный лингвистический феномен как мыслительное образование, которое замещает в процессе мысли неопределенное множество предметов, действий, мыслительных функций одного и того же рода [1]. По мнению Д. С. Лихачева, понятие «концепт» необходимо использовать для обозначения обобщенной мыслительной единицы,

которая отражает и интерпретирует явления действительности в зависимости от образования, личного опыта, профессионального и социального опыта носителя языка. Концепт не возникает из значений слов, а является результатом столкновения усвоенного знания с личным жизненным опытом говорящего и выполняет заместительную функцию в языковом общении [4].

Современная когнитология рассматривает термин «концепт» в значении «культурный концепт», так как он отражает и обуславливает миропонимание, присущее той культуре, которую он репрезентирует. Ю. С. Степанов характеризует концепт как основную ячейку культуры в ментальном мире человека и анализирует как культурологический феномен, называя его «сгустком культуры в сознании человека», «пучком представлений, знаний, понятий, ассоциаций, которые сопровождают слово» [5: 43].

В данной статье проводится анализ англоязычного экономического медиадискурса кризисного периода в контексте современной когнитивной медиалингвистики. К числу основных концептов пространства дискурса кризисной экономической прессы относится концепт DANGER (угроза). В процессе анализа данного концепта была осуществлена следующая последовательность действий:

1. Построение номинативного поля концепта, которое включило определение ключевого слова-репрезентанта и его синонимического ряда с использованием данных словарей и дискурса англоязычной прессы;

2. Когнитивная интерпретация фразеологических единиц, стилистических приемов, а также результатов описания семантики языковых средств, состоящая в выявлении когнитивных признаков концепта, ранжирование их по яркости;

3. Описание содержания концепта в виде списка когнитивных классификационных признаков, используемых для концептуализации кризиса.

В названных выше лексикографических источниках DANGER понимается в первую очередь как тревожное состояние в присутствии угрозы. Согласно анализу первичных номинативных единиц, значительная часть синонимов слова DANGER, предлагаемых словарями, встречается в англоязычных экономических медиатекстах кризисного периода. Отличие состоит в том, что в периодических изданиях наблюдаются также и контекстные значения лексемы DANGER, не зафиксированные в лексикографических источниках.

В словаре «Longman»¹ общее определение лексической единицы DANGER связано с причинением вреда и потерей: *the possibility of harm or loss*. С точки зрения экономики анализируемая лексема представляется как «угроза безработицы»: *He is in great danger of losing his job*.

Далее обратимся к словарю «Macmillan»², в котором DANGER трактуется как «вред, разрушение

и опасность»: *a situation in which harm, death, damage, or destruction is possible*. Применительно к сфере бизнеса было обнаружено выражение *danger money*, переводимое на русский язык как «доплата за вредные условия труда».

Анализ лексикографических источников доказал, что ядро концепта DANGER составляет когнитивный признак «**угроза какого-либо бедствия, опасность**». В состав синонимического ряда ключевого слова-репрезентанта DANGER входят такие слова, как *harm, loss, damage, pain, injury, fear*. На основе анализа англоязычных экономических медиатекстов, проведенного на материале периодического издания «Financial Times»³, были также выявлены единицы, объективирующие классификационный когнитивный признак «угроза и опасность» концепта DANGER, который подразделяется на ряд более мелких признаков.

К числу наиболее частотных признаков относится «**угроза экономического кризиса**», представленная такими единицами, как *financial crisis, financial crash, turmoil, severe treatment, a deepening crisis*. Данный признак встречается практически в каждой статье. Использование оценочных и экспрессивных коннотаций помогает автору выразить отношение к происходящему. Отметим, что в кризисный период, в связи с нестабильностью в экономической сфере, часто наблюдается тенденция неуверенности в завтрашнем дне. Так, при описании настроения у жителей разных стран мира используются следующие лексемы, вербализующие концепт DANGER: *fears, scaremongering, trouble, frustration*.

Кроме того, для англоязычных медиатекстов характерно авторское переосмысление кризиса, и финансовые неудачи часто метафорически сопоставляются со здоровьем или болезнью, плохим самочувствием. Например, *the relative health of the UK, symptoms of the eurozone's ill health, the eurozone faces a long road to recovery*.

Необходимо подчеркнуть, что центральной проблемой, освещаемой на страницах «Financial Times»⁴, выступает «**угроза выхода Великобритании из Европейского Союза**», именуемая Brexit (от англ. Britain, exit). По мнению авторов статей, выход Британии из ЕС может нанести серьезный ущерб авиакомпаниям, производителям автомобилей, финансовым компаниям и ее партнерам по торговле. К примеру, *If the UK left the EU..., exports could well face tariffs, putting British firms at major disadvantage*. Приведем еще один пример: *A vote to leave would be profoundly destabilizing to Britain's main trading partners and the UK would not escape the consequences*.

Изучение англоязычных медиатекстов кризисного периода выявляет тот факт, что в настоящий момент Европа обеспокоена **проблемой экономической миграции** (*economic migration*), представляющей собой угрозу для всего

мирового сообщества. На страницах англоязычной прессы высказываются различные точки зрения, выражающие обеспокоенность и страх (*concerns about immigration*). Выход из сложившейся ситуации сводится к усилению контроля над экономической миграцией: *put new controls on economic migration; Britain should demand tougher controls on EU migration*. Данная проблема связана с выходом Великобритании из ЕС. В мире возникла **угроза увеличения потока мигрантов**: *the prospect of an exit triggered a surge in immigration, или an imminent exit from the union led to a big surge in migration to Britain*.

В результате анализа концепта DANGER на семасиологическом уровне выяснилось, что среди выразительных языковых средств, входящих в номинативное поле концепта, наиболее частотны стилистически используемые идиоматические выражения.

Итак, когнитивный признак «угроза снижения темпов развития международных банков» (*international slowdown*) в условиях кризиса вербализируется с помощью такой фразеологической единицы, как *the axe has fallen on banker bonuses*, демонстрирующей, что банковские льготы находятся под угрозой, и в любой момент с ними могут произойти неприятные с точки зрения финансов события.

Одним из ярких примеров вербализации концепта DANGER служит известная идиома *road to Damascus* со значением *a very important experience which changes life*. Данная фразеологическая единица используется в англоязычном медиатексте для описания необходимости Великобритании остаться в составе ЕС. Этот факт подкрепляется ярким, эмотивным предложением: *It would be "suicidal" for Britain not to join the euro*.

Другая идиома *throw petrol on the fire* констатирует тот факт, что неверные и необдуманые

действия политических лидеров могут ухудшить состояние политической и экономической ситуации в мире, усугубить имеющиеся проблемы, создавая угрозу нарушения финансово-экономического равновесия.

В добавление, характерной чертой англоязычных экономических медиатекстов издания «Financial Times» является стремление приблизиться к простоте и естественности повседневной речи, использованию разговорных фраз. Поэтому на страницах журнала часто встречаются такие выражения, как *plug a hole in the public finances, make a mint on something, call shots*, придающие обсуждению серьезных экономических проблем оттенок разговорности.

Стоит также отметить еще один когнитивный признак концепта DANGER – **угроза возникновения дефицита, недостатка чего-либо, долгов**, репрезентированная в англоязычном медиатексте следующими единицами: *sovereign debt, deficit, bankruptcy, insufficiency*.

Проведенный анализ англоязычных экономических медиатекстов кризисного периода позволяет заключить, что в составе концепта DANGER выделяется три слоя: информационное содержание, образный компонент и интерпретационное поле. На наш взгляд, именно информационное содержание представляет базу, которая хранится в сознании в вербальной форме и может воспроизводиться в речи. В результате исследования информационного компонента на лексическом уровне были выявлены единицы, вербализующие концепт DANGER. В структуре данного концепта были выявлены следующие когнитивные признаки: угроза экономического кризиса, угроза выхода Великобритании из ЕС, угроза увеличения экономической миграции, угроза роста долгов. В дальнейшем считаем целесообразным исследовать моделирование концептов кризисного периода.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Longman Dictionary of English Language and Culture. England: Pearson, 2005. 1620 p.

² Macmillan English Dictionary for advanced users. Gwyneth Fox, Michael Rundell Macmillan Education, 2007. 1854 p.

³ World Business Newspaper // Financial Times Europe. 2016. № 39. 190, June 15. 24 p.

⁴ World Business Newspaper // Financial Times Europe. 2016. № 39. 177, May 30. 24 p.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология / Под ред. проф. В. П. Нерознака. М., 1997. С. 269.
2. Добросклонская Т. Г. Что такое медиалингвистика // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2004. № 2. С. 9–17.
3. Кардунян М. С. Языковые приемы современного дискурса масс-медиа (на материале аналитических статей) // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. 2011. № 1. С. 134–139.
4. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Известия АН. Сер. литературы и языка. 1993. Т. 52. № 1. С. 3–9.
5. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд. М.: Академический проект, 2004. С. 42–67.
6. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов. М.: Academia, 2000. 141 с.
7. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. 128 с.
8. Fairclough N. Analysing Discourse. Textual Analysis for Social Research. L.: Routledge, 2003. 70 p.
9. Fowler R. Language in the News: Discourse and Ideology in the Press. L.; N. Y.: Routledge, 1991. 261 p.
10. Talbot M. Media Discourse: Representation and Interaction Edinburgh University Press, 2007. 198 p.

Orlova T. A., Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation)
Tremaskina O. A., Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation)

VERBALIZATION OF THE “DANGER” CONCEPT IN ENGLISH ECONOMIC MEDIA TEXTS OF CRISES TIMES

The article deals with the study of lexical units indicating the notion of the concept of “danger” in English economic media space. To do the research it is appropriate to study the language of English economic media texts. The above mentioned approach provides us with an opportunity to structure the material and to analyze it in details. A research on the lexical means of verbalization was carried out with the help of multiple materials obtained from the English economic periodical “The Financial Times” issued in 2016. The information content of the concept was analyzed with help of “Longman” and “Macmillan” dictionaries. The lexical embodiment of the concept is derived from study of all analyzed material (70 English media texts). Moreover, the content of the concept “danger” is largely determined by the situational nature of economic discourse and its dependence on a particular discourse. The semantic-cognitive analysis, the definition analysis, and the method of synonymous series analysis were used in the process our research. As a result, cognitive features of the concept “danger” and their linguistic means of verbalization were defined. In conclusion, the results of the analysis conducted on the lexical-phraseological and semasiological levels show that the concept of “danger” is one of the key points inherent to the conceptual sphere of economic crisis.

Key words: economic media discourse, media text, financial and economic periodical edition, conceptual space of discourse, lexical means of verbalization

REFERENCES

1. Askol'dov S. A. Concept and word [Kontsept i slovo]. *Russkaya slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta: Antologiya. Pod red. prof. V. P. Neroznaka*. Moscow, 1997. P. 269.
2. Dobrosklonskaya T. G. What is mediallynguistics? [Chto takoe medialingvistika?]. *Vestnik MGU. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 2004. № 2. P. 9–17
3. Kardumyan M. S. Language techniques of modern mass media discourse (as exemplified in the material of analytical articles) [Yazykovye priemy sovremennogo diskursa mass-media (na materiale analiticheskikh statey)]. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta im. K. L. Khetagurova* [Reporter of K. Chetagurov Severo-Osetian University]. 2011. № 1. P. 134–139.
4. Likhachev D. S. Sphere of concepts in Russian Language [Kontseptosfera russkogo yazyka]. *Izvestiya AN. Seriya literatury i yazyka*. 1993. Vol. 52. № 1. P. 3–9.
5. Stepanov Yu. S. *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian culture]. Moscow, Akademi-cheskiiy proekt Publ., 2004. P. 42–67.
6. Slyshkin G. G. *Lingvokul'turnye kontsepty pretsedentnykh tekstov* [Linguocultural concepts of precedent texts]. Moscow, Academia Publ., 2000. 141 p.
7. Slyshkin G. G. *Ot teksta k simvolu: lingvokul'turnye kontsepty pretsedentnykh tekstov v soznanii i diskurse* [From text to symbol: linguocultural concepts of precedent texts in mind and discourse]. Moscow, Academia Publ., 2000. 128 p.
8. Fairclough N. *Analysing Discourse. Textual Analysis for Social Research*. L.: Routledge, 2003. 70 p.
9. Fowler R. *Language in the News: Discourse and Ideology in the Press*. L.; N.Y.: Routledge, 1991. 261 p.
10. Talbot M. *Media Discourse: Representation and Interaction* Edinburgh University Press, 2007. 198 p.

Поступила в редакцию 16.08.2016

АНДРЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ КУНИЛЬСКИЙ

доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики Института филологии, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
aek31@mail.ru

ВИТАЛИЗМ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Рассматривается бытование концепта «жизнь» и его усиленной версии «живая жизнь» в русской литературе 20–40-х годов XIX века в творчестве Жуковского, Гоголя, Белинского, Бакунина, Одоевского, славянофилов. Уточняются источники проникновения выражения «живая жизнь» в отечественную культуру. Отмечается, что указанный концепт использовался представителями самых разных литературных и общественно-политических направлений для репрезентации наиболее важных для них в смысловом и ценностном отношении идей.

Ключевые слова: русская литература первой половины XIX века, тема жизни, витализм, «живая жизнь»

В моей предыдущей статье [1] были указаны основные источники возникновения явления, условно обозначенного как витализм. Речь идет о повышенной значимости темы жизни в русской литературе начала XIX века, то есть в романтический ее период. Как отметил в свое время В. Г. Белинский, «ввел в русскую поэзию романтизм» В. А. Жуковский¹. И именно он еще до того, как Надеждин сформулировал свой знаменитый тезис («...где жизнь, там – поэзия»), писал: «И для меня в то время было Жизнь и Поэзия одно» («Я музу юную, бывало...», 1824)². Особую роль в его жизни, признается Жуковский, сыграл Гете:

И для меня мой гений Гете
Животворитель жизни был! («К Гете», 1827)³.

Однако ощущение жизни у Жуковского иное, чем у того, кого он назвал своим «животворителем». Его невозможно представить без связи с небесным, духовным началом. Об этом свидетельствует стихотворение «Жизнь» 1819 года. Здесь изображается, как Жизнь плывет, унылая, в лодке, и вдруг к ней прилетает ангел-хранитель:

Смотрит... ангелом прекрасным
Кто-то светлый прилетел,
Улыбнулся, взором ясным
Подарил и в лодку сел;
И запел он песнь надежды;
Жизнь очнулась, ожила
И с волнением робки вежды
На красавца подняла.
.....
О хранитель, небом данный!
Пой, небесный, и ладьей
Правь ко пристани желанной
За попутною звездой.
Будь сиянье, будь ненастье;
Будь, что надобно судьбе;
Все для Жизни будет счастье,
Добрый спутник, при тебе⁴.

И пусть даже считается, как указывается в комментарии к этому стихотворению в собрании сочинений Жуковского, что здесь в аллегорической форме изображено его отношение к фрейлине императрицы графине С. А. Самойловой⁵, однако топика произведения характерна для данного поэта с присущим ему ощущением связи между жизнью земной и небесным началом. На эту связь Жуковский указывает, говоря об отличиях, существующих между языческим и христианским отношением к жизни: «Правда, у древних всё жизнь, но жизнь, заключенная в земных пределах; и далее ничего: с нею всему конец. У христиан всё смерть, то есть всё земное, заключенное в тесных пределах мира, ничтожно, и всё, что душа, – нетленно, всё жизнь вечная. И всё оттого, что у них есть Один, Который смертью смерти попра и сущим в гробех живот дарова!»⁶

Разницу в понимании жизни у Жуковского и Гете отмечает А. Н. Веселовский, говоря об истолковании русским поэтом одной сцены из поэмы германского гения (статья Жуковского «Две сцены из Фауста» 1848 года): «Во всем этом нет и следа *des lebendigen Lebens* (живой жизни. – А. К.); Гёте нашел бы такое толкование по крайней мере *herzlich-fromm*», то есть искренне набожным, благочестивым, но, видимо, не совсем отвечающим смыслу текста.

Автором выражения *lebendigen Leben* является друг Гете Шиллер («Мессинская невеста», 1803) [4: 11]. Первый случай использования этого выражения русским литератором, насколько мне известно, связан с В. К. Кюхельбекером. Характерно, что он приводит изначальный вариант в письме к матери на немецком языке от 17 ноября 1820 года, присланном из Германии после встречи с Гете: «Деятельная, живая жизнь пробудилась во мне» [3: 303]. Русский вариант «живая жизнь», очевидно, впервые употребил в 1829 году будущий славянофил Н. М. Языков

в своем стихотворении «Прощальная песня»⁸. В нем с *alma mater* и однокашниками прощается студент Дерптского (ныне Тартуского) университета, где немецкие профессора читали лекции на немецком языке; так что введение в русский оборот немецкого выражения именно Языковым совершенно не случайно. Выражению этому в русской культуре суждено было большое будущее.

Следующее свидетельство об усвоении понятия находим в «Записках» А. О. Смирновой-Россет. Где-то в начале 30-х годов она присутствовала при разговоре Пушкина и Жуковского (общение Смирновой с Пушкиным и Жуковским происходило в 1831 году в Царском Селе и начинала с 1832 года после замужества в ее салоне): когда речь зашла о «Фаусте», Пушкин сказал, что в нем «больше идей, мыслей, философии, чем во всех немецких философах, не исключая Лейбница, Канта, Лессинга, Гердера и прочих. — Это философия жизни, *des lebendigen Lebens*, заключил Жуковский»⁹.

В то же время (то есть в 1831 году) Жизнь (именно с большой буквы) становится ключевым словом в программной статье нового журнала «Европеец», который начал издавать воспитанник Жуковского Иван Киреевский (за год до этого побывавший в Германии и воспринявший немецкую премудрость из первых уст — Гегеля, Шеллинга и других профессоров): «Именно из того, что Жизнь вытесняет Поэзию, должны мы заключить, что стремление к Жизни и Поэзии сошлись, и что, следовательно, час для поэта Жизни наступил»¹⁰. Здесь же происходит антропоморфизация (и эротизация) образа Жизни, характерная для представления о ней от Библии (Ева) до Ницше¹¹: «Ибо жизнь явилась ему (человеку нашего времени. — А. К.) существом разумным и мыслящим, способным понимать его и отвечать ему, как художнику Пигмалиону его одушевленная статуя»¹². У глубоко нравственного молодого автора еще не возникает мысли о возможности проблем в отношениях человека и жизни. А вот Языкову (который первым в России произнес слова «живая жизнь») и Ницше эти проблемы были хорошо знакомы — в виде погубившей их в конце концов болезни.

Как уже говорилось выше, В. Л. Комарович понятие «живая жизнь» на русской почве возводил к славянофилам. Автор комментария к роману Достоевского «Подросток» в академическом Полном собрании сочинений писателя Г. Я. Галаган в качестве подтверждения этого тезиса ссылается на статью Киреевского «Жизнь Стефенса» 1845 года¹³. Но мы уже знаем, что честь введения этого понятия в оборот принадлежит, скорее, Языкову, стихи которого публиковались в журнале Киреевского «Европеец» в начале 30-х годов. В 1834 году Киреевский использовал выражение «потребность жизни живее» (то есть потребность в том, чтобы жизнь стала живее) в статье «О русских писательницах»¹⁴. Строго говоря, в работе «Жизнь Стефенса» слова «жи-

вая жизнь» Киреевскому не принадлежат: они содержатся в той части, которая представляет собой перевод автобиографии датско-немецкого профессора Х. Стефенса (ученика Шеллинга), и выполнен этот перевод был матерью И. Киреевского А. П. Елагиной¹⁵. Х. Стефенс вспоминает о том, как он пытался примирить науку, преподавание и жизнь: «И то, что тогда казалось мне чуждым, чем-то отделенным от всего остального, от свежей, живой жизни, простою игрою остроумия — предстало мне теперь в виде значительной Науки. <...> Что был школьный формализм в сравнении с горячею, живою жизнью?»¹⁶

В 30-е годы поклонение жизни, признание ее высшей инстанцией стало распространяться среди русской интеллектуальной элиты. Об этом, в частности, свидетельствуют высказывания членов известного кружка Станкевича. Сам Н. Станкевич писал: «Оковы спали с моей души, когда я увидел, что вне одной всеобъемлющей идеи нет знания; что жизнь есть самонаслаждение любви и что все другое призрак» [5: 91].

У членов кружка М. А. Бакунина и В. Г. Белинского понимание «жизни» претерпело определенные изменения, что было выражением эволюции их мировоззрений. 4 сентября 1837 года Бакунин констатировал: «Итак: нет зла, все благо; жизнь есть блаженство» [5: 111]. Признание божественного характера жизни приводит Бакунина и Белинского к знаменитому «примирению с действительностью»: «Все живет, все оживлено духом. Только для мертвого глаза действительность мертва. Действительность есть жизнь Бога. Бессознательный человек также живет в этой действительности, но он не сознает ее, для него все мертво... Чем живее человек, тем более он проникнут самостоятельным духом, тем живее для него действительность... Что действительно, то разумно» [5: 111]. Для подтверждения своей правоты Бакунин ссылается на Пушкина, преодолевшего жизнеотрицание Байрона, а также обращается к авторитету Гегеля и Гете, называя их «главы этого примирения, этого возвращения из смерти в жизнь» [5: 116].

Всприятие жизни не «спотыкается» у Бакунина о факт существования страданий: «Страдание есть признак движения вперед, а движение есть признак живого источника жизни, а где есть жизнь, там и любовь, там и блаженство и все прекрасное и истинное» [5: 112–113]. Страдания свидетельствуют о противоречивости жизни: «Если мы говорим, что жизнь прекрасна и божественна, то мы уже тем самым говорим, что она полна противоречий <...> Противоречия — это жизнь, очарование жизни, и кто не может их выносить, тот вообще не может вынести жизни <...>» [5: 125]. И постепенно в концепции жизни у Бакунина происходит смещение акцентов — с утверждения на отрицание: «Будем доверять вечному Духу, который нас потому разрушает и уничтожает, что он есть неисчерпаемый и вечный творческий источник всей жизни. Радость

разрушения одновременно – творческая радость». Как отмечает Д. И. Чижевский, «этот манифест завершает философское развитие Бакунина. Он не видит дальнейшего пути развития для философии» [5: 130].

Таким образом, от благодарного всепрятия жизни, от взгляда на действительность как на жизнь Бога Бакунин приходит к прославлению вечного Духа разрушения и уничтожения, а кто это, как не дьявол? Именно его Бакунин теперь называет источником всякой жизни. В 1842 году Бакунин публикует статью «Реакция в Германии» в «Немецких ежегодниках» (1842, 17–21 октября, № 247–251). В ней он «отдает долги» своим немецким наставникам в учении о жизни, повергая их в изумление пониманием жизни как отрицания: «Как раньше вся жизнь была “примирением”, так теперь Бакунин “знает из своей рефлексии, а особенно из своего живого опыта... что отрицание есть единственная пища и основное условие всякой живой жизни”. Пафос отрицания в статье “Ежегодников” так поразил “немцев”, что Руге еще через тридцать лет с восторгом о ней отзывался; об авторе Руге не мог сказать много хорошего. Сильное впечатление произвела статья и на тех из русских друзей Бакунина (Герцен, Белинский), которым она стала доступна» [5: 131].

Белинский движется в том же направлении, что и Бакунин. Его эволюция от романтической агрессивности по отношению к действительности – к знаменитому примирению с ней, а затем к новому отрицанию неоднократно описывалась в научной литературе. Концепт «жизнь» также играет очень важную роль в его творчестве. Развитие русской литературы Белинский рассматривал как движение «от реторики к жизни»¹⁷. Именно «вождем жизни» впоследствии назвал выдающегося критика и отца русской интеллигенции Аполлон Григорьев¹⁸.

Совершенно не случайно, на мой взгляд, сосредоточенность на понимании жизни как истины в последней инстанции приводит Белинского к тезису о том, что «в объективном царстве мысли нет нравственности, как и в объективной религии»¹⁹, к прославлению «гильотины»²⁰, а также (какой бы смешной придиркой ни выглядело это замечание) к привычке напевать арию из популярной тогда оперы «Роберт-дьявол»²¹. В 40-е годы Белинский противопоставляет французскую революционность, «социальность» и практичность немецкому умствования. На это, как и на другие перемены, справедливо указывает Д. И. Чижевский: «Немецкой культуре, которая для Белинского так внутренне близка идеалистической философии, теперь противопоставляется французская как более ценная, “живая”, близкая к жизни. В эти же годы Белинский переживает религиозный кризис, приводящий его к атеизму и отрицанию личного бессмертия» [5: 169]. Добавлю только, что именно немецкая культура – от Гете до Д. Штрауса и Фейербаха – давала теоретическое и эстетическое

обоснование переменам того рода, которые произошли в мировоззрении Бакунина и Белинского.

Писателем, который наиболее адекватно изображает жизнь, Белинский считал Гоголя. Именно его критик уже в 1835 году назвал «поэт жизни действительной» («О русской повести и повестях г. Гоголя») ²².

«Жизнь» стала объектом рефлексии Гоголя в самом начале его творческого пути. Об этом свидетельствует его очерк, который так и называется – «Жизнь» (1831). Здесь автор характеризует три великие культуры – Египет, Грецию и Рим, и самой живой из них оказывается греческая культура: «И говорит ясный, как небо, как утро, как юность, светлый мир греков, и, казалось, вместо слов слышалось дыхание цевницы: “Жизнь сотворена для жизни. Развивай жизнь свою и развивай вместе с нею ее наслаждения. <...> Жизнь создана для жизни, для наслаждений – умей быть достойным наслаждения!”»²³ Рождение Иисуса Христа заставляет «веселую Грецию» глядеть «беспокойно»²⁴, очевидно, от предчувствия своего поражения. В другой статье молодого Гоголя «Об архитектуре нынешнего времени» (1831) содержится мысль, что грекам-византийцам так и не удалось преобразовать свою культуру в христианскую, настолько это были разнородные явления: «Они языческие, круглые, пленительные, сладострастные формы куполов и колонн тщились применить к христианству, и применили так же неудачно, как неудачно привили христианство к своей языческой жизни, дряхлой, лишенной свежести»²⁵.

Таким образом, в сознании молодого Гоголя намечалось противопоставление «жизни» как радости и полноты природного бытия христианству.

В статье «О поэзии Козлова» (1831–1833) Гоголь описывает, как изменялось мировосприятие потерявшего зрение поэта: «Светлый, полный – раздольное море жизни – мир древних греков не властен был дать направление поэзии Козлова. Когда весь блеск, все разнообразие постоянно светлой, в бесчисленных формах проявляющейся жизни природы слились для него в одну ужасную единицу – в мрак, – могла ли душа жить прежними ясными явлениями?» Поэт ослеп, и ему оставалось лишь «горько улыбнуться уже несуществующей для нее (души. – А. К.) прежней Илиаде жизни». Его могло поддержать только «кроткое христианское величие веры...»²⁶.

В статье 1832 года «Взгляд на составление Малороссии» у Гоголя появляется выражение «жизнь живая». Ее он не находит в чуждой ему природе Великороссии. Так, Гоголь говорит о славянском народе, покинувшем южную Россию: «Он оставлял эти места и столпился в той части России, где местоположение однообразно гладкое и ровное, везде почти болотистое, истыканное печальными елями и соснами, показывало не жизнь живую, исполненную движения, но какое-то прозябание, поражающее душу мыслящего»²⁷.

В 1842 году Гоголь в письме к П. В. Нащокину (от 20 (8) июля) уже без инверсии использует

интересующее нас выражение: «Жизнь, живая жизнь должна составить ваше учение, а не мертвая наука»²⁸. В «Выбранных местах из переписки с друзьями» схожие по смыслу места встречаются неоднократно: актер-художник может сделать жизнь «видной и живой» («О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности», 1845)²⁹; русский язык «живой, как жизнь» («В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность») ³⁰. Наконец, во втором томе «Мертвых душ» об Улиньке говорится: «Это было что-то живое, как сама жизнь»³¹.

Процесс изменения восприятия жизни, происходивший в душе самого Гоголя, чем-то напоминает то, что, по его мнению, испытал Козлов. Непосредственная, природная жизнь (или, как он выражается, «Илиада жизни») постепенно теряет для него свои краски. В статье «Светлое воскресенье», вошедшей в состав «Выбранных мест из переписки с друзьями», Гоголь с болью восклицает: «И непонятной тоской уже загорелась земля; черствей и черствей становится жизнь <...> исполинский образ скуки <...> Все глухо, могила повсюду. Боже! Пусто и страшно становится в твоём мире!»

«Мы трупы», – констатирует автор «Мертвых душ», – а «церковь наша есть жизнь»...³²

В «<Авторской исповеди>» Гоголь отмечает то, что «... в нынешнее время <...> все так заняты вопросом жизни». Сам он давно этим занимался («Предмет у меня был всегда один и тот же: предмет у меня был – жизнь, а не что другое») и для себя вопрос о жизни уже решил: «Как бы то ни было, но жизнь для нас уже не загадка». Как явствует из дальнейших слов Гоголя, эту загадку разрешил Иисус Христос, и здесь писатель, очевидно, имеет в виду Его слова «Я есмь путь и истина и жизнь» (Иоан. 14:6). «Стало быть, вопрос решен: что такое жизнь»³³.

Для В. Ф. Одоевского, употребившего выражение «живая жизнь» в романе «Русские ночи» (1844), это понятие ассоциируется прежде всего с любовью. Исправить человека можно только силой любви, без этого «все труды над ним потеряны, ибо живой жизни ему не дали»³⁴. Тезису Декарта «*cogito, ergo sum*» и «в начале было дело» геттевского Фауста Одоевский противопоставляет свое понимание смысла жизни (глубоко чувствовать и любить): «Мыслить не значит жить... Действовать не значит жить... Нет жизни без глубокого чувства; нет сего чувства без любви; нет любви без сего чувства»³⁵.

В работах основоположников и главных идеологов славянофильства А. С. Хомякова и И. В. Киреевского слова «жизнь», «живой» играют ключевую роль и обозначают понятия, принадлежащие к сфере высших ценностей. Примеры из Хомякова: «искусство истинное есть живой плод жизни»; «жизнь всегда предшествует логическому сознанию и всегда остается шире его»; «познание жизненное»; «жизненное знание»; художество – «образ самопознающей жизни»; «жизнь уже потому, что жива, имеет

право на уважение, а жизнь создала нашу Россию»; «жизнь покупается только жизнью»³⁶. Неслучайно соратник Хомякова А. И. Кошелев для характеристики мыслителя использовал все то же слово: «Для Хомякова дороже всего была жизнь, правда, как в церкви, так и в человеке»³⁷.

Аналогичные хомяковским цитаты можно привести из сочинений Киреевского: «живое рождается только из жизни»; «живые истины... те... которые дают жизнь жизни»³⁸.

Отмечу при этом, что в работах Хомякова и Киреевского мне не удалось обнаружить случаев использования выражения «живая жизнь». «Жизнь живее» у Киреевского и «живая жизнь» в переводе его матери – не в счет (указанные случаи описаны выше).

Зато в сочинениях славянофилов братьев Аксаковых понятие «живая жизнь» встречается достаточно часто. С его помощью Константин Аксаков характеризует поэму Гоголя («Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова, или Мертвые души», 1842): «Все, от начала до конца, – полно одной неослабной, неустающей, живой жизни, той жизни, которою живет предмет, перенесенный весь и свободно без малейшей утраты в область искусства; жизнь всюду, в каждой строке <...>»³⁹. В другой статье «жизнь живая» рассматривается как синоним жизни народной («Три критические статьи г-на Имрек», 1847)⁴⁰.

«Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя, как известно, в семье Аксаковых (за исключением Ивана) оценили негативно, и Константин объясняет это отношение опять же с помощью выражения «живая жизнь» (в письме к автору в мае 1848 года): «Сверх того, вас пленяла, как сказал я выше, художественная красота подвига, вы предались ей, этой опасной красоте, столь облыгающей веру и чувство и принимающей на себя их образ, столь соблазнительной, прекрасной и столь ложной, в настоящей живой жизни и в настоящей истинной истине»⁴¹. Обратим внимание на тавтологическое сочетание «истинная истина». «Живая жизнь», как и «душа души» у мистиков, – из того же разряда.

«Живой жизни» К. Аксаков не находит не только в последнем сочинении любимого писателя, но и в литературе в целом, которой эта жизнь противопоставляется. После суровой оценки отечественной словесности критик пишет: «Такова наша современная литература. Но унывать мы не будем: пусть темнеет ночь прожитого наконец нами дня; мы знаем, что жизнь жива <...>»⁴². Конечно, вера в то, что жизнь жива, должен поддерживать К. Аксакова при свойственном ему сознании мертвенного характера современного общества и его культуры. Но в одном из своих стихотворений («Разуму», 1857) он сетует на то, что слишком далеко эта жизнь скрылась:

В недоступные пучины
Жизнь ушла, остался след:
Пред тобой ее пружины,
Весь состав, а жизни нет⁴³.

Очень характерно при этом, что близкие Константину Аксакову люди (и это были именно женщины – мать, сестра) остро чувствовали то, что сам он находился с жизнью в очень противоречивых отношениях. Так, сестра Вера в письме к брату Ивану от 24 июня 1844 года пишет о Константине: «Истинно он меня иногда душевно огорчает, можно ли быть в таком противоречии с жизнью, как он, можно ли требовать от случайностей мимолетающих чего-нибудь положительного, законного; конечно, собственно в требовании этой законности, в желании найти их везде, в этом есть смысл, и глубокий, но хорошо это в области мысли, но в жизни, разумеется, это нарушает всякую гармонию жизни, делает жизнь не-жизнью»⁴⁴.

Иван Аксаков, действуя в рамках славянофильского идейного контекста, также неоднократно использует понятия «жизнь» и «живая жизнь». Но в его позиции есть свои особенности. Это известный скептицизм, характерный для молодого представителя славянофильской семьи. Скрытая полемичность присутствует в одном из стихотворений 1846 года, в котором обыгрывается тема мудрости позиции «жизнь для жизни» (напоминающая и о стихотворении Пушкина «К вельможе» – «Ты понял жизни цель: счастливый человек, Для жизни ты живешь» – и о «срывателе» цветов Печерине):

Блаженны те, кто с юношеских лет
Заботой дум себя не отравили,
Но радостей сорвали полный цвет,
Но на земле для жизни только жили.

И наконец под старость, в добрый час,
Когда грешить им стало не под силу,
Покаялись на случай, про запас.
И отошли в холодную могилу⁴⁵.

На склоне своих дней И. С. Аксаков, резюмируя смысл позиции славянофилов, писал: «Они, по выражению Хомякова, “допрашивают духа жизни”, скрытого в нашем былом и хранящегося еще в настоящем, т. е. в простом русском народе»⁴⁶. Однако сам он в молодости подвергал сомнению авторитетность «былого» и его наполненность «живой жизнью». В письме к родным от 5 ноября 1849 года из Углича – места, куда как связанного с русской историей, И. Аксаков замечает: «...Вы не вполне схватили мою мысль,

именно, что древние события превратились в чисто религиозные предания, но вовсе не живут живою жизнью <...>»⁴⁷. И гораздо позднее, также в переписке (письмо Т. Филиппову от 13 июля 1878 года): «Старина заслуживает почтения, но не должна глушить живой жизни»⁴⁸.

«Живая жизнь» продолжает оставаться для Ивана Аксакова высшей инстанцией («Мы совершенно оторваны от живой жизни и народа») ⁴⁹, но просто «жизнь» и «народ» явно таковой не являются:

«Ваш Хомяков слишком верит в жизнь, приятель ваш Константин Сергеевич Аксаков, кажется мне, слишком верит в авторитет народа».

«Но я не могу верить и в силу самой жизни; к чему привела эта вера в жизнь?.. К современному положению, ибо жизнь, предоставленная сама себе, легко может быть подавлена и искажена всякою внешнею силой».

«Я, со своей стороны, вижу бессилие самой жизни».

«Но вера в нравственные начала и вера в жизнь – две вещи совершенно разные...».

«Я разделяю мнение тех, которые не верят в гарантию, в правду, чем-либо формулированную, но не верю вполне и самой жизни, почему и приходила мне в голову мысль, что роль правительства – быть регулятором движения жизни, хранителем общих начал в чистоте их, которые легко устраиваются самую жизнью»⁵⁰.

Таким образом, в первой половине XIX века в русской литературе оформился очень важный для нее концепт – «жизнь». Это понятие использовалось в качестве основополагающего представителями разных направлений – литературных (романтизм и реализм), идейных и общественно-политических (западники и славянофилы, радикалы и консерваторы). «Жизнь» возводилась к Богу или становилась Его заменой. В каждом случае использование этого понятия в художественных, критических и публицистических текстах требует специального рассмотрения и осмысления.

Ориентация русской литературы на объективное воспроизведение действительности («реализм») сопровождалась в большинстве случаев пониманием органического единства всего живого, его особой природы, что позволяет говорить о своеобразном «витализме» отечественной словесности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М.: Худож. лит., 1981. Т. 6. С. 113.

² Жуковский В. А. Собр. соч.: В 4 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1959. Т. 1. С. 367.

³ Там же. С. 374.

⁴ Там же. С. 335.

⁵ Там же. С. 459.

⁶ Жуковский В. А. Эстетика и критика. М.: Искусство, 1985. С. 350.

⁷ Веселовский А. Н. В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1904. С. 359.

⁸ Языков Н. М. Стихотворения и поэмы. Л., 1988. С. 238.

⁹ Цит. по кн.: Веселовский А. Н. Указ. соч. С. 357.

¹⁰ Европеец: Журнал И. В. Киреевского. 1832. М.: Наука, 1989. С. 14–15.

¹¹ Г. Риккерт пишет о книге «Так говорил Заратустра»: «Тут “жизнь” является как бы живым человеческим существом, любимой женщиной. <...> Поэт вступает в любовную связь с жизнью, хотя он знает, что имеет дело с достаточно соблазнительной красоткой» [2: 24].

¹² Европеец. С. 19–20.

- ¹³ См.: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. XVII. С. 286–287.
- ¹⁴ Киреевский И. В. Избранные статьи. М., 1984. С. 101.
- ¹⁵ Там же. С. 354. См. также: Русские писатели. 1800–1917: Биограф. словарь. Т. 2: Г–К. М., 1992. С. 221.
- ¹⁶ Киреевский И. В. Полн. собр. соч. / Изд. А. И. Кошелева. М., 1861. Т. II. С. 96.
- ¹⁷ Белинский В. Г. Собр. соч. Т. 6. С. 91.
- ¹⁸ Григорьев Аполлон. Литературная критика. М., 1967. С. 458.
- ¹⁹ Белинский В. Г. Собр. соч. Т. 9. С. 443.
- ²⁰ Там же. С. 507.
- ²¹ В. Г. Белинский в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 1977. С. 473, 503.
- ²² Белинский В. Г. Собр. соч. Т. 3. С. 162.
- ²³ Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 9 т. М., 1994. Т. 6. С. 248.
- ²⁴ Там же. С. 249.
- ²⁵ Гоголь Н. В. Собр. соч. Т. 7. С. 243–244.
- ²⁶ Там же. С. 69.
- ²⁷ Там же. С. 154.
- ²⁸ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14 т. М., 1952. Т. XII. С. 75.
- ²⁹ Гоголь Н. В. Собр. соч. Т. 6. С. 59.
- ³⁰ Там же. С. 184.
- ³¹ Гоголь Н. В. Собр. соч. Т. 5. С. 245, 362.
- ³² Гоголь Н. В. Собр. соч. Т. 6. С. 191, 34.
- ³³ Там же. С. 226, 216, 230.
- ³⁴ Одоевский В. Ф. Русские ночи. Л., 1975. С. 102–103.
- ³⁵ Там же. С. 230.
- ³⁶ Хомяков А. С. О старом и новом: Статьи и очерки. М.: Современник, 1988. С. 63, 81, 89, 96, 99, 116, 151.
- ³⁷ Кошелев А. И. Мои воспоминания о А. С. Хомякове // Кошелев А. И. Самодержавие и Земская дума. М.: Институт русской цивилизации, 2011. С. 169.
- ³⁸ Киреевский И. В. Избранные статьи. М., 1984. С. 169, 280.
- ³⁹ Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика. М.: Современник, 1981. С. 146.
- ⁴⁰ Там же. С. 194.
- ⁴¹ Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. М.: Худож. лит., 1988. Т. 2. С. 98.
- ⁴² Аксаков К. С. Эстетика и литературная критика. М., 1995. С. 225.
- ⁴³ Поэты кружка Н. В. Станкевича. М.; Л.: Сов. писатель, 1964. С. 424.
- ⁴⁴ Цит. по ст.: Пирожкова Т. Ф. «Жизнь как трудный подвиг» (В. С. Аксакова, ее дневники и письма) // Аксакова, Вера. Дневники. Письма. СПб.: Пушкинский Дом, 2013. С. 23.
- ⁴⁵ Аксаков И. С. Стихотворения и поэмы. Л., 1960. С. 83.
- ⁴⁶ Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика. С. 308.
- ⁴⁷ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Т. II. Письма 1849–1857 гг. М.: Русская книга, 2004. С. 76.
- ⁴⁸ Русская литература. 2006. № 1. С. 139.
- ⁴⁹ Аксаков И. С. Отчего так нелегко живется в России? М.: Российская политическая энциклопедия (РОСС-ПЭН), 2002. С. 26.
- ⁵⁰ Там же. С. 27, 28.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кунильский А. Е. Источники витализма в русской литературе первой половины XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2016. № 7–1 (160). С. 100–104.
2. Риккерт Г. Философия жизни: Изложение и критика модных течений философии нашего времени / Пер. Е. С. Берловича и И. Я. Колубовского. Пб.: Academia, 1922. 167 с.
3. Тунянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М.: Наука, 1969. 424 с.
4. Фойницкий В. Н. Об источниках выражения «живая жизнь» // Русская речь. 1981. № 2. С. 10–11.
5. Чижевский Д. И. Гегель в России. СПб.: Наука, 2007. 411 с.

Kunil'skiy A. E., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

VITALISM IN RUSSIAN LITERATURE OF THE FIRST HALF OF THE XIXth CENTURY

The article focuses on the existence of the concept of “life” and its enhanced version of “lively life” in Russian literature of the 20s–40s of the 19th century – in the works of Zhukovskiy, Gogol, Belinskiy, Bakunin, Odoevskiy, and slavophiles. The paper clarifies penetration sources of the concept of “lively life” into the national culture. It is noted that the concept in focus was used by the representatives of various literary and socio-political trends to express the most important for them ideas and values.

Key words: Russian literature of the first half of the 19th century, theme of life, vitalism, “vital life”

REFERENCES

1. Kunil'skiy A. E. The Origins of “Vitalism” in the Russian Literature of the First Half of the 19th Century [Istochniki “vitalizma” v russkoy literature pervoy poloviny XIX veka]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University]. 2016. № 7-1 (160). P. 100–104.
2. Rikkert G. *Filosofiya zhizni: Izlozhenie i kritika modnykh techeniy filosofii nashego vremeni* [Philosophy of Life: Presentation and Critique of Fashionable Trends of Modern Philosophy]. Petersburg, Academia Publ., 1922. 167 p.
3. Тунянов Ю. Н. *Pushkin i ego sovremenniki* [Pushkin and His Contemporaries]. Moscow, Nauka Publ., 1969. 424 p.
4. Фойницкий В. Н. About the Origins of the Concept of “Lively Life” [Ob istochnikakh vyrazheniya “zhivaya zhizn”]. *Russkaya rech'*. 1981. № 2. P. 10–11.
5. Chizhevskiy D. I. *Gegel' v Rossii* [Hegel in Russia]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007. 411 p.

Поступила в редакцию 16.01.2017

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА ЛОЙТЕР

доктор филологических наук, профессор, Петрозаводский
государственный университет (Петрозаводск, Российская
Федерация)
sofia5@sampo.ru

ИРИНА ФЕДОСОВА В ИССЛЕДОВАНИЯХ К. В. ЧИСТОВА (К 190-летию со дня рождения И. А. Федосовой)

Предлагаемая статья о том, как творчество Ирины Федосовой, знаменитой сказительницы и народной поэтессы, исследовалось в трудах выдающегося фольклориста и этнографа Кирилла Васильевича Чистова (1919–2007), для которого оно было сквозной, доминантной темой научной деятельности. Из многочисленных работ ученого особое внимание уделяется завершающему труду о Федосовой – новому, второму изданию «Причитаний Северного края, собранных Е. В. Барсовым».

Ключевые слова: сказительница, народная поэтесса, причитание, импровизация, «личное начало», второе издание

Поэтическое наследие заонежской сказительницы, народной поэтессы Ирины Андреевны Федосовой (1827–1899) заслуженно стало достоянием не только русской, но и мировой народной культуры. «Крупнейшая», «известнейшая», «знаменитейшая» Ирина Федосова – феноменальная историко-культурная и поэтическая личность.

Известно, что открытие (1867) Федосовой связано с «петрозаводским периодом» преподавателя Олонецкой духовной семинарии Е. В. Барсова, который одним из первых собирателей в русской фольклористике сделал попытку исчерпать репертуар одного исполнителя. Барсов сумел так расположить к себе Федосову, что их совместная работа, в течение которой он ее записывал, длилась более двух лет. Сначала это были тексты былин, духовных стихов и баллад: диктовать что-нибудь другое во время Великого поста она считала грехом [3: 251–267]. Эти тексты сразу же публиковались в газете «Олонецкие губернские ведомости» под общим заголовком «Из обычаев Обонежского народа»¹. Позже Федосова начала исполнять тексты, которые в 60–70-е годы XIX века еще не имели установившегося названия. Так Барсов оказался первооткрывателем жанра причитаний. А появление в 1872–1885 годах трехтомного издания «Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым», федосовского по преимуществу (17 причитаний Федосовой составляют 272 страницы, а 5 причитаний четырех других исполнительниц – 26 страниц), знаменовало собой: 1) открытие причитаний как одного из важнейших жанров народной традиции, 2) обнаружение ценнейших текстов и, наконец, 3) явление крупнейшей исполнительницы причитаний, чье индивидуальное дарование выразилось в совершенной и классической форме, не имеющей равных в плачевой традиции и не знающей аналогов в фольклоре других европейских народов.

Собрание Барсова вызвало интерес к Федосовой других собирателей. Фольклорист Ф. М. Ис-

томин и музыковед Г. О. Дютш в 1886 году записывают на пароходе в Онежском озере от Федосовой свадебную песню «Пивна ягода по сахару плыла». В течение нескольких лет в своем тверском имении О. Х. Агреева-Славянская записывает от Федосовой свадебные песни и свадебные причитания, составившие три выпуска «Описания русской крестьянской свадьбы», затем похоронные причитания, лирические песни, сказки, духовные стихи, пословицы, загадки. Большую роль в осознании творчества Федосовой как великого национального наследия, неотъемлемого слагаемого этнического самосознания сыграла деятельность истинного подвижника, учителя петрозаводской гимназии П. Т. Виноградова, записывавшего Федосову (его записи утрачены, не сохранились) и главное – организовавшего в конце 1880-х – 1890-е годы серию ее публичных выступлений в Петрозаводске, Москве, Петербурге, Нижнем Новгороде. Эти не экспедиционные, не полевые, вне обряда исполнения позволили многим деятелям русской культуры услышать Федосову и ввести ее творчество в обиход русской литературы и профессиональной музыки (А. М. Горький, Ф. И. Шаляпин, Н. А. Римский-Корсаков, М. А. Балакирев, С. М. Ляпунов и др.).

Федосову записывала в 1895 году детская писательница А. Н. Толиверова, поместившая несколько отредактированных ею текстов в своем журнале «Игрушечка».

В большом репертуаре Ирины Федосовой – разные жанры народной словесности, что и позволяет говорить о двух пластах записанных от нее текстов и о двух ипостасях этой уникальной исполнительницы. В одних она проявляется как сказительница: когда речь идет о вариантах текстов традиционных жанров – былинах, духовных стихах, балладах, песнях, сказке, пословицах и поговорках. Устная поэзия, которой она принадлежит, – искусство и не только искусство, явление коллективное. И неграмотная крестьянка Федосова, сказавшая о себе: «Я грамотой

неграмотна, зато памятью я памятна», не фиксировавшая, а державшая в памяти тысячи стихов, не автор, а хранитель и носитель традиции. «Народной поэтессой» (так впервые ее назвал Л. Майков) Федосова оказывается, когда речь идет о причитаниях – элегических импровизациях, которые всякий раз рождаются заново. Вариативность причитаний обнаруживается не в исполнении устойчивого текста, а в воспроизведении процесса оплакивания. Каждая плакальщица, владея приемами причитывания, используя типовую обрядовую схему, сложившийся фонд словесных стереотипов (формул), синтаксических конструкций, создает свой текст, имеющий в основе конкретный жизненный факт, конкретных людей, конкретно-бытовую обстановку и конкретную ситуацию. Здесь-то и проявилось индивидуальное дарование Федосовой, ее несравненный талант вопленицы, истолковательницы народного горя. Именно причитаниями Федосова блистательно и неповторимо вошла в фольклористику и благодаря им была названа «народной поэтессой», но не в том значении, какое вкладывается в это понятие, когда речь идет, скажем, о Н. А. Некрасове. Плачи Ирины Федосовой не просто традиционные плачи, а плачи-«поэмы», в которых она обнаруживает художественный дар повествователя, владеющего мастерством строить сюжет и создавать оригинальные образы. Человеческая жизнь в ее изображениях разворачивается в богатую подробностями драму, в которой принимает участие множество людей, иногда вся земля и небо. Только незаурядный дар импровизатора, высокая духовная энергия могут вызвать к жизни такие образы: «Я от ветрышка посяна, / была от камушка спорожена», или такую способность страдать, сострадать вместе с вдовой и всей природой, как в «Плаче по мужу»:

Укатилось красное солнышко
 За горы оно да за высокие,
 За лесушка оно да за дремучие,
 За часты звезды да подвосточные!
 Покидат меня, победную головушку,
 Со стадушком оно да со детиною,
 Оставляют меня, горюшу горегорькую,
 На веки-то меня да вековечные! < ... >
 У меня три поля кручинушки насыано,
 Три озерышка горячих слез наронено² (С. 65, 71).

Уровень и глубина поэтического мышления, сила выраженного чувства плакальщицы Федосовой в том, что она, говоря от лица каждого причастного к драме, проявляет умение понять его душевное состояние, психологически передать его боль, его страдание, его тревоги, как, скажем, в «Плаче по холостом рекруте»:

И ты, усадьба-то, прости да красовитая!
 И вы, деревенки, простите, садовитыи!
 И вы простите, темны лесушки дремучии!
 И вы простите, луга да сенокосные!..
 И сине славное, прости, да ты, Онегушко,
 И ты, родимая, прости меня, сторонущка!..³ (С. 113).

Неповторимый талант импровизатора обнаруживает Федосова в создании образов не только семейного, но и общественного характера: идеализированные картины далекого прошлого, такие яркие художественные обобщения, мифологические по своей природе, как «новгородская» социальная утопия, легенда о происхождении Горя и «пролог в небесах».

Незаурядность и уникальность Федосовой проявляется и в монументальности ее причитаний. Они несопоставимы с плачами других исполнительниц. Фольклористика попросту не знает более монументальных плачей. «Плач по холостом рекруте» Федосовой – это 2595 стихов (61 страница книжного текста) и рядом «Плачи по холостом рекруте» Марьи Федоровой (75 стихов), святозерской крестьянки (55 стихов) и Ирины Калитиной (80 стихов); 3000 стихов (65 страниц книжного текста) занимает «Плач по рекруте женатом» И. Федосовой и здесь же «Плач по рекруте женатом» Афросиньи Ехаловой (250 стихов).

«Личное начало» в причитаниях Федосовой настолько сильно, что не оставляет сомнения, что она – настоящий поэт, поэт, творящий в русле традиции и создававший тексты, которые «до сих пор не превзойдены» [18: 76].

Наследие, личность Федосовой с тех пор, как она стала известна фольклористике и культурной общественности, неизменно привлекали внимание исследователей, о чем свидетельствует имеющийся указатель [2] (к сожалению, он не отражает всей литературы о Федосовой, устарел и нуждается в серьезной доработке и дополнениях). И он убеждает, что нет среди исследователей Федосовой такого, для кого изучение ее творчества оказалось бы длиною в жизнь. Более полувека заонежская крестьянка Федосова из деревни Кузаранда была сквозной темой и главным «героем» научных штудий К. В. Чистова, выдающегося ученого-гуманитария с мировым именем, специалиста по истории и теории фольклора и этнографии, доктора исторических наук, многие годы главного научного сотрудника Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера) [4]. Чистов – ее биограф, исследователь, истолкователь, комментатор-текстолог.

Изучению Федосовой предшествовала фольклорная экспедиция 1938 года, когда студент Ленинградского университета Чистов по совету своего учителя М. К. Азадовского отправился в село Климово Пудожского района Карелии, где в течение месяца ежедневно слушал и записывал репертуар знатока былин Ивана Терентьевича Фофанова, вошедших позднее в собрание «Былины Пудожского края»⁴ (№ 17–30). «Общение с Иваном Терентьевичем помогло мне позже понять Ирину Федосову», – писал Чистов, постигавший психологию и механизм сказительского творчества [18: 207].

Первая публикация Чистова о Федосовой появилась в 1947 году, когда он стал руководителем

работы фольклористов в секторе литературы Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР в Петрозаводске. Определив объектом своих научных изысканий творчество Ирины Федосовой, Чистов подтвердил свою приверженность той русской фольклорной школе (М. К. Азадовского), которая главной своей задачей считала исследование личности и мастерства сказителя [4: 10]. В 1951 году К. В. Чистов защитил кандидатскую диссертацию «Народная поэтесса И. А. Федосова», которая переросла в первую монографию, изданную в Петрозаводске в 1955 году [12]. Большая архивно-разыскная работа, записи воспоминаний от старожилов-земляков в 1948 году [3: 264] (они составили Приложение) позволили воссоздать биографию Федосовой, установить связь ее причитаний со всем укладом севернорусской деревни, исследовать художественный мир причитаний с его особенностями поэтического языка – метафорической системой, которая состоит в замене табуированных терминов родства и лексики, связанной со смертью. Выделение и исследование Чистовым метафорических замен оказало прямое воздействие на исследователя карельских причитаний А. С. Степанову [10: 70–150]. Позже последовали многочисленные статьи и доклады на научных конференциях, сессиях, съездах, симпозиумах. Большое место в научной деятельности Чистова занимала подготовка изданий текстов Федосовой, среди которых «Причитания» в большой серии «Библиотека поэта»⁵, «Русская обрядовая поэзия»⁶, одушевленный особым чувством очерк о Федосовой в книге «Русские сказители Карелии» [14: 110–178]. В 1981 году вышел том избранного Федосовой [16], включающий в себя не только причитания, но и тексты мало доступных публикаций других жанров: былины «Добрыня и Алеша», «Чурилушка Пленкович»⁷ (№ 34, 35), духовный стих «Егорий Храбрый»⁸ (№ 36) (недавно вышло в свет подготовленное В. П. Кузнецовой издание духовных стихов Русского Севера, которое содержит все тексты духовных стихов, записанных от Федосовой [3: № 216–226]), баллады [16: № 37–39], рекрутские, свадебные и лирические необрядовые песни [16: № 4–64], пословицы и поговорки⁹ (№ 65), искрометный «Рассказ о себе» – первая в истории русской фольклористики биография исполнителя, записанная с его слов Барсовым¹⁰ (№ 66). Этот сборник с названием на обложке и титульном листе «И. А. Федосова. Избранное» и предваренный статьей Чистова «Народная поэтесса» издан так, как издаются обычно книги профессиональных авторов. Поэтому вернусь к уже оговоренной коннотации понятия «народная поэтесса» применительно к Федосовой. В причитаниях, как уже говорилось, специфическом жанре семейно-обрядовой поэзии, который выделяется импровизационностью, «личное начало»

является преобладающим качеством. В случае с Федосовой богатство воображения, оригинальность и глубина поэтического мышления, сила выраженного чувства, эмоциональный накал позволяют говорить о творческой индивидуальности Федосовой и назвать ее народной поэтессой. И к этой проблеме Чистов возвращается во второй специальной монографии «Ирина Андреевна Федосова», развивая и углубляя проблему биографии, соотношения коллективного и индивидуального начал в исполнительском творчестве, полемизируя [1], обосновывая и аргументируя, почему «творчество Федосовой – явление фольклорное» [16: 76], значительно расширяя проблему значения Федосовой и ее влияния на русскую культуру. Рассмотрение творчества Федосовой в широком историко-культурном контексте позволяет говорить о приоритете Чистова «в разработке таких важных проблем Русского Севера, как явление “вторичной архаики” и выделения Русского Севера как “зоны особой развитости причитаний”, локальной вариативности и культурных традиций» [4: 11]. В том, что это так, я, как и мои коллеги-фольклористы, убеждались в своих экспедиционных поездках по Карелии в 1970–1980-е годы, делая многочисленные записи причитаний. Документально это подтверждает анализ этапов формирования русского фонда рукописного фольклорного архива Карельского научного центра и предлагаемая таблица динамики поступлений материалов по жанрам и периодам. Так вот она свидетельствует: записи причитаний: в 1957–1970-е годы – 146 текстов, 1971–1980-е годы – 295 причитаний [9].

Обращение к творчеству Федосовой неизменно сопутствовало постоянному постижению Чистовым многочисленных теоретических проблем фольклористики, упоминание ее имени присутствует в трудах, разных по проблематике. Это отражает: не только книга очерков теории «Народные традиции и фольклор» [15], но и уникальная монография «Русские социально-утопические легенды XVII–XIX вв.» (докторская диссертация), названная В. Я. Проппом «выдающимся достижением исторической науки и фольклористики» [13], ее продолжение и новое проникновение в глубины народной психологии и народного утопизма – монография «Русская народная утопия» [17], высоко оцененная другим не менее авторитетным рецензентом Д. С. Лихачевым.

Все это предшествовало совершенно особому этапу в изучении причитаний и творчества Ирины Федосовой – многолетней и поистине титанической работе К. В. Чистова (в соавторстве с Б. Е. Чистовой) над вторым изданием «Причитаний Северного края, собранных Е. В. Барсовым»¹¹.

Уместно заметить, что из всех классических фольклорных сборников («Народные русские сказки» А. Н. Афанасьева, «Песни...» П. В. Киреевского, «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым»,

«Онежские былины» А. Ф. Гильфердинга, «Пословицы русского народа» В. И. Даля) «Причитанья Северного края» – единственное собрание, которое ни разу не переиздавалось. И вот теперь благодаря К. В. Чистову это собрание «золотого века» русской фольклористики обрело новую жизнь в двух томах.

Характеризуя научную ценность второго издания «Причитаний...», остановлюсь прежде всего на *корпусе текстов*. Создатели нового издания выполнили задачу полного воспроизведения текстов причитаний, записанных от И. А. Федосовой и других исполнительниц.

Первый том нового издания (он имеет подзаголовок «Похоронные причитания») воссоздает то, что содержалось в I томе первого издания 1872 года: 22 текста причитаний, Введение Е. В. Барсова, две его статьи «Погребальные обычаи на Севере России» и «Сведения о воплициях, от которых записаны причитания». Вместе с тем он существенно расширен. Введен раздел «Дополнения». В него вошли статья Е. В. Барсова «О записях и изданиях «Причитаний Северного края»», «О личном творчестве Ирины Федосовой и хоре ее подголосниц», «Письмо И. А. Федосовой Е. В. Барсову». Реконструированы опущенные в первом издании «новгородские строки» «Плача о старосте» (№ 120–171), атрибутирование и научное обоснование которых – предмет самостоятельного исследования К. В. Чистова, лапидарно изложенного в комментарии к тексту и статье I тома, о которой пойдет речь особо.

Текстовый корпус II тома нового издания объединяет два тома первого издания (1882 и 1885 годов), он имеет подзаголовок «Рекрутские и солдатские причитания. Свадебные причитания». Первая часть второго тома полностью воспроизводит содержание II тома первого издания. А вторая его часть – то, что должно было стать III томом Барсова («Плачи свадебные, гостибные, баенные и предвечные»), но никогда отдельным изданием не выходило, а в незавершенном виде было издано в составе малотиражных номеров журнала «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете» (1885. Вып. 3–4) в разделе «Материалы историко-литературные».

В таком цельном и законченном составе «Свадебные причитания» оказались представленными впервые. И теперь свадебные причитания II тома нового издания – это не имеющий аналогов в русской и европейской фольклористике свод севернорусских свадебных причитаний в их обрядовой последовательности заонежско-пудожской типовой схемы. Их дополняет и комментирует статья Е. В. Барсова «Свадебный обряд в Заонежье» и публикация шести свадебных песен.

Чрезвычайно ценно включение в новое издание причитаний И. А. Федосовой в записях О. Х. Агреновой-Славянской, сделанных собирательницей спустя 20 лет после Барсова (1886–1888). Среди 9 текстов, записанных Агреновой-Славянской, нет

ни одного идентичного тексту в записи Барсова. При всех справедливых и неоднократно отмеченных недостатках записей Агреновой-Славянской их публикация важна не только тем, что дополняет репертуар Федосовой, но тем, что имеет непосредственное отношение к проблемам «личного начала» в сказительстве, роли импровизации в причитаниях как специфическом жанре фольклора.

Воссоздание корпуса текстов в новом издании «Причитаний...» неотделимо от текстологического редактирования, нередко перераставшего в «текстологическую экспертизу», которые осуществлялись в разных направлениях и предшествовали каждой из публикаций причитаний в ранее упомянутых изданиях: это и устранение искажений, ошибок, отточий, отдельных поправок, замена устаревших норм орфографии и пунктуации современными, корректировка названий (так, только два причитания Ирины Федосовой – № 1 «Плач по холостом рекруте» и № 6 «Плач по рекруте женатом» – имели названия, перед остальными указывалось лишь имя исполнительницы и не называлось, кого она оплакивает, по какому поводу), уточнения в ремарках внутри текстов. Но совершенно особое место и ценность приобретает в новом издании «Причитаний...» текстологический комментарий, истолкование и прочтение *каждой строки* фольклорного текста и статей Е. В. Барсова. Записанные в основном на заонежском диалекте в его архаических и бытовых вариантах тексты получают детализированное, многоплановое объяснение. Комментарии: лингвистический, исторический, этнографический, мифологический, юридический, экономический, социологический, культурологический, поэтический, литературоведческий – репрезентируют самостоятельно и в синтезе, когда это диктуется необходимостью. Нередко комментарий к двум-трем строкам превращается в самостоятельное небольшое исследование со многими параллелями и обязательными библиографическими ссылками (напр., Т. I. С. 340, 341, 344, 351 и др.). Комментируются события из истории крестьянства, сведения о реформе государственных крестьян, факты и события микроистории Заонежья, отношения внутри крестьянской общины и крестьянской семьи. Выделяется и комментируется каждый традиционный мотив причитаний, приводится аналогичный вариант в других плачах Ирины Федосовой и параллели из записей других исполнительниц XIX–XX веков. Мотивный анализ соотнесен с Указателем мотивов Е. Mahler Die russische Totenklage (Leipzig, 1936) и перечнем – характеристикой мотивов Г. С. Виноградова в книге «Русские плачи Карелии»¹² (С. 4–20). Устанавливаются мотивы, сходные с мотивами былин, баллад, сказок, заговоров, исторических и лирических песен. Все это подтверждается цитируемыми текстами. Определяются и комментируются случаи использования

пословиц (в основном по В. И. Далю) в поэтике причитаний. Тщательно и скрупулезно (со всеми параллелями) выявлены реминисценции из причитаний Федосовой в произведениях Н. А. Некрасова, П. И. Мельникова-Печерского. Названы многочисленные фольклорные параллели на уровне цитат, реминисценций, стилизованных пассажей, адаптированных слов.

Непосредственным продолжением текстологического комментария является статья К. В. Чистова «Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым в истории русской культуры» в конце I тома. Фактически это третья монография Чистова о Федосовой. Она вобрала в себя новые архивные материалы, факты, документы, интерпретируемые в свете актуальной для современной фольклористики проблемы «сказитель и личное начало». Статья-послесловие в I томе в совокупности с текстологическим комментарием, всем научно-вспомогательным аппаратом издания – по существу, новое комплексное исследование творчества Федосовой и причитаний, их роли для понимания менталитета крестьянства; исследование по истории, быту, народной культуре Заонежья. Широкий спектр востребованной составителями литературы, обращения и отсылки к многочисленным отечественным и зарубежным источникам, в том числе самым новым, библиографическая оснащенность чрезвычайно важны для будущих исследователей причитаний и творчества Ирины Федосовой, перед которыми ставятся новые задачи и проблемы.

Справедливости ради следует сказать, что в настоящее время ни один из упомянутых классических фольклорных сборников XIX века не имеет такого многопланового, комплексного, тщательного и глубокого комментария, как новое издание «Причитаний...» Барсова.

Второе издание «Причитаний...» – это и «возвращение» одного из крупнейших в мировой науке собраний фольклорных текстов, и новое «возвращение» Ирины Федосовой, которая, как никто, выразила самосознание русской женщины-крестьянки второй половины XIX века, устами которой заговорила в русской народной поэзии женщина. И в этом смысле она предтеча великих поэтесс, устами которых заговорило горе в XX веке, – прежде всего это «Музы плача» Анна Ахматова [5], [6], [7] и Марина Цветаева, поэтесса менее известная, но большого таланта – Мария Петровых [8].

Велико значение трудов К. В. Чистова для нашей гуманитарной науки, немаловажны его заслуги в осознании общественностью места и роли великой Федосовой в истории русской и мировой культуры, ее влияния на литературу и искусство XIX–XX веков. К. В. Чистов был одним из тех, кто содействовал увековечиванию памяти Федосовой: установлению памятника на ее могиле в родном селе Кузаранда, мемориальной доски на здании бывшей Мариинской женской гимназии по улице Кирова в Петрозаводске, присвоению ее имени одной из улиц города (имя Федосовой присвоено сельской библиотеке Кузаранды, районной библиотеке Медвежьегорска). Убеждена: в Петрозаводске на улице, где жила Федосова, где ее записывал Е. В. Барсов, должен быть памятник.

«В ней вся моя жизнь», – сказал К. В. Чистов 22 сентября 1998 года в Карельском научном центре на презентации нового издания «Причитаний Северного края, собранных Е. В. Барсовым»¹³ – завершающего труда о Федосовой. Поистине «пожизненность задачи, врастающей в заветы дней» (Пастернак) выдающегося ученого, 100-летие которого совсем скоро.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Олонецкие губернские ведомости. 1867. № 11–14, 16 (8 марта – 22 апреля).

² Федосова И. А. Избранное / Сост., вступ. ст. и коммент. К. В. Чистова; Подгот. текста Б. Е. Чистовой, К. В. Чистова. Петрозаводск: Карелия, 1981. 303 с.

³ Там же.

⁴ Былины Пудожского края / Подгот. текстов, статьи и примеч. Г. Н. Париловой и А. Д. Соймонова; Предисл. и ред. А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1941. № 17–30.

⁵ Причитания / Подгот. к печати К. В. Чистова и Б. Е. Чистовой; Вступит. ст. К. В. Чистова. Л.: Сов. писатель, 1960. 434 с.

⁶ Русская народная поэзия. Обрядовая поэзия / Сост. и подгот. текста К. Чистова и Б. Чистовой. Л.: Худож. лит., 1984. 528 с.

⁷ Федосова И. А. Избранное / Сост., вступ. ст. и коммент. К. В. Чистова; Подгот. текста Б. Е. Чистовой, К. В. Чистова. Петрозаводск: Карелия, 1981. 303 с.

⁸ Федосова И. А. Избранное / Сост., вступ. ст. и коммент. К. В. Чистова; Подгот. текста Б. Е. Чистовой, К. В. Чистова. Петрозаводск: Карелия, 1981. 303 с.

⁹ Духовные стихи Русского Севера / Сост. В. П. Кузнецова; Сост. нот. прилож. Г. В. Лобкова, М. Н. Шейченко. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2016. № 216–226.

¹⁰ Федосова И. А. Избранное / Сост., вступ. ст. и коммент. К. В. Чистова; Подгот. текста Б. Е. Чистовой, К. В. Чистова. Петрозаводск: Карелия, 1981. 303 с.

¹¹ Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым: В 2 т. Т. 1. Похоронные причитания. Ст. ««Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым» в истории русской культуры». 498 с.; Т. 2. Рекрутские и солдатские причитания. Свадебные причитания. 655 с. / Изд. подгот. Б. Е. Чистова, К. В. Чистов; Отв. ред. А. М. Астахова. СПб., 1997.

¹² Русские плачи Карелии / Подгот. текстов и примеч. М. М. Михайлова; Статьи Г. С. Виноградова и М. М. Михайлова; Под ред. М. К. Азадовского. Петрозаводск, 1940. 321 с.

¹³ Лицей. 1999. № 11. С. 11.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Базанов В. Ирина Федосова. Обряд и поэзия // Базанов В. Поэзия русского Севера. Карельские статьи и очерки. Петрозаводск, 1981. С. 129–230.

2. Ирина Андреевна Федосова: Биобиблиографический указатель / Сост. Н. А. Прушинская; Ин-т языка, литературы и истории КНЦ РАН; Музей-заповедник «Кижи»; Заонежское землячество. Петрозаводск, 1997. 34 с.
3. Исполнители фольклорных произведений (Заонежье, Карелия) / Изд. подгот. Т. С. Курец. Петрозаводск, 2008. 371 с.
4. Кирилл Васильевич Чистов: Материалы к биобиблиографии ученых / Сост. Л. А. Калашникова, М. Я. Мельц; Авт. вступит. ст. Т. А. Бернштам, Е. М. Мелетинский. М., 1995. 79 с.
5. Лойтер С. М. Музы скорби: Ирина Федосова и Анна Ахматова // Север. 2001. № 4–5–6. С. 204–216.
6. Лойтер С. М. «Я плакальщиц стаю веду за собой...»: Традиция плача в поэзии А. Ахматовой // Кормановские чтения: Материалы междунар. науч. конф. «Текст-2002». Ижевск, 2002. Вып. 4. С. 256–265.
7. Лойтер С. М. «Я всех оплакала...» (еще об одном зеркале Анны Ахматовой) // *Natales grate numeras?: Сб. ст. к 60-летию Георгия Ахилловича Левинтона*. СПб., 2008 (Studia Ethnologica. Вып. 6). С. 342–350.
8. Лойтер С. М. Заметки о Марии Петровых // *Мария: Литературный альманах* / Сост. Г. Г. Скворцова. Петрозаводск, 1995. Вып. 2. С. 226–240.
9. Марковская Е. В. Основные этапы формирования русского фонда рукописного фольклорного архива ИЯЛИ // *Историко-культурный ландшафт Северо-Запада – 3. Шестые Шегреневские чтения*: Сб. ст. СПб., 2014. С. 45–51.
10. Степанова А. С. Карельские плачи. Специфика жанра. Избранные статьи. Петрозаводск, 2003. 214 с.
11. Фольклор и этнография: К 90-летию со дня рождения К. В. Чистова: Сб. науч. ст. / Отв. ред. А. К. Байбурун, Т. Б. Щепанская. СПб., 2011. 312 с.
12. Чистов К. В. Народная поэтесса И. А. Федосова. Очерк жизни и творчества. Петрозаводск, 1955. 376 с.
13. Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М., 1967. 340 с.
14. Чистов К. В. Русские сказители Карелии: Очерки и воспоминания. Петрозаводск, 1980. 256 с.
15. Чистов К. В. Народные традиции и фольклор: Очерки теории. Л., 1986. 303 с.
16. Чистов К. В. Ирина Андреевна Федосова: Историко-культурный очерк. Петрозаводск, 1988. 334 с.
17. Чистов К. В. Русская народная утопия (Генезис и функции социально-утопических легенд). СПб., 2003. 539 с.
18. Чистов К. В. «Забывать и стыдиться нечего». СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2006. 240 с.

Loyter S. M., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

K. V. CHISTOV'S RESEARCH ON FOLKLORE POETRY OF IRINA FEDOSOVA

The article is concerned with K. V. Chistov's research dealing with the works written by Irina Fedosova, a folk poetess and a famous narratress of folk tales. K. V. Chistov is known as an outstanding folklore specialist (1919–2007). In his study of folklore, the researcher paid special attention to the final work written by Irina Fedosova – a new second edition of “Lamentations of the Northern region compiled by E. V. Barsov”.

Key words: narratress of folk tales, folk poetess, lamentations, improvisation, “personal beginning”, second edition

REFERENCES

1. Bazanov V. Irina Fedosova. National ceremonies and poetry [Irina Fedosova. Obryad i poeziya]. *Bazanov V. Poeziya russkogo Severa. Karelskie stat'i i ocherki*. Petrozavodsk, 1981. P. 129–230.
2. *Irina Andreevna Fedosova: Biobibliograficheskiy ukazatel'* [Irina Andreevna Fedosova: Bibliographical directory]. Comp. N. A. Prushinskaya. Petrozavodsk, 1997. 34 p.
3. *Ispolniteli fol'klornykh proizvedeniy (Zaonezh'e, Kareliya)* [Performers of folklore arts]. Izd. podgot. T. S. Kurets. Petrozavodsk, 2008. 371 p.
4. *Kirill Vasil'evich Chistov: Materialy k biobibliografii uchennykh* [Materials for students' bibliography]. Comp. L. A. Kalashnikova, M. Ya. Mel'ts; Avt. vstupil. st. T. A. Bernshtam, E. M. Meletinskiy. Moscow, 1995. 79 p.
5. Loyter S. M. Muses of grief: Irina Fedosova and Anna Akhmatova [Muzy skorbi: Irina Fedosova i Anna Akhmatova]. *Sever*. 2001. № 4–5–6. P. 204–216.
6. Loyter S. M. I lead a group of wailers... [“Ya plakal'shchits stayu vedu za soboy...”: Traditsiya placha v poezii A. Akhmatovoy]. *Kormanovskie chteniya: Materialy mezhdnar. nauch. konf. “Tekst-2002”*. Izhevsk, 2002. Issue 4. P. 256–265.
7. Loyter S. M. I have lamented everything... [“Ya vsekh oplakala...” (eshche ob odnom zerkale Anny Akhmatovoy)]. *Natales grate numeras?: Sb. st. k 60-letiyu Georgiya Akhillovicha Levintona*. St. Petersburg, 2008. P. 342–350.
8. Loyter S. M. Notes on Maria Petrova [Zametki o Marii Petrovykh]. *Mariya: Literaturnyy al'manakh* / Comp. G. G. Skvortsova. Petrozavodsk, 1995. Issue 2. P. 226–240.
9. Markovskaya E. V. The main stages of the Russian fund of handwritten folklore archive development [Osnovnye etapy formirovaniya russkogo fonda rukopisnogo fol'klornogo arkhiva IYaLI]. *Istoriko-kul'turnyy landshaft Severo-Zapada – 3. Shestyte Shegrenevskie chteniya: Sb. st.* St. Petersburg, 2014. P. 45–51.
10. Stepanova A. S. *Karelskie plachi. Spetsifika zhanra. Izbrannyye stat'i* [Karelian lamentations, Genre's characteristic features]. Petrozavodsk, 2003. 214 p.
11. *Fol'klor i etnografiya: K 90-letiyu so dnya rozhdeniya K. V. Chistova: Sb. nauch. st.* [Folklore and ethnography: to the 90th birthday anniversary of K. V. Chistov]. Otв. red. A. K. Bayburin, T. B. Shchepanskaya. St. Petersburg, 2011. 312 p.
12. Chistov K. V. *Narodnaya poetessa I. A. Fedosova. Ocherk zhizni i tvorchestva* [Folk poetess I. A. Fedosova. Essays about life and work]. Petrozavodsk, 1955. 376 p.
13. Chistov K. V. *Russkie narodnye sotsial'no-utopicheskie legendy XVII–XIX vv.* [Russian folk, social and utopic legends of the XVII–XIX centuries]. Moscow, 1967. 340 p.
14. Chistov K. V. *Russkie skaziteli Karelii: Ocherki i vospominaniya* [Russian narrators of folk tales of Karelia: Essays and memoirs]. Petrozavodsk, 1980. 256 p.
15. Chistov K. V. *Narodnye traditsii i fol'klor: Ocherki teorii* [Folk traditions in folklore: essays on theory]. Leningrad, 1986. 303 p.
16. Chistov K. V. *Irina Andreevna Fedosova: Istoriko-kul'turnyy ocherk* [Irina Andreevna Fedosova: a historical-cultural essay]. Petrozavodsk, 1988. 334 p.
17. Chistov K. V. *Russkaya narodnaya utopiya (Genезis i funktsii sotsial'no-utopicheskikh legend)* [Russian folk utopia (Genesis and functions of the social-utopian legend)]. St. Petersburg, 2003. 539 p.
18. Chistov K. V. *“Zabyvat' i stydit'sya nechego”* [There is nothing to forget or to be ashamed of]. St. Petersburg, 2006. 240 p.

Поступила в редакцию 10.01.2017

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА ЗМЕЕВА

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Центра гуманитарных проблем Баренц региона, Кольский
научный центр РАН (Апатиты, Российская Федерация)
zmejeva@rambler.ru

ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА РАЗУМОВА

доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Центра гуманитарных проблем Баренц региона, Кольский
научный центр РАН (Апатиты, Российская Федерация)
irinarazumova@yandex.ru

СААМСКОЕ ПРЕДАНИЕ КАК «ИСТОЧНИК» ПО ИСТОРИИ БОРЬБЫ С ЛАВИНАМИ В ХИБИНАХ*

Статья посвящена проблеме взаимодействия фольклорных и литературных источников в процессе конструирования истории освоения северной территории. Проблема рассматривается на материале текстов мемуарно-биографической, очерковой, краеведческой и специальной литературы, которая так или иначе обращена к истории борьбы с лавинами и к деятельности по обеспечению безопасности в районе Хибин. В отсутствие постоянного старожильского населения и систематических наблюдений обращение к знаниям коренных жителей оставалось единственным средством получить информацию о снежных потоках. В массиве литературных источников в качестве прецедентного используется текст саамского исторического предания о борьбе с внешними врагами. Использование фольклорного сюжета помогает сконструировать историю места и определить в ней миссию «покорителей природы». То же предание на сайтах сети Интернет используется в иных функциях и наделяется другими значениями. Анализ текстов способствует прояснению механизма освоения и пересемантизации фольклорного источника книжной и медийной культурами.

Ключевые слова: литература, фольклор, предание, источник, саамы, лавины, освоение Севера

Рассуждения специалистов-гляциологов, географов, историков-краеведов о лавинной опасности в Хибинах часто начинаются с изложения фольклорного сюжета о противостоянии коренного народа Кольского полуострова саами врагам-пришельцам. Авторы приводят текст предания, кратко или подробно пересказывая его, а в ряде случаев отсылают к записям В. Ю. Визе. Речь идет о фольклорно-этнографических материалах, собранных в 1912 году на Кольском полуострове известным впоследствии полярным исследователем. Записи были сделаны «со слов имандрских и пулозерских лопарей» и опубликованы в 1917 году в «Известиях Архангельского общества изучения Русского Севера» [8: 15–24]. Во всех рассмотренных нами литературных текстах приводятся варианты «Сказания о нашествии “немцев” и о том, как лопари хитростью избавились от них (второй нагон)», записанного В. Ю. Визе от Аграфены Архиповой и атрибутированного: «Имандра, 3/VI – 1912» [8: 20–21]. Авторы специальной, мемуарно-биографической и историко-краеведческой, литературы упоминают имя собирателя и даже время записи исходного текста (1912 год). Однако, несмотря на то что большей частью публикации претендуют на документальность и историческую достоверность, источник фактически нигде не обозначен. Это свойство отличает «краеведческую» литературу от научно-исторической. Писатели и мемуаристы вольны обращаться с текстами по своему усмо-

трению, а что касается специалистов в других областях знания, их научным дисциплинам понятие исторического источника нерелевантно. В единственном случае автор интересных и познавательных мемуаров об истории борьбы с лавинами в Хибинах [3] попытался сослаться на исходную публикацию, но ограничился указанием на несуществующую книгу В. Ю. Визе «Легенды о лопарях». Опираясь на известные исторические знания и представления (вряд ли только собственные), Ю. Л. Зюзин даже связал содержание данного предания с определенными временем и местом и воспроизвел вариант топонимического предания: «Место, где в конце XVI века погибли захватчики, екостровские саамы называли “Ущельем мертвых” или по-лопарски – Юмекорр. Это ущелье находится в западной части Хибин» [3: 6]. Этот частный случай показывает закономерное бытование и восприятие фольклора как совокупности текстов, которые принадлежат всем и никому в отдельности. Фольклорный текст имеет собирателя, публикатора, но не имеет автора, а потому вполне допускает свободное с ним обращение и порождает новые тексты.

Авторы используют сюжет в качестве одного из доказательств лавинной активности в Хибинах, то есть в данном случае имеет значение исключительно территория, на которой он был зафиксирован и о которой идет речь. Как известно, устные предания становились основой раннеисторических текстов, когда их достоверность не

подвергалась сомнению носителями культуры, в частности летописцами. Маловероятно, чтобы современные литераторы не видели различий между документальным и фольклорным источником. Но, во-первых, будучи когда-то и кем-то опубликованным, текст уже приобретает свойства документа, во-вторых, в целостном повествовании он используется не только в качестве исторического доказательства. «Сказание о нашествии “немцев”» прозаик Г. А. Горышин называет «единственным письменным “документом” о лавинах» [2: 162]. Слово «документ» он естественным образом заключает в кавычки. Такое же отношение к фольклорному источнику подтверждают устные высказывания т. Семерова, одного из участников «Заседания комиссии по принятию мер против снежных обвалов», которое проходило 17 декабря 1935 года: «Я интересовался снежными обвалами в Хиби́нах, потому что наблюдал их. После обвала, который произо-

шел с Айкуайвентчорра и который поразил меня, я стал искать литературу, но не нашел ничего, кроме записи лопарских преданий, сделанных Визе в 1912 году»¹.

Признавая и принимая фольклорную природу исходного рассказа, авторы называют его «преданием», «легендой», «сказанием», «сказкой». Сам факт, что это фольклорное произведение, и тем более его жанр большого значения не имеют. В конце концов, обладающий интересным сюжетом (без чего просто не сохранился бы) фольклорный рассказ украшает и разнообразит любое историческое повествование, географическое описание, биографию или документальный очерк, то есть он служит литературным целям. Разумеется, эти цели важнее для журналистов и краеведов, чем для физиков снега и технических специалистов.

Приведем исходный текст предания в записи Визе и два его варианта:

«Сказание о нашествии “немцев” и о том, как лопари хитростью избавились от них (второй нагон)» [8: 20–21]	Саамское «Сказание о нашествии немцев» ²	Саамское «Сказание о нашествии немцев» [2: 162–163]
<p>«Шли немцы нагоном грабить и убивать лопарей. Лопари убежали в Хибины³ (Umptek), на очень крутую пахту около Yimjegor'a⁴.</p> <p>Когда лопари пустились в бегство, оставалась в погосте лишь одна старушонка, которая и стала просить лопарей: “Не оставьте меня, возьмите с собой!” Лопари ее взяли, не бросили. Ничего старушка не захватила с собой, только осоку⁵, скрученную в жгуты. “Куда осоку то берешь?” спросили ее лопари, старуха же только ответила: “пригодится”.</p> <p>На крутом склоне той пахты, куда бежали лопари, снегу было очень много, на самом же верху пахты он сильно нависал. Зная опасность, с какой связан подъем по этой крутизне, лопари взобрались на пахту не прямым, а обходным путем. Когда они добрались до вершины пахты, старуха начала бросать вниз на крутой покрытый снегом склон осоку.</p> <p>Вскоре стали показываться и немцы. Подойдя к пахте, они увидели наверху народ, на склоне же заметили разбросанную осоку и, решив, что лопари поднялись с этой стороны, начали вставать⁶.</p> <p>Труден был подъем по оледенелому твердому снегу, стал топором ступеньки в снегу рубить. Тут внезапно снег обвалился и всех засыпал, похоронил.</p> <p>“Мой свекор на том месте нашел немецкую пуговицу”, закончила рассказчица⁷.</p>	<p>«Шли немцы грабить и убивать лопарей. Лопари убежали в Хибины, на очень крутую пахту⁸ Юлевчорра⁹.</p> <p>Когда лопари пустились в бегство, оставалась в погосте лишь одна старушка, которая и стала просить лопарей: “Не оставьте меня, возьмите с собой!” Лопари ее взяли, не бросили. Ничего старушка не захватила с собой, только осоку, скрученную в жгуты. “Куда осоку-то берешь?” – спросили ее лопари. Старушка же только ответила: “Пригодится”.</p> <p>На крутом склоне той пахты, куда бежали лопари, снегу было очень много, на самом же верху пахты он сильно нависал. Зная опасность, с какой связан подъем на этой крутизне, лопари взобрались на пахту не прямым, а обходным путем. Когда они добрались до вершины пахты, старушка начала бросать вниз на крутой, покрытый снегом склон осоку.</p> <p>Вскоре стали показываться и немцы. Подойдя к пахте, они увидели наверху народ, на склоне же заметили разбросанную осоку и, решив, что лопари поднялись с этой стороны, начали вставать¹⁰.</p> <p>Труден был подъем по оледенелому твердому снегу, стали топором ступеньки в снегу рубить. Тут внезапно снег обвалился и всех засыпал, похоронил».</p>	<p>«...Шли немцы грабить и убивать лопарей. Лопари убежали в Хибины на очень крутую пахту¹¹ Юловчорра. Когда лопари пустились в бегство, оставалась в погосте лишь одна старушка, которая и стала просить лопарей: “Не оставьте меня, возьмите с собой”. Лопари ее взяли, не бросили. Ничего старушка не захватила с собой, только осоку, скрученную в жгуты. “Куда осоку-то берешь?” – спросили ее лопари. Старушка же только ответила: “Пригодится”.</p> <p>На крутом склоне, куда бежали лопари, снегу было очень много, на самом же верху пахты он сильно нависал. Идти прямо опасно было, и лопари забрались на пахту обходным путем. Когда они вззошли на вершину, старушка начала бросать вниз на крутой, покрытый снегом склон, осоку.</p> <p>Вскоре стали показываться и немцы. Подойдя к пахте, они увидели наверху народ, на склоне же заметили разбросанную осоку.</p> <p>Приняв ее за следы поднявшихся лопарей, начали немцы рубить в оледенелом лесу ступеньки и лезть по пахте наверх. Тут снег обвалился и всех засыпал, похоронил».</p>

Фактически это три литературных текста. Собиратель В. Ю. Визе пересказал предание в соответствии с литературными нормами русского языка, взяв в кавычки только последнюю фразу исполнительницы. Это не точная передача фольклорного произведения. Научные нормы запи-

си и публикации устной речи к началу XX века были уже выработаны фольклористами, но по разным причинам они далеко не всегда соблюдались. Собиратель уточнил топонимы, передав их латиницей, указал в примечаниях местонахождение объектов, пояснил один севернорусский

диалектизм, а также сделал одно примечание этнографического характера, касающееся саамской обуви и объясняющее важную для сюжета реалию. Заметим, что диалектное «нагон» (здесь: в значении «набег» или «натиск», «нагоном нагнать – пригнать кого-л. в большом количестве» [7: 423]), отсутствующее в словаре В. И. Даля, собиратель не пояснил.

Текст Визе спустя полвека дословно воспроизвел И. К. Зеленой – первый руководитель противолавинной службы в Хибинах. Предание включено в его неопубликованную рукопись, в которой обобщен опыт начального этапа борьбы с лавинами (см. примеч. 2). В этом варианте предания есть дополнительное пояснение к диалектному «пахта», исключены латинские обозначения топонимов, которые теперь передаются по-русски, вместо названия ущелья (Yimjegorr) приводится название горы (Юлевчорр). Пока трудно сказать, использовал автор публикацию Визе, или источником для него служил какой-то другой текст. Это касается и остальных вариантов, цепочку которых можно восстановить только на основе выявления всех републикаций и печатных пересказов сюжета. В варианте писателя Г. А. Горышина текст подвергся некоторому литературному вмешательству, стиль в нескольких местах стал легче для восприятия. Обратим внимание на то, что в вариантах Зеленого и Горышина из оригинала убрана заключительная фраза о «немецкой пуговице». Она содержала мотив, важный для фольклорного сюжета, но не имеющий значения с точки зрения той функции, которую предание выполняет в истории борьбы с лавинами.

Главное, что сделало рассказ, записанный в начале XX века, прецедентным текстом, – это, в первую очередь, смысл, который был нужен пишущим, но совершенно отсутствовал в фольклорном источнике: утверждение лавинопасности Хибинских гор как природного объекта. Все рассмотренные нами сочинения (кроме самой публикации Визе) имеют определенную прагматику и, соответственно, идею. Они призваны доказать жизненную необходимость изучения движения снега в Хибинах и значение противолавинной деятельности. История этой деятельности предстает как преодоление людьми, осваивающими Север, разного рода препятствий, что и составляет внутренний стержень нарративов, какие бы конкретные задачи они ни выполняли и в рамках каких жанров, уже литературных, ни были написаны. Одновременно утверждаются социальные ценности: прославляется самоотверженный труд во имя безопасности человека и производства, а также его результаты. В конце концов, история должна иметь «предысторию», и она находится в квазиисторическом прошлом.

Обращение специалистов по физике снега, мемуаристов, биографов, очеркистов, которые

совместно создают историю борьбы с лавинами в Хибинах, к единственному имеющемуся преданию вызвано несколькими обстоятельствами. В отсутствие в Хибинах постоянного старожильского населения и, как следствие, систематических наблюдений и достоверных данных о лавинной опасности обращение к знаниям коренных жителей оставалось единственным средством получить хоть какую-то информацию о снежных потоках. «Что и говорить, небогатый арсенал знаний имелся в распоряжении хибинских новоселов для защиты от стихии», – пишет В. М. Смирнов, мемуарист и биограф В. Н. Аккуратова – одного из руководителей противолавинной службы [13: 7]. Специалисты вынуждены были ориентироваться на сведения, полученные от аборигенного населения. Будучи во власти устойчивых представлений о том, что фольклор аккумулирует «знания и опыт народа», они интерпретировали и использовали устный источник. Утверждение «сказка – ложь, да в ней намек» позволяет истолковывать себя не только в этическом или «философском», но и в натуралистическом смысле. Ссылаясь все на то же саамское предание, В. М. Смирнов подчеркивает: «Сказка – сказкой, но верно в ней подмечена и сокрушительная сила лавин, и одна из причин их образования – обрушение карнизов на заснеженные склоны» [13: 6].

Использование фольклорного сюжета помогает сконструировать историю места и определить в ней свою миссию. Если для людей, пришедших осваивать Север, сход лавины является событием, происшествием, то для местных жителей он представляется одним из условий существования, к которому аборигены вполне адаптировались. Один из смыслов «Сказания...» для автора книги о снеге и снежных обвалах заключается в том, что саамы знакомы со снежной опасностью с «незапамятных времен» [1: 49]. В повествованиях путешественников XIX – начала XX века факты происшествий, в том числе связанных со снежными обрушениями, практически отсутствовали. Хибинские горы описывались как географический объект, жизнь саамов – в виде совокупности рутинных практик. Предание о нашествии немцев выполнило функции предыстории не только цивилизации, но и движения снега в Хибинских горах как части глобального процесса. Оно становится свидетельством постоянного, «привычного» лавинных обрушений в прошлом и одновременно знаком «гибельности» места для пребывания людей. Именно такое прошлое и должно быть преодолено усилиями «нового человека».

Снежные обвалы служат предостережением для «покорителей гор», которые убеждены в том, что коренные жители именно по этой причине не использовали Хибинский горный массив для постоянного места пребывания. В описании, выполненном в «эпическом» стиле, создается

красочный романтизированный образ саама: «Бежит по тундре упряжка, быстрее ветра несет ездока, а он подгоняет оленей, поглядывая на горы. Умен житель северных снегов. Он умеет задобрить злых духов Хибин приятными им словами, намекнет о своей храбрости, пригрозит осторожно царем-оленом, который принесет на рогах солнце и оно лишит духов силы, растопив весной снег. Мудр житель северных снегов. Он мало верит в свои заклинания, саами больше надеется на стремительный бег сытых оленей. Сколько раз он видел в ущельях Хибин кладбища диких животных, заживо погребенных под снегом. Видно, неопытный вожак увел стадо навстречу гибели. Опасное место надолго запомнит саами и никогда больше не вернется туда» [1: 49].

Главным стимулом для обращения авторов, которые пишут историю освоения Хибинских гор, лавинных катастроф, анализируют свойства снега и т. д., к конкретному преданию послужило наличие в тексте, во-первых, указаний на географические объекты, во-вторых, мотива гибели людей как последствия снежного обрушения. При этом слова «обвал», «лавины» в устном предании, естественно, не употреблялись, не использовал их и собиратель Визе. В исходном тексте снег «сильно нависал» на верху горного склона. Для установления соответствия авторы прибегли к внешним аналогиям: способ обрушения снега с горы и коллективная смерть врагов в предании очень похожи на сход лавины и ее губительные последствия в реальности. Персонажи предания применили свое, неведомое врагам-чужеземцам знание для того, чтобы погубить пришельцев. Структурно-семантическая основа сюжета сохраняется во всех его литературных вариантах. Рассказ драматизирует историческое прошлое места, но в первую очередь он служит совсем иным целям. Снег в предании является средством спасения людей, он на стороне «своих». Новые «пришельцы» под снегами погибать не должны, и они сделают для этого все возможное. Их персонализированным врагом являются не люди, а горы и порождаемое ими явление – лавины. В пересказах начинает использоваться именно это понятие. Один из самых кратких и четких пересказов принадлежит доктору наук, специалисту в области гляциологии и лавиноведения К. С. Лосеву и включен в его научную монографию: «Здесь еще в 1912 году со слов местных жителей саами было записано предание о том, как чужеземцы напали на них, и они были вынуждены спрятаться на вершине горы, куда поднялись по безопасному склону. Враги же стали подниматься по лавинному склону, на который мудрая старуха-саами набросала сухие стебли осоки, чтобы создать впечатление, что именно здесь саами поднялись на гору. Снег обвалился, и враги погибли в лавине» [6: 9].

По существу в приведенном рассказе изложена схема сюжета предания, перечислены основные его мотивы: нападение врагов, попытка

избавления от них бегством, избавление от врагов хитростью, уничтожение врагов, – в полном соответствии с международной фольклорной традицией и классификацией мотивов преданий о борьбе с внешними врагами. Попытка систематизации мотивов таких преданий (среди прочих) в севернорусском фольклоре была предпринята Н. А. Криничной [4: 288–291]. Разновидности сюжета и отдельные варианты создаются за счет конкретизации мотивов и их комбинаторики: «каждое воспроизведение, как правило, включает элементы, которые отсутствовали в непосредственном источнике, но принадлежат арсеналу жанра (т. е. подмножеству текстов данного типа) или целой традиции» [10: 7]. Реализуя в конкретных текстах прототипические образцы, предание «вносит архаические схемы и мифологизирующие “коррективы” <...> в представления о мирской истории» [5].

Мотивы рассматриваемого саамского предания, растиражированного к настоящему времени в литературных и медийных вариантах, находят аналогии в восточнославянском, прибалтийско-финском, скандинавском фольклоре. Данный сюжет можно соотносить не только с преданиями о борьбе с внешними врагами, но и с преданиями о чуде – мифологическом аборигенном народе, который некогда жил на территориях расселения русского и ряда финно-угорских народов. Цикл преданий о чуде изучен достаточно глубоко, в том числе на севернорусском и норвежском материале [15], [16]. Группа мотивов об исчезновении «чужеродного» населения разнообразна, в том числе включает мотивы самопогребения путем обрушения на себя строения или «ухода в землю» [14].

При всем том мотив гибели антагонистов или чуждых аборигенов собственно под снежным обвалом относится к редким. По крайней мере, в имеющихся публикациях полных соответствий нет. Зато есть варианты, в которых враги погибают под обрушившейся скалой, и, очевидно, эту форму мотива следует считать наиболее близкой варианту Визе. Среди опубликованных текстов преданий о борьбе с иноплеменниками встретились типологически сходные рассказы о «Немецкой щелье» (скале), записанные в 1960-е годы в деревне Вирма Беломорского района Карелии [4: 156–157]. В обоих вариантах бог «свалил скалу» на иноземных захватчиков, в одном случае они именуются шведами, в другом – немцами. С нашим преданием их сближает и мотив «следа», оставленного неприятелем. Если в тексте Визе знаком присутствия немцев оказывается пуговица, якобы найденная родственником рассказчицы, то в русских вариантах из Карелии – оставленный «сапог», на который указывает «дыра» под горой и которым пугают детей.

Как правило, скала или камни с горы обваливаются на врагов в результате действия магической силы, спасительного «чуда» или хитрости воинов, которые заводят противника под камнепад.

Распространенной воинской хитростью является случай «мнимого проводника». В русской истории и культуре его символизирует фигура Ивана Сусанина. Собственно этот мотив и является сюжетообразующим в саамском «Сказании...». Среди текстов Интернета встретился такой вариант, размещенный одним из пользователей сети в 2010 году: «Юмьекорр – “Ущелье мертвых”. И связана с ним легенда. Что де во времена гостомыслы (или иные столь же древние времена) шло шведское войско брать дань с саамов. Но саамы дань платить не хотели. Откочевали они подальше от своих обычных стойбищ. И вызывался меж них саамский Иван Сусанин, и согласился он вести шведов якобы к саамскому лагерю как раз через этот перевал. А его сородичи уже ждали наверху, и обрушили на незадачливые шведские головы обвал из каменных глыб (все, кто был в Хибинах, поймут, насколько это серьезно). И стал перевал братской шведской могилой, и назван поэтому “Юмьекорром”, Ущельем Мертвых. А может, были те иноземцы и не шведы (а к примеру норвежцы или финны)»¹². Текст заслуживает подробного комментария. Пока ограничимся тем, что отметим не только его соответствие кросскультурной фольклорной модели и русскому историческому мифу, но и отсутствие в нем какого-либо упоминания о «лавине», несмотря на то, что воспроизводится тот же сюжет, что у авторов, которые пишут об истории лавин, и связанный с тем же природным объектом. В достоверности сведений о «противнике» саамов пишущий сомневается, не будучи уверенным в своих знаниях, но в любом случае этноним «немцы», уместный для периода, когда так именовали всех иноземцев, уже исключен.

Приведенный текст обнаруживает существенную черту преданий, которая не выражена ни в варианте Визе, ни в поздних литературных компиляциях и перелицовках, но свойственна устной традиции. Речь об этиологической функции фольклорных исторических рассказов, которые в живом бытовании чаще не просто ассоциированы с местом, но объясняют его название, то есть являются топонимическими. В силу этого их можно считать просто предназначенными для экскурсионных, презентационных и туристических программ и сайтов. Текстуально самый близкий «Сказанию...» вариант размещен на сайте, который презентует Кольский полуостров как «реальность» и фольклор (в виде «легенд», «сказок», «историй»). В этом варианте, в отличие от многих других, есть мотив оставленных захватчиками следов пребывания: «Потом на том склоне лопари оружие нашли, да монеты, которые от врагов остались»¹³.

Естественно, что предание о саами, погубивших иноземного неприятеля, часто фигурирует на сетевых сайтах с целью представительства

географического объекта, причем как с упоминанием о «лавине», так и без него: «Ущелье Юмьекорр, или, Яммейкорр, от саамского “яммей” – мертвый (Ущелье Мертвых; название связано с преданием о гибели шведов, напавших на саами в конце XVI века), разделяет массивы Хибин-пахкчорр и Юмьечорр»¹⁴; «Перевал Юмьекорр (“Ущелье мёртвых”, от “яммей” – “мёртвый”). Старое предание гласит, что в конце XVI века на Екостровский погост напали “шветы”. Часть неприятелей саамы заманили в это ущелье и убили. Остальные погибли под лавиной, сошедшей с крутого склона горы»¹⁵ (ср. вариант Ю. Л. Зюзина [3: 6]). К тому же природному объекту в силу его названия привязывается совсем другой сюжет о гибели врагов – известное этиологическое предание о происхождении минерала эвдиалита, именуемого «лопарской кровью», которое воспроизводится, как правило, в версии А. Е. Ферсмана [12: 68]. Так и в варианте, найденном в одном из туристических дневников в Интернете: «Юмьекорр – в переводе с саами (лапландского) это значит – ущелье мертвых. <...> Согласно существующей легенде, в далекие времена воинственные шведы напали на страну саамов, увели оленей, забрали пастбища, убили людей. Лопари смогли прогнать завоевателей. Последний бой состоялся в мрачном ущелье. Тогда погибло много лопарей, и их кровь навечно застыла на камнях алыми каплями. Уникальные минералы с алыми вкраплениями, называемые эвдиалитами (орфография оригинала. – О. З., И. Р.), встречаются только в Хибинах»¹⁶. Необходимость объяснить появление «крови» на камне исключает иной способ победы над врагом, кроме как открытый бой.

Столь же редким, как мотив погребения противника под снегом, является в «Сказании...» мотив ложного следа, по которому направляют врагов. Обыкновенно класть в обувь высушенную осоку, отмеченное собирателем в примечании и проигнорированное остальными авторами, относится к этнографической реальности саами. Такая «частность» легко поддается варьированию, но между тем она запоминается именно в силу своей экзотичности. Эта деталь отсылает еще к одному мотиву военной хитрости: имитации своего присутствия (здесь – направления пути) с провокационной целью. Большей частью этот способ используется, когда нужно имитировать многочисленность или наличие войска. В целом способы, которыми хитрые воины заставляют антагониста вступить на гибельный путь, различаются в зависимости от типа гибели. Например, одним из распространенных является мотив подрубленного льда, когда противника заманивают и топят в реке, озере или болоте. Он типичен для преданий о чуде и не только.

Таким образом, можно проследить, как предание, глубоко укорененное в фольклорной традиции, «присваивается» книжной и медийной

культурами. Процесс этот сложен. С одной стороны, при включении фольклорного текста в поле литературы происходит его формальная стабилизация, которая «приводит к увеличению количества значений подобного текста, к множественности конкурирующих во времени истолкований», тогда как «многовариантное устное произведение, как правило, предполагает одно значение и не требует особых усилий истолкователя для его понимания» [11]. В зависимости от целей, установок, знаний интерпретатора, фольклорный текст, будучи по природе «знаковым», может означать разные вещи, указывать на разные исторические, природные, социальные реалии – по выбору того, кто его использует. В свою очередь, восприятие текста как «фольклорного» способствует свободному

с ним обращению и смыслопорождению. В особенности это касается бытования в сетевых коммуникациях. Возможности выбора ограничены исключительно логикой повествовательных структур, которые и «удерживают» реальность в фольклоре: «Только через посредство этих структур общественному сознанию могут быть предоставлены матрицы, которые способны обеспечить сохранение и передачу информации, потребной для разных аспектов жизнедеятельности человеческого сообщества» [9]. Наполнение их содержанием и наделение смыслами детерминировано личностно и институционально. Так предание о победе саамов над иноземными захватчиками становится свидетельством исторической значимости работы противоловинной службы в Хибинах.

* Статья выполнена при поддержке грантов РГНФ по проектам № 15-11-51004 “а(р)” «Локализация саамских преданий на территории Кольского полуострова» и № 16-11-51002 “а(р)” «Осмысление опыта советской урбанизации арктической территории в мемуарно-биографических источниках: социально-антропологический ракурс».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Материалы из фондов Историко-краеведческого музея г. Кировска. КП-243 ОДФ-243. Заседание комиссии по принятию мер против снежных обвалов. Машинопись (копия). 1935. С. 13.
- ² Материалы из фондов историко-краеведческого музея г. Кировска. КП-2925 ОДФ-1614. Зеленой И. К. Опыт первых лет борьбы с лавинами в Хибинах. Машинопись. 1961. Л. 4–5.
- ³ Примечание Визе: «Горы к востоку от озера Имандра».
- ⁴ Примечание Визе: «Ущелья в Хибинах против острова Высокого (Tschoksuol)».
- ⁵ Примечание Визе: «В каньги (лопарская обувь с острыми, загнутыми кверху носками) лопари кладут в виде стелек высушенную осоку (трава, растущая в болотах), обладающую большой гигроскопичностью. Осока по-лопарски *suij*».
- ⁶ Примечание Визе: «Вставать – взбираться».
- ⁷ Текст оформлен в соответствии с правилами орфографии современного русского языка. Пунктуация сохранена.
- ⁸ Примечание собирателя сохранено: «Пахта – скалистый склон».
- ⁹ Примечание автора-мемуариста И. К. Зеленого: «Юлевчорр находится к северу от Кировска».
- ¹⁰ Примечание собирателя сохранено: «Вставать – взбираться».
- ¹¹ Примечание собирателя сохранено: «Пахта – скалистый склон».
- ¹² Хибинь. «Ущелье мертвых» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://arkthur-kl.livejournal.com/781345.html> (дата обращения 12.09.2016).
- ¹³ Как лопари хитростью от врагов избавились // Кольский полуостров – Реальность. Легенды. Сказки. Истории [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.shvedirina.ru/kak-lopri-khitrostyu-ot-vragov-izbavilis> (дата обращения 12.09.2016).
- ¹⁴ Юмьекорр [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.1543.su/khibiny/pass/2/info.htm> (дата обращения 12.09.2016).
- ¹⁵ Перевал Юмьекорр (Ущелье Мертвых) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://wikimapia.org/7844912/ru> (дата обращения 12.09.2016).
- ¹⁶ Безумные похождения москвичей в Хибинах [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://factum.diary.ru/p127315556.htm> (дата обращения 12.09.2016).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимов М. И. Снег и снежные обвалы / Акад. наук СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 99 с.
2. Горышин Г. А. Лавина // Хибинь: Повести, рассказы, очерки. Л.: Сов. писатель, 1979. С. 160–198.
3. Зюзин Ю. Л. Хибинская лавинада. Вологда: ООО ПФ «Полиграф-Книга», 2009. 332 с.
4. Криничная Н. А. Предания Русского Севера. Л.: Наука, 1991. 328 с.
5. Левинтон Г. А. Предания и мифы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/levinton4.htm> (дата обращения 12.09.2016).
6. Лосев К. С. По следам лавин. Л.: Гидрометеиздат, 1983. 136 с.
7. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М.: Олма Медиа Групп, 2007. 784 с.
8. Народный эпос русских лопарей. Материалы / Собр. В. Ю. Визе // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера (Журнал жизни Северного Края). 1917. № 1. С. 15–24.
9. Неклюдов С. Ю. Заметки об «исторической памяти» в фольклоре // АБ-60: Сборник статей к 60-летию А. К. Байбурина. СПб: Изд-во Европейского университета в С.-Петербурге, 2007. С. 77–86.
10. Неклюдов С. Ю. О мифологических моделях в устной традиции // Мифологические модели и ритуальное поведение в советском и постсоветском пространстве: Сб. статей / Сост. А. Архипова. М.: РГГУ, 2013. С. 7–15.
11. Неклюдов С. Ю. Традиции устной и книжной культуры [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov6.htm> (дата обращения 12.09.2016).
12. Пация Е. Я., Разумова И. А. Genius loci (А. Е. Ферсман) // Северяне: Проблемы социокультурной адаптации жителей Кольского полуострова. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2006. С. 60–69.

13. Смирнов В. М. Снежный человек из Хибин: [О В. Н. Аккуратове]. Л.: Гидрометеиздат, 1966. 147 с.
14. Смирнов Ю. И. Самопогребение чуди // Народные культуры Русского Севера: Материалы российско-финского симпозиума (3–4 июня 2001 года) / Отв. ред. Н. В. Дранникова. Архангельск: Поморский государственный университет, 2002. С. 58–64.
15. Чудь в устной традиции Архангельского Севера / Сост., подгот. текстов, коммент., указатель, словарь Н. В. Дранниковой; Под ред. Н. В. Дранниковой. Архангельск: Поморский университет, 2008. 148 с.
16. Drannikova N., Larsen R. "Tsjudefolket" i norsk og russisk folklore // Haloygminne. Harstad, Halogaland historielag. 2006. № 2. S. 109–123.

Zmeeva O. V., Barents Centre of the Humanities, Kola Science Centre, RAS
(Apatity, Russian Federation)

Razumova I. A., Barents Centre of the Humanities, Kola Science Centre RAS
(Apatity, Russian Federation)

THE SAMI SAGA AS A "SOURCE" ON THE HISTORY OF AVALANCHE DEFENSE IN Khibiny

The article is devoted to the problem of interaction between literature and folklore sources in the process of constructing the history of the Northern territory development. The problem is considered on the basis of textual materials comprising biographical literature, sketches, local history, and special literature reflecting the history of the struggle with avalanches and accounts of activities ensuring safety in the area of the Khibiny. Due to the absence of consistent resident population and the lack of systemic observations the appeal to the knowledge of indigenous single individuals turned out to be the only tool of obtaining information on occurring avalanches. One of the literary sources, a historical text of the Sami saga about the struggle with foreign enemies, was used as a "precedent". The use of the folklore plot helped to construct the history of the place and to define the mission of the "nature conquerors" in its development. The same folklore story is used on different websites to study other versatile problems. Analysis of the texts helps to clarify the mechanisms of appropriation and reinterpretation of the folklore sources by literature and media cultures.

Key words: Literature, folklore, saga, source, Sami, avalanches, development of the North

REFERENCES

1. Anisimov M. I. *Sneg i snezhnye obvaly* [Snow and avalanches]. Moscow, Izd-vo Akademii nauk, 1958. 99 p.
2. Goryshin G. A. *Avalanche* [Lavina]. *Khibiny: Povesti, rasskazy, ocherki*. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1979. P. 160–198.
3. Zyuzin Yu. L. *Khibinskaya laviniada* [The Khibiny massif Lavinia]. Vologda, Poligraf-Kniga Publ., 2009. 332 p.
4. Krinichnaya N. A. *Predaniya Russkogo Severa* [Legends of the Russian North]. Leningrad, Nauka Publ., 1991. 328 p.
5. Levinton G. A. *Predaniya i mify* [Legends and myths]. Available at: <http://www.ruthenia.ru/folklore/levinton4.htm> (accessed 12.09.2016).
6. Losev K. S. *Po sledam lavin* [The tracks of avalanches]. Leningrad, Gidrometeoizdat Publ., 1983. 136 p.
7. Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Bol'shoy slovar' russkikh pogovorok* [Large dictionary of Russian Proverbs]. Moscow, OLMA Media Grupp Publ., 2007. 784 p.
8. Folk epic of the Russian Lapps: Materials [Narodnyy epos russkikh loparey: Materialy] / Coll. V. Yu. Vize. *Izvestiya Arkhangel'skogo obshchestva izucheniya Russkogo Severa (Zhurnal zhizni Severnogo Kraya)*. 1917. № 1. P. 15–24.
9. Neklyudov S. Yu. Notes on "historical memory" in folklore [Zametki ob "istoricheskoy pamyati" v fol'klore]. *AB-60: Sbornik statey k 60-letiyu A. K. Bayburina*. St. Petersburg, Izd-vo Evropeyskogo universiteta v S.-Peterburge Publ., 2007. P. 77–86.
10. Neklyudov S. Yu. On mythological models in the oral tradition [O mifologicheskikh modelyakh v russkoy traditsii]. *Mifologicheskie modeli i ritual'noe povedenie v sovetskom i postsovetskom prostranstve: Sbornik statey*. Moscow, RGGU Publ., 2013. P. 7–15.
11. Neklyudov S. Yu. *Traditsii ustnoy i knizhnoy kul'tury* [On the oral tradition and book culture]. Available at: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov6.htm> (accessed 12.09.2016).
12. Patsiya E. Ya., Razumova I. A. Genius loci (A. E. Fersman) [Genius loci (A. E. Fersman)]. *Severyane: Problemy sotsiokul'turnoy adaptatsii zhitel'ey Kol'skogo poluoostrova*. Apatity, Izd-vo KNTs RAN, 2006. P. 60–69.
13. Smirnov V. M. *Snezhnyy chelovek iz Khibin (o V. N. Akkuratove)* [Snowy person from Khibiny: (On V. N. Accuratov)]. Leningrad, Gidrometeoizdat Publ., 1966. 147 p.
14. Smirnov Yu. I. *Tampographie Chud* [Samopogrebenie chudi]. *Narodnye kul'tury Russkogo Severa: Materialy Rossiysko-finskogo simpoziuma (3–4.06.2001)*. Ed. N. V. Drannikova. Arkhangel'sk, Pomorskiy gos. universitet Publ., 2002. P. 58–64.
15. *Chud' v ustnoy traditsii Arkhangel'skogo Severa* [Chud in the oral traditions of the Arkhangel'sk North]. Ed. N. V. Drannikova. Arkhangel'sk, Pomorskiy gos. universitet Publ., 2008. 148 p.
16. Drannikova N., Larsen R. "Tsjudefolket" i norsk og russisk folklore // Haloygminne. Harstad, Halogaland historielag. 2006. № 2. S. 109–123.

Поступила в редакцию 09.11.2016

АЛЕКСАНДР ВАЛЕРЬЕВИЧ ПИГИН

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт языка, литературы и истории Карельского науч-
ного центра РАН (Петрозаводск, Российская Федерация)
av-pigin@yandex.ru

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОГРАФ ВЫГОВСКОГО СТАРООБРЯДЧЕСКОГО КНИЖНИКА XVIII ВЕКА ДАНИИЛА МАТВЕЕВА, КАРГОПОЛЬСКОГО УРОЖЕНЦА*

Анализируются два текста, входящие в состав рукописного сборника XVIII века (Библиотека РАН, Каргопольское собрание, № 62), переписанные рукой старообрядческого книжника из Выго-Лексинского общежития Даниила Матвеева (1687–1776). Один из них представляет собой компиляцию на тему пострижения в монахи, которую выговский книжник составил на основе канонических, богослужебных и агиографических текстов. Отмечается, что большое внимание в этом сочинении Даниил Матвеев уделил необычным, редким случаям в истории пострижения святых преподобных. Интерес к этой теме был связан, вероятно, с размышлениями Даниила Матвеева о перспективах института монашества в Выго-Лексинском общежитии. Компиляция рассматривается также в контексте некоторых других выговских сочинений, посвященных исключительным проявлениям святости в истории христианства. Другой памятник, вошедший в состав каргопольского сборника в списке Даниила Матвеева, – Житие Кирилла Челмогорского. Анализируются особенности этого списка и высказывается гипотеза о причастности Даниила Матвеева к созданию самого жития.

Ключевые слова: старообрядческая книжность, Выго-Лексинское общежитие, агиография, пострижение в монахи, Житие Кирилла Челмогорского

Одним из наиболее интересных и крупных территориальных рукописных собраний Библиотеки РАН (далее – БАН) (С.-Петербург) является Каргопольское собрание, насчитывающее сегодня около 400 рукописей. Его формирование началось в 1965 году благодаря археографическим экспедициям сотрудников рукописного отдела БАН. Входящие в состав собрания рукописи являются ценными источниками по изучению истории и духовной культуры Каргопольского края¹. Значительную часть собрания составляют сборники литературного содержания, включающие памятники агиографии, слова, поучения, древнерусские повести, исторические сочинения и т. п. Многие рукописи имеют старообрядческое, преимущественно странническое, происхождение [1].

В настоящей статье речь пойдет об одной старообрядческой рукописи из Каргопольского собрания БАН – сборнике-конволюте конца XVII – первой половины XVIII века (№ 62). Сборник форматом в 8-ку, 434 листа, исписан скорописью и полууставом разных рук, содержит сочинения Отцов Церкви (Иоанна Златоуста, Василия Великого и др.), выписки из сочинений Иосифа Волоцкого, из житий Антония Римлянина, Александра Невского, из Стоглава, «Великого Зеркала», загадки и притчи из «Беседы трех святителей» и разнообразный другой материал. Рукопись была найдена в ходе археографической экспедиции БАН в дер. Волосово Каргопольского района в 1965 году [3: 201, 204].

В двух местах сборника, на л. 306–314 и 383–396, читаются статьи и мелкие выписки, пере-

писанные рукой известного старообрядческого книжника из Выго-Лексинского общежития Даниила Матвеева (1687–26.03.1776). Каргополец родом, Даниил Матвеев являлся выговским наставником, членом выговского собора, иконописцем и одним из наиболее авторитетных и плодовитых писателей Выга. Он происходил из семьи потомственных каргопольских иконописцев, на Выг пришел вместе со своими родственниками в начале XVIII века (по разным источникам – в 1702, 1705 или 1710 году), являлся учеником братьев Денисовых, после смерти Семена Денисова в 1740 году «ведаль» духовными делами пустыни [8], [14: Т. 2; 391–393]. Выговский наставник Андрей Борисов так отзывался о нем в одном из своих сочинений: «...ведущий обширность Святаго Писания честнейший изограф Даниил Матфеевич» [14: Т. 2; 79].

В настоящее время известно несколько десятков произведений Даниила Матвеева, написанных в жанре похвальных слов, приветствий, поздравительных и прочих посланий и писем, сочинений по церковной догматике и т. д. [13: 86–99]². Интерес Даниила Матвеева к сакральному прошлому своей родины – Каргопольского края выразился в составлении им двух похвальных слов в честь св. Александра Ошевенского и «Слова похвального каргопольским святым» [2: 424–448, 775–790], [14: Т. 1; 325–353, 621–627, 629–645]. По поручению Семена Денисова Даниил Матвеев сделал также письменную запись устных преданий о пострадавших за «древнее благочестие» «каргопольских страдальцах» Андрею

и Авраамии Леонтьевых и других [14: Т. 1; 434–435, 675]. Некоторые сочинения Даниила Матвеева в настоящее время опубликованы [2: 401–448], [14: Т. 1; 325–333; Т. 2; 17–20, 49, 55–59 и др.]. Из иконографических произведений Даниила Матвеева особенно большое значение для выговской культуры имел «Образ всех российских чудотворцев» [12].

На л. 383–396 в указанном сборнике содержится составленная Даниилом Матвеевым в 1730-е годы компиляция, озаглавленная «О разнствах смотрительных иноков о пострижении обретающихся». Она представляет собой свод мелких выписок на тему пострижения в иноки. Данная компиляция не отмечена ни в указателях В. Г. Дружинина³ и Е. М. Юхименко [13: 86–99], ни в описаниях старообрядческих рукописей БАН [10], [11]. Текст атрибутируется Даниилу по почерку⁴ и, несомненно, является не списком чужого сочинения, а его собственным произведением, поскольку имеет признаки черновика: некоторые выписки сделаны на отдельных, меньшего формата, листах, вклеенных в рукопись, единичные чтения зачеркнуты и исправлены. Сочинение разделено на восемь небольших частей (главок), которые пронумерованы с помощью кириллических букв. Пятая и восьмая части имеют самостоятельные заглавия: 5-я – «В Прологе обретающихся о разнствах» (она находится в самом конце подборки, переписана на нижней половине склеенного из двух частей листа); 8-я – «О иночестве и прочих духовных чинах, иже по случаю прежде приятых и потом крестившихся».

Компиляция включает выписки как из канонических и богослужебных книг – Номоканона, Требника, Книги Матфея Властаря (Правильника) и т. д., так и различных памятников византийско-русской агиографии – житий Пахомия Великого, Антония Великого, Григория Синаита, Павла Повинника, Антония, Феодосия и Никона Печерских, Зосимы Соловецкого, Кирилла Белозерского; из «Луга духовного» Иоанна Мосха, «Лествицы» Иоанна Синайского и других сочинений.

Судя по названию этой компиляции, Даниила Матвеева интересовало разнообразие («разнствия») тех путей, которыми святые преподобные принимали «ангельский образ» (т. е. монашество). Эта тема выдерживается, впрочем, не совсем последовательно: в компиляции уделяется также внимание ересям, таинствам крещения, причащения и покаяния, но большинство выписок посвящено все же вопросам монашества.

Среди памятников агиографии особое внимание автора привлекли сочинения о киево-печерских и соловецких святых; выписки из них объединены в отдельные главки: в 3-ю – из Жития Феодосия Печерского и Киево-Печерского патерика, в 4-ю – из Жития Зосимы Соловецкого, проложной памяти Зосимы и похвального слова

ему же Льва Филолога. Вполне естественно, что, собирая материалы о пострижении святых, Даниил Матвеев проявил особый интерес к наиболее почитаемым русским подвижникам. Антоний и Феодосий Печерские являлись основателями монашества на Руси, а Зосима и Савватий Соловецкие воспринимались на Выгу как небесные покровители Выговской пустыни, поскольку «Выго-Лексинское общежитие считало себя непосредственным преемником Соловецкой обители и с деятельности основателей монастыря выговцы начинали отсчет собственной истории» [15: 351]. Важно отметить, кроме того, что составление Даниилом Матвеевым анализируемой компиляции совпало по времени с созданием Семеном Денисовым «Слова воспоминательного о святых чудотворцах, в России воссиявших», в котором киево-печерским и соловецким преподобным также отведено достойное место [16].

Наряду с традиционными формами пострижения Даниила Матвеева интересовали и необычные, редкие случаи. Так, в Житии Кирилла Белозерского выговский книжник отмечает пострижение святого в два этапа: первоначально Стефан Махрищский возложил на Кирилла иноческое одеяние без совершения пострига, и только позднее архимандрит Симонова монастыря Феодор постриг Кирилла «съвршено». Из «Луга духовного» Иоанна Мосха Даниил Матвеев выписывает рассказ о том, как святой отшельник авва Сергий повелел крестить некоего монаха, который еще не был крещен. Из Жития Зосимы Соловецкого он делает выписку о том, как соловецкий монах Елисей перед смертью сам на себя возложил схиму, потому что рядом не было священника. Похожий пример взят из Пролога: «Декабря в 7 день. Преподобный Павел Монисийский сам наложи на ся святое ангельское воображение». Примечательно, что в самом Прологе в тексте этой памяти речь идет о вполне каноническом пострижении: Павел «въ единь (*sic!*) от благочестивых обителей своего града вниде и наложивъ на ся святое аггельское воображение»⁵. Добавив в текст источника местоимение «сам», Даниил Матвеев по сути осмыслил событие как самопострижение.

Слово «смотрительный», использованное Даниилом Матвеевым в заглавии компиляции, старообрядческие книжники хорошо знали в том его значении, в каком оно употребляется в «Тактиконе» Никона Черногорца. В 28-й главе этого сочинения автор противопоставляет «смотрительные» дела, то есть исключительные, стоящие вне церковного закона, но, по неведомым судьбам Божиим, оправданные Господом, и дела «обдержительные» (или «обдержные»), соответствующие церковным нормам и традициям. Никон Черногорец наставляет своего читателя в том, что в делах веры должно руководствоваться «обдержительными» правилами, потому что «частное» нельзя производить в закон: «ниже

мощно есть смотрительная во обдержная свидетельства приводити»⁶. Это противопоставление «смотрительного» и «обдержительного» было актуализировано в старообрядческой книжности рубежа XVII–XVIII веков в ходе полемики по вопросу о самосожжениях [17: 233]. Трудно сказать наверняка, в какой степени слово «смотрительный» вызывало у Даниила Матвеева ассоциации с этим кругом сочинений, но в любом случае, подбирая примеры о «разнствах» в истории пострижения преподобных, он уделит внимание не только «норме», но и отклонению от нее.

Тема пострижения в монахи была достаточно актуальна для Выго-Лексинского общежительства, которое изначально и создавалось как мужской (на р. Выг) и женский (на р. Лексе) монастыри. В начале XVIII века в общежительстве проживало немало монахов дониконовского пострижения, пришедших сюда из Соловецкого монастыря и других обителей. Монашеские постриги на Выгу в этот период совершали иеромонах Соловецкого монастыря Пафнутий и «неведомый монах родом с Ваги», живший на реке Порме в Каргопольском уезде [9: 33, 36]. Однако, как отмечает М. Л. Соколовская, мы не располагаем сведениями о том, что «вновь постриженные в начале XVIII века на Выгу старцы сами кого-либо постригли в монахи или поставили в старцы; это свидетельствует о том, что попытка выговцев создать свой собственный монашеский институт потерпела крах» [9: 36]. Так, в 1740 году выговцы не смогли исполнить предсмертное желание своего настоятеля Семена Денисова, прошившего постричь его в монахи, поскольку на Выгу уже не было тех «старцев», которые могли бы этот обряд совершить (см.: Сказание Василия Данилова Шапошникова о преставлении Семена Денисова [2: 485, 802]). Собрание Даниилом Матвеевым материалов из истории пострижения в монахи вполне могло быть, таким образом, связано с его размышлениями о перспективах монашеского института на Выгу.

Компиляция Даниила Матвеева может рассматриваться также как одно из литературных воплощений повышенного интереса выговцев к необычным случаям в церковной жизни и исключительным проявлениям святости в истории христианства, что во многом объясняется особенностями того положения, в котором оказались старообрядцы-беспоповцы, с одной стороны, стремившиеся сохранить старую веру и древнерусские традиции, а с другой – полагавшие, в соответствии со своими эсхатологическими воззрениями, что «благодать взята на небо». Анализируемая компиляция в этом отношении находит аналогии в других памятниках выговской письменности.

«О смотрительных вещех» – так назвал один из разделов своего сборника тематических выписок выговский книжник XVIII века Василий Да-

нилов Шапошников⁷. Раздел включает примеры различных парадоксальных поступков святых во имя веры. Мученица Синклитикия (24 октября) выпивает кровь двух своих дочерей-христианок, убитых по приказу языческого царя, – «вкушает жертвы часть». Святой Авраамий Затворник (11 ноября), чтобы проникнуть в «блудный дом» ради освобождения из него своей племянницы, принимает образ грешника, ищущего улады, ест мясо и пьет вино. Святой Лукиан Антиохийский (15 октября) перед смертью, находясь в темнице, совершает Бескровную жертву «на своих персах» (на груди) и причащается Христовых Тайн.

В выговской письменности известны также агиографические подборки на тему самоубийства святых в древности, составлявшиеся для апологии старообрядческих самосожжений [6: 176–179], на тему совершенных святыми убийств, самокрещения святых или крещения мирянами и т. д.

Создание Выговских четых миней и «вспоминательного» слова «о святых чудотворцах, в России воссиявших», написание икон с изображением «всех российских чудотворцев» и указанные агиографические компиляции и подборки – таковы разнообразные формы «агиологических начинаний» и проявления интереса к теме святости на Выгу в XVIII веке.

Среди выписок Даниила Матвеева, находящихся в другой части каргопольского сборника, на л. 306–314, особый интерес представляет извлечение из Жития Кирилла Челмогорского⁸. Святой преподобный Кирилл Челмогорский – каргопольский пустынножитель, поселившийся близ оз. Лекшмозеро в пещере и преставившийся 8 декабря 1367 года. На Челме-горе, где пустынножительствовал Кирилл, уже после его смерти был основан Челмогорский (Богоявленский, Успенский Кирилло-Челменский) монастырь. Житие сохранилось в единичных списках XVIII–XIX веков, которые представляют две его редакции: Первоначальную и редакцию челмогорского священника Федора Гурьева (1844). Один из самых ранних списков Жития входит в состав известного выговского сборника ГИМ, Музейское собрание, № 1510 (1720–1740-е годы).

Первоначальная редакция Жития, по нашим наблюдениям, состоит из двух самостоятельных частей, написанных, судя по всему, разными книжниками: 1) риторическое вступление, содержащее также рассказ о жизни Кирилла на Челме-горе, за которым следует сказание о его посмертных чудесах в XVII веке; 2) сказание о пришествии Кирилла на Челму-гору, о его прижизненных чудесах, о преставлении святого, о начале монастырской жизни, о строительстве храмов и о написании образа святого. Последовательность двух частей в списках неодинакова. Автором первой части – риторического вступления

и сказания о посмертных чудесах – является священник Покровской церкви в селе Лядины (недалеко от Каргополя) Иоанн, книжник и иконописец, написавший в 1656 году икону Кирилла. О своем авторстве Иоанн сам сообщает в Житии, рассказывая о четырехкратном явлении ему святого. Вторая, «биографическая», часть почти целиком основана на тексте Жития Нила Столбенского (рубеж XVI–XVII веков), из которого сделаны дословные пространные выписки. Время и место создания этой второй части неизвестны (подробнее см.: [5]).

Список Жития Кирилла Челмогорского, переписанный рукой Даниила Матвеева в сборнике из

Каргопольского собрания БАН, содержит не весь текст памятника, а лишь небольшие извлечения из той его части, которая восходит к Житию Нила Столбенского. Даниил Матвеев выписал рассказы о приходе св. Кирилла на Челму, о поселении его в пещере, о приходе к нему Корнилия Комельского и о преставлении святого. Примечательно, что в этой же части сборника находится и переписанный Даниилом Матвеевым небольшой фрагмент из Жития Нила Столбенского – рассказ о преставлении святого, послуживший источником соответствующего места в Житии Кирилла Челмогорского. Приведем для сравнения оба фрагмента по рукописи Даниила Матвеева:

Выписка из Жития Нила Столбенского	Выписка из Жития Кирилла Челмогорского
<...> Преподобный же вшед в келию, затвори себе и на правило уклонися всю ночь. И обычное пение исполнив, и кадилницу восприим, и фимиан на углие насыпав, и кажение святым иконам сотвори. И помале изнеможе, восклонився пазухами своими на крюки, бе бо у преподобнаго в келии два крюка великие в стену водружены, в кресл место, он же от многого труда на крюках тех пазухами опершися мало сна принимаше, на ребрах же своих никогда же почиваше. Тако и преставися пазухами на крюках тех облеч, успе вечным сном, на молитве Господеви предстоя (л. 313).	<...> И вшед в келию, затвори себе и на всенощное правило уклонися. По исполнении же правила своего прият кадилницу, и всыпа фимиям на углие, и сотвори святым иконам кажение. И малу болезнь ощутив, возляже на одре своем по обычаю, и преставися преподобный отец наш Кирил, вечным и блаженным сном почив, в лето от сотворения мира 6876 месяца декабря в 8 день (л. 311 об.).

Ранее мы уже высказывали предположение о том, что объединение двух самостоятельных произведений о Кирилле Челмогорском – сказания Иоанна о посмертных чудесах и «биографической» части – могло быть осуществлено книжниками Выговской пустыни [5: 343]. Соседство в рукописи Даниила Матвеева выписок из житий св. Кирилла и св. Нила наводит на мысль, что

и сама «биография» Кирилла Челмогорского могла быть составлена на Выгу и что Даниил мог иметь отношение к этой работе. Более общим аргументом в пользу такой атрибуции является уже отмеченный выше пристальный интерес Даниила Матвеева к духовной истории Каргопольского края. Разумеется, эта атрибуция может рассматриваться пока только как гипотеза.

* В основу статьи лег доклад, прочитанный на XIV Международной научно-практической конференции «Каргополь и Русский Север в истории и культуре России X–XXI вв.» (Каргопольский историко-архитектурный и художественный музей, 15–18 августа 2016 г.). Работа подготовлена в рамках выполнения плана НИР ИЯЛИ КарНЦ РАН, тема «Фольклорные традиции и рукописная книжность Карелии в общерусском и финно-угорском контекстах», № 0225-2014-0016.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Рукописи каргопольского происхождения хранятся также в составе Основного собрания БАН и в Каргопольском музее. Единичные каргопольские рукописи встречаются и во многих других собраниях (см., например: [7]).
- ² См. также: Дружинин В. Г. Писания русских старообрядцев. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1912. С. 200–205.
- ³ См.: Там же.
- ⁴ Ср. образец почерка Даниила Матвеева 1730-х годов: [13: Табл. 18]. Благодарю Е. М. Юхименко, ознакомившуюся с почерком Даниила Матвеева в сборнике БАН, Каргопольское собр., № 62, и подтвердившую его датировку 1730-ми годами.
- ⁵ Память преподобного отца нашего Павла Повинника (7 декабря) // Пролог. М., 1642. Л. 472.
- ⁶ Никон Черногорец. Тактикон. Почаев, 1794. Л. 158.
- ⁷ Национальный музей Республики Карелия, КГМ-1324/3, 1740–1750-е гг. (рукопись описана: [4: 213–216]).
- ⁸ Кроме этого текста в данной части сборника находятся также выписки, сделанные рукой Даниила Матвеева, из житий Иоанна Златоуста, священномученика Елевферия, Нила Столбенского, Саввы Крыпецкого, из Евангелия от Иоанна «о слепом», из Хронографа о падении Цареграда и другие, но единой тематической компиляции они не образуют.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амосов А. А. Археографическое обследование Каргополя. Итоги и перспективы // Вопросы собирания, учета, хранения и использования документальных памятников истории и культуры. М., 1982. Ч. 2: Памятники старинной письменности. С. 52–60.
2. Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Н. В. Поньрко; Подгот. текстов и коммент. Е. М. Юхименко. СПб.: Наука, 2015. Т. 19: XVIII век. 852 с.

3. Бубнов Н. Ю., Копанев А. Н. Отчет об археографической экспедиции Библиотеки АН СССР 1965 г. // *Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей и редкой книги БАН СССР*. М.; Л., 1966. С. 199–205.
4. Памятники книжной старины Русского Севера: коллекции рукописей XV–XX веков в государственных хранилищах Республики Карелия / Сост., отв. ред. и автор предисл. А. В. Пигин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. 608 с.
5. Пигин А. В. Кирилл Челмогорский // *Православная энциклопедия*. М., 2014. Т. 34. С. 342–346.
6. Пигин А. В. О некоторых малоизвестных старообрядческих сочинениях в составе Карельского собрания рукописей Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН // *Книжные собрания Русского Севера: проблемы изучения, обеспечения и доступности*. Архангельск, 2013. Вып. 6. С. 175–186.
7. Пигин А. В. Памятники книжной старины из Каргополя в хранилищах Петрозаводска // *Рябининские чтения–2007: Материалы V научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера*. Петрозаводск, 2007. С. 427–431.
8. Понырко Н. В. Даниил Матвеев // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. СПб., 1992. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1: А–З. С. 250.
9. Соколовская М. Л. Складывание института «учительства» в Выго-Лексинском общежительстве («об исполнении келейного правила» скитскими старостами) // *Мир старообрядчества*. М.; СПб., 1992. Вып. 1: Личность. Книга. Традиция. С. 28–45.
10. Сочинения писателей-старообрядцев XVII века / Сост. Н. Ю. Бубнов. Л., 1984 (Описание рукописного отдела Библиотеки Российской Академии наук. Т. 7, вып. 1). 316 с.
11. Сочинения писателей-старообрядцев первой половины XVIII века / Сост. Н. Ю. Бубнов. СПб., 2001 (Описание рукописного отдела Библиотеки Российской Академии наук. Т. 7, вып. 2). 435 с.
12. Юхименко Е. М. Выговская икона «Образ всех российских чудотворцев» // *Труды Отдела древнерусской литературы*. СПб., 2014. Т. 62. С. 167–174.
13. Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь: духовная жизнь и литература. М.: Языки славянской культуры, 2002. Т. 2. 480 с.
14. Юхименко Е. М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежительства. М.: Языки славянских культур, 2008. Т. 1. 688 с.; Т. 2. 568 с.
15. Юхименко Е. М. Почитание Зосимы и Савватия Соловецких в Выговской старообрядческой пустыни // *Труды Отдела древнерусской литературы*. СПб., 1993. Т. 48. С. 351–354.
16. Юхименко Е. М. «Слово воспоминательное о святых чудотворцах, в России воссиявших» Семена Денисова как отражение культурно-агиологических начинаний Выга // *Труды Отдела древнерусской литературы*. СПб., 2010. Т. 61. С. 329–344.
17. Pigin A. Hagiographic Writings in the Old Believer Controversies over 'the Suicidal Death' at the End of the Seventeenth and the Eighteenth Centuries (Peter Prokop'ev's Message to Daniil Vikulin) // *Scrinium: Journal of Patrology, Critical Hagiography, and Ecclesiastical History*. 2014. Vol. 10. P. 230–244.

Pigin A. V., Institute of Language, Literature and History Karelian Research Centre of RAS
(Petrozavodsk, Russian Federation)

THE UNKNOWN AUTOGRAPH OF THE VYGOVSK OLD BELIEVER SCRIBE OF THE 18TH CENTURY DANIIL MATVEEV BORN IN KARGOPOL

Two texts within a manuscript collection of the 18th century (the Library of the Russian Academy of Sciences, Kargopol collection, № 62) copied by Daniil Matveev (1687–1776), the Old Believer scribe from the Vyg-Leksa Community are analyzed in the article. One of the texts is a compilation on the topic reflecting the process of taking monastic vows. This text written by the Vyg scribe is based on canonic, liturgical and hagiographic texts. It is noted in the article that Daniil Matveev paid special attention to all unordinary and rare cases from the history of saints going into convent. The interest to this topic was probably related to Daniil Matveev's reflections on the prospects of the institution of monasticism in the Vyg-Leksa Community. The compilation in focus is also studied in the context of some other works written in Vyg, which are devoted to extraordinary examples of holiness in the history of Christianity. The other text within the Kargopol collection and copied by Daniil Matveev is the Life of St. Kirill Chelmogorsky. The article analyzes characteristics of this copy and puts forward a hypothesis that Daniil Matveev was one of the contributing authors to the Life of St. Kirill.

Key words: Old Believer writings, Vyg-Leksa Community, hagiography, taking the monastic vows, Life of St. Kirill Chelmogorsky

REFERENCES

1. Amosov A. A. Archeographic survey of the Kargopol land. Results and prospects [Archeograficheskoe obsledovanie Kargopol'ya. Itogi i perspektivy]. *Voprosy sobiraniya, ucheta, khraneniya i ispol'zovaniya dokumental'nykh pamyatnikov istorii i kul'tury. Chast' 2: Pamyatniki starinnoy pis'mennosti*. Moscow, 1982. P. 52–60.
2. *Biblioteka literatury Drevney Rusi. T. 19: XVIII vek* [The Library of Old Russian literature. Vol. 19: XVIII century]. Ed. by N. V. Ponyrko; Texts prep. and comment. by E. M. Yukhimenko. St. Petersburg, Nauka Publ., 2015. 852 p.
3. Bubnov N. Yu., Kopanев A. N. Report on an archeographic expedition of the Library of the Academy of Sciences in 1965 [Otchet ob arkhеоgraficheskoy ekspeditsii Biblioteki AN SSSR 1965 g.]. *Materialy i soobshcheniya po fondam Ot-dela rukopisey i redkoy knigi BAN SSSR*. Moscow, Leningrad, 1966. P. 199–205.
4. *Pamyatniki knizhnoy stariny Russkogo Severa: kolleksiya rukopisey XV–XX vekov v gosudarstvennykh khranilishchakh Respubliki Kareliya* [Book antiquities of North Russia – the manuscript collections of the 15th–20th centuries in the state depositories of the Republic of Karelia]. Originator, chief ed. and author of preface A. V. Pigin. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2010. 608 p.

5. Pigin A. V. Kirill Chelmogorsky [Kirill Chelmogorskiy]. *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, 2014. Vol. 34. P. 342–346.
6. Pigin A. V. On some little-known Old Believer writings in the Karelian manuscript collection of the Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences [O nekotorykh maloizvestnykh staroobryadcheskikh sochineniyakh v sostave Karel'skogo sobraniya rukopisey Instituta russkoy literatury (Pushkinskiy Dom) RAN]. *Knizhnye sobraniya Russkogo Severa: problemy izucheniya, obespecheniya i dostupnosti*. Arkhangelsk, 2013. Issue 6. P. 175–186.
7. Pigin A. V. Book antiquities from the Kargopol land in the depositories of Petrozavodsk [Pamyatniki knizhnoy stariny iz Kargopol'ya v khranilishchakh Petrozavodska]. *Ryabininskie chteniya–2007: Materialy 5 nauchnoy konferentsii po izucheniyu narodnoy kul'tury Russkogo Severa*. Petrozavodsk, 2007. P. 427–431.
8. Ponyrko N. V. Daniil Matveev [Daniil Matveev]. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi*. St. Petersburg, 1992. Issue 3 (XVII cent.). Part 1: A–3. P. 250.
9. Sokolovskaya M. L. The formation of the institute of teaching in the Vyg-Leksa Community (“on observing the order of reciting prayers” by monastery elders) [Składyvanie instituta “uchitel'stva” v Vygo-Leksinskom obshchezhitel'stve (“ob ispolnenii keynogo pravila” skitskimi starostami)]. *Mir staroobryadchestva. Vypusk 1: Lichnost'. Kniga. Traditsiya*. Moscow, St. Petersburg, 1992. P. 28–45.
10. *Sochineniya pisateley-starobryadtsev XVII veka* [The Old Believer writings of the 17th century]. Originator N. Yu. Bubnov. Leningrad, 1984. 316 p.
11. *Sochineniya pisateley-starobryadtsev pervoy poloviny XVIII veka* [The Old Believer writings of the 1st half of the 18th century]. Originator N. Yu. Bubnov. St. Petersburg, 2001. 435 p.
12. Yukhimenko E. M. “The image of all Russian miracle workers” icon from Vyg [Vygovskaya ikona “Obraz vsekh rossiyskikh chudotvortsev”]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. St. Petersburg, 2014. Vol. 62. P. 167–174.
13. Yukhimenko E. M. *Vygovskaya staroobryadcheskaya pustyn': dukhovnaya zhizn' i literatura* [The Vyg Old Believer hermitage – spiritual life and literature]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2002. Vol. 2. 480 p.
14. Yukhimenko E. M. *Literaturnoe nasledie Vygovskogo staroobryadcheskogo obshchezhitel'stva* [The literary heritage of the Vyg Old Believer Community]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2008. Vol. 1. 688 p.; Vol. 2. 568 p.
15. Yukhimenko E. M. The worship of Sts. Zosimus and Sabbatius of the Solovetsky monastery in the Vyg Old Believer hermitage [Pochitanie Zosimy i Savvatiya Solovetskiikh v Vygovskoy staroobryadcheskoy pustyni]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. St. Petersburg, 1993. Vol. 48. P. 351–354.
16. Yukhimenko E. M. “The word in memory of saint miracle workers celebrated in Russia” by Simeon Denisov as a reflection of cultural and hagiologic initiatives of Vyg [“Slovo vospominatel'noe o svyatykh chudotvortsakh, v Rossii vossiyavshikh” Semena Denisova kak otrazhenie kul'turno-agiologicheskikh nachinaniy Vyga]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. St. Petersburg, 2010. Vol. 61. P. 329–344.
17. Pigin A. Hagiographic Writings in the Old Believer Controversies over ‘the Suicidal Death’ at the End of the Seventeenth and the Eighteenth Centuries (Peter Prokop'ev's Message to Daniil Vikulin) // *Scrinium: Journal of Patrology, Critical Hagiography, and Ecclesiastical History*. 2014. Vol. 10. P. 230–244.

Поступила в редакцию 01.11.2016

ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА СНИГИРЕВА
доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX и XXI веков Института гуманитарных наук и искусств, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии Уро РАН (Екатеринбург, Российская Федерация)
tas0905@rambler.ru

АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ПОДЧИНЕНОВ
кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы Института гуманитарных наук и искусств, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Российская Федерация)
A.V.Podchinenov@urfu.ru

АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ СНИГИРЕВ
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, иностранных языков и культуры речи, Уральский государственный юридический университет (Екатеринбург, Российская Федерация)
alex_sengir@rambler.ru

ЭТНОНАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ИСПОЛНЕНИИ Б. АКУНИНА (ПРОЕКТ «ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА»)*

Новый исторический и литературный проект Б. Акунина «История Российского государства» рассмотрен в следующих аспектах. Во-первых, анализируется историческая концепция, положенная в основу нового проекта автора. Во-вторых, предпринят анализ специфики соотношения истории и литературы, характерной для современного варианта интерпретации зарождения и становления российской государственности. В-третьих, исследована специфика постановки проблемы становления русской нации, напрямую связанной с процессом становления Российского государства. В ходе анализа выявлены три основных уровня, на которых автором «разыгрывается» вопрос о специфике русскости и способах ее проявления: тайна русского характера, значимость русской православной церкви, принципиальная полиэтничность, ставшая основой национальной целостности. Определены художественные приемы, используемые писателем для решения этнонациональной проблемы: введение сознания чужого / чуждого русскому, подкрепленное визуальной антропологией; использование принципа зеркального изображения; допуск в текст открытой этнонациональной самоидентификации. В результате делается вывод о возможном развитии проекта, которое пойдет по силовой линии евразийства: в исторических томах продолжится исследование результатов крутых смен цивилизаций в русской истории, а в художественных сопровождениях противоречивая полиэтничность будет основой психологического рисунка в изображении лица русского «меченого» рода.

Ключевые слова: Б. Акунин, полиэтничность, историческое / художественное, европейское, азиатское, русское

В начале нулевых в интервью, озаглавленном весьма эпатажной фразой писателя «Я могу варить из исторических сухофруктов любой компот», на вопрос, не хотелось бы ему написать роман о реальном историческом лице, Б. Акунин фактически проговорил замысел будущего нового проекта, который начнет реализовываться в середине десятых годов: «Это был бы другой жанр. Даже два других жанра. Первый – нон-фикшн. Он мне интересен, и я подумываю о том, чтобы (в качестве не Акунина, а Чхартишвили) написать документальную биографию одного исторического деятеля (пока не скажу кого), на примере жизни которого можно было бы многое понять про Россию, про природу власти, про метаморфозы времени. Второй жанр, требующий большей исторической достоверности, чем мои фанфан-тюльпаны, – это историческая эпопея. Тоже интересно было бы попробовать» [10]. Замысел

претерпел любопытные изменения. Во-первых, писатель все же оставил псевдоним, и как уже раскрученный бренд, и как знак того, что автор не претендует на научность своего труда и читателю предлагается весьма субъективная трактовка истории российской государственности. Во-вторых, Б. Акунин «переворачивает» изначальную ситуацию: в исторических томах дается эпически-последовательное описание основных событий и перипетий русской истории, в художественных приложениях к каждому тому – история одного вымышленного беллетристом «меченого рода», проходящего через хитросплетения исторических событий. Таким образом, в первых трех томах проекта описана история Руси-России от ее зарождения до правления Бориса Годунова, а в своих повестях, названных «художественным сопровождением», Б. Акунин повторяет основные события исторического повествования, что

справедливо отмечено в «аннотации» к первому сборнику повестей: «Три повести, входящие в эту книгу, посвящены жизни Древней Руси. Это начало очень длинного, на тысячу лет, рассказа о взлетах и падениях одного рода, живущего в России с незапамятных времен» [1: 4].

Как это обычно бывает с любым новым и заметным историческим повествованием научно-популярного или литературного толка, проект Б. Акунина вызвал критику как со стороны историков, так и со стороны литературных критиков. Например, в статье с оценочным названием «Карамзин для бедных и ревнители официальной народности» П. Корчагин не без иронии и снисхождения замечает: «Дело в том, что у профессиональных историков существует неписанный закон, запрещающий критику, с позволения сказать “исторических” произведений литераторов: “исторические детективы”, разного рода “исторические расследования” и даже “исторические романы-эпопеи”. Потому как: художник имеет право на вымысел – раз, и “детей бить нельзя” – два. Правда, Григорий Шалвович подставился: помянул в предисловии о своем историческом образовании, назвал книгу почти как Карамзин, наконец, подчеркнул: “Это история не страны, а именно государства, то есть политическая история”. Так что вроде как и можно тронуть “известного российского писателя”» [7]. И далее автор статьи с безусловным профессиональным знанием идет по известному пути: указывает на обнаруженные фактические неточности в новой систематизации истории, предложенной беллетристом. В свою очередь, К. Мильчин в рецензии на «Огненный перст» упрекает «известного российского писателя» в том, что, взявшись не за свое дело, он обрек себя на творческий провал, и весьма жестко обыгрывает название одной из исторических повестей-сопровождений («Князь Клюква»): «Григорий Чхартишвили прекрасно умеет строить сюжет и интригу, очень начитан и прекрасный стилист. Но подделывать он умеет только язык XIX века, потому что источников много. А про Киевскую Русь их мало. Стилистическая машина буксует, сюжет не спасает – на выходе получается клюква» [9: 92].

Но, несмотря на скепсис со стороны профессионалов, читатель с интересом принял исторический проект одного из самых успешных современных авторов, поскольку он внятнее и небанально структурирован, «легко читается», в нем ставятся проблемы, всегда (а ныне особенно) волнующие российскую публику, среди которых одна, возможно, наиболее острая, проблема становления русской нации, для Б. Акунина напрямую связана с процессом становления Российского государства. Писатель убежден, что без постановки проблемы национальной специфики ему при разговоре о становлении русского типа государственности не обойтись: «Тема это спорная и, по нынешним понятиям, даже непо-

литкорректная. Я сам с большим подозрением отношусь к любым попыткам обобщений по национальному признаку. И все же факт остается фактом. Национальный характер как совокупность поведенческих черт, без труда опознаваемых со стороны, безусловно существует» [4: 18].

В каждой новой книге исторического повествования предлагается описание важного этапа становления нации как знака государственного объединения, очередной ступени национальной идентификации и процесса складывания особой ментальности будущей нации. Объединяющим сюжетом становится исследование взаимодействия / конфликта / взаимопроникновения европейского и азиатского в русской государственности и русском характере, что отражено в названиях уже вышедших книг: «Часть Европы» (в терминологии Б. Акунина, возникновение русославян), «Часть Азии», «Между Азией и Европой» (появление в результате влияния азиатского начала «пестрой души славянина», по выражению И. Бунина). И, наконец, готовящийся к изданию «следующий, четвертый том, посвященный Руси XVII века, будет называться “Между Европой и Азией” – к тому времени Московское государство отдрейфует еще дальше в западном направлении, все более дистанцируется от Востока» [6: 6].

Концепция о том, что своеобразие и трагедия национального пути России определяются ее геополитическим положением, более чем не нова, однако осовремененная научно-популярная систематизация русской истории («занимательная история») и закрепление ее в «занимательных картинках» исторической беллетристики и не предполагают новых концепций, но успех и полезность ее зависят от качества исполнения. Б. Акунин-историк идет вслед за известными историческими источниками, акцентируя внимание на тех фактах, событиях, характерах государственных деятелей, которые не только важны для превращения Руси в Российское государство, но интересны ему и, следовательно, будут интересны читателю. Б. Акунин-писатель активно использует те найденные им прежде приемы, которые обнаружили свою эффективность при акцентировании национальной проблематики в предыдущих проектах, прежде всего фандоринском цикле.

Б. Акунин убежден в том, что межнациональное непонимание – порождение укорененных предубеждений и стереотипов: «Историки пишут, что лица гуннов были безобразны: плоские, безбородые, “похожие на скопцов”, с маленькими, яростно прищуренными щелями вместо глаз. (К сожалению, у гуннов не было летописцев, так что у нас нет возможности знать, как растолковали себе гунны носатость, волосатость и пучеглазость европеоидов)» [4: 36].

Главная задача Б. Акунина-историка и беллетриста – разрушение давних национальных

рецептивных клише. Так, писатель активно и охотно «отдает» повествование носителю «чужого», по отношению к русскому, сознания: то греческому шпиону («Огненный перст»), то татарину («Звезда»), то Яшке Шельме («Бох и Шельма»), в котором перемешано столь много кровей, что ему ничего не стоило (при знании разных языков) играть любую национальную роль, в результате чего способность русских к национальной адаптации предстает намеренно акцентированно: «“Шельма” – немецкое бранное слово, пишется ихними латинскими буквами Schelm. Яшка всякую грамоту разбирал: и свою русскую, и латинскую, и татарскую. Оказавшись в чужом месте, среди чужих людей, он очень скоро приравнивался к тамошней жизни и становился своим. Все в себе менял и даже звался по-разному – как нарекут» [2: 149].

В «Огненном персте» внимание сосредоточено на самом процессе складывания новой национальной ментальности, сделана попытка ее художественной реконструкции. Одним из ведущих здесь становится метод визуальной характеристики. Так, русы даны глазами византийца: «Жили они кто как. Некоторые в длинных бревенчатых домах – заглянув в окно, аминтес увидел длинноволосых, длиннородых людей, которые ели у длинного стола, или лежали на лавках, или чистили оружие. Попадались и кожаные либо войлочные шатры. Но многие вэринги, кажется, без крова над головой и просто сидели вокруг больших костров. Все, как на подбор, плечистые, грубоголосые, заросшие буйным волосом, похожие на буйволы или на медведи» [1: 155]. Это взгляд представителя иной нации. Не менее важно для Б. Акунина поставить различные этносы, которые в будущем составят новую нацию, перед своеобразными «этническими зеркалами»: «Рориковы варяги себя “руссами” зовут, – сказал старик, глава семьи. – Они строгие, но живут по закону. Озоруют, а меру знают. Заозерных кривичей всех пожгли, поубивали, однако нас, словен, не трогают. Жить при них можно. Порядок есть...» [1: 142]. И вновь о двойственности русов-варягов-вэрингов: «Звери они. То ли серебром заплатят, то ли порешат ни за что. Поди знай» [1: 143]. Здесь ощутима почти прямая отсылка к И. Бунину, согласно которому поведение русского человека принципиально не предсказуемо, поскольку он сам не знает, что будет делать в следующую минуту: то ли на богомолье пойдет, то ли бритвой соседа по горлу полоснет.

Не пренебрегает Б. Акунин и приемом автоидентификации: «У нас, славян, как? – неторопливо начал Кый без всяких предисловий. – Чуть кто из князей в силу вошел, тысячонку копий имеет – сразу глядит, кого из соседей пограбить. Наберет добычи, захватит полон, и рад. А мне думается, от такого житья прибутку мало. Хочу по-другому державу строить. От торговли достатку больше,

чем от набегов» [1: 116], подсвеченной и подтвержденной взглядом со стороны: «Так может говорить только великий муж. Не вождь дикарей, а будущий правитель государства» [1: 117]. В повести «Плевок дьявола» показано, как происходит осознание себя *сильными* русскими. Один из героев, Святослав Ярославович, позволяет себе, не без грубой усмешки, «наставлять» византийского епископа: «Истинная сила, отче, в живородительности. У вас ее нет, а у нас есть. Мы кого хотим – берем, не спрашиваем. Поворачиваем, как нам охота, и оплодотворяем. Потому что ныне наше время, наша молодость, наша власть» [1: 254]. Доминирующая черта молодой ментальности, по Б. Акунину, это сплав (если не гремучая смесь) хитрости, веселого лукавства, удалы, размаха, куража и грубой силы. И в этом современный писатель чрезвычайно близок к позиции Н. Лосского, который в книге «Характер русского народа», исследуя такие черты русских, как религиозность, способность к высшим формам опыта, особое соотношение чувств и воли, свободолюбие, доброты, даровитость, пишет и о таких проявлениях русского характера, как: «экстремизм, максимализм, требования всего или ничего, невыработанность характера, отсутствие дисциплины, дерзкое испытание ценностей, чрезмерность критики», и делает вывод о том, что «поистине, Россия страна неограниченных возможностей и прав был французский историк Моно (Mond), сказавший, что русский народ – самый обаятельный, но и самый обманчивый» [8: 98].

Названные приемы – введение сознания чужого / чуждого русскому, подкрепленное визуальной характеристикой, использование принципа зеркального изображения, допуск в текст открытой этнонациональной самоидентификации – «работают» на три основных положения, важных при постановке Б. Акуниным национальной проблематики, «тайну русского характера», специфику христианства в православном варианте, принципиальную полиэтничность русских.

В рамках мифа о «таинственной русской душе» и русском характере Б. Акунин заинтересован разными вариантами поведения представителей новой нации, но более всего он привержен к двум традиционным национальным типам: русского авантюриста, «ухаря», который «рубаху рвет и характер показывает», и русского Гамлета (русского интеллигента). Иначе – это психотипы Мити и Алешки Карамазовых. О безусловном существовании в русском человеке авантюрного начала Б. Акунин пишет уже в первом томе исторического повествования, в главе «Герой или авантюрист?», задаваясь этим вопросом при размышлении о характере князя Святослава Игоревича: «Укорять Святослава, пожалуй, не за что – он был совершенно естественным порождением своей эпохи и воинственного варяжеского воспитания, но приходится констатировать, что жертвы, подвиги и походы этого выдающегося полководца были напрасны» [1: 167].

В повести «Князь Клюква» Б. Акунин сталкивает отчетливо представленные характеры: авантюриста и хозяина. Борис в полной мере наделен отрицательным обаянием, да, на нем лежит «каинова печать», но он энергичен, весел, бесстрашен, именно люди такого типа в будущем будут приращивать империю, без них движение истории было бы замедленным и в какой-то степени спокойно-скучным. Ингварь – иная ипостась русского характера, он соединяет в себе черты «великого маленького человека» русской литературы («Со стыдом уезжать или без стыда – вот весь выбор, к которому готовил себя бледный Ингварь, выезжая на своем одноглазом коне со двора» [1: 310]) с обликом хорошо образованного, рефлексивного, совестливого интеллигентного героя, не менее любимого отечественной словесностью: «Как это – князем быть? За всю землю, за всех людей перед Господом ответ держать?» [1: 290]. Если Борис, и в этом видится определенная авторская оценка характера, исчезает бесследно в поисках славы, то с Ингварем Б. Акунин не расстается, дописывая итог его судьбы в повести «Звездуха». Слабый внешне, он нестигаем перед лицом смерти и долга, что не может не вызывать восхищения у сильного противника («Хороший князь. Погибнет, жалко. Хороших князей на свете мало»), а читателя (в том числе скрытой цитатой из эпитафии) отсылает к героям «Капитанской дочки»: «Тут князь поднял руку. Невысоко и нерезко, но все разом умолкли. Обратился он не к Манулу, а к Калга-сэчэну, глядя ему прямо в глаза. Догадался, значит, кто на самом деле главный. – Мне Господь людей доверил. Как я их отдам? Они не мои, они Божьи. Хотите силой взять – берите. Как Бог рассудит. Его воля. А я против своей души не пойду. Тело погубить – полбеда. Душу погубить – вот настоящая беда. Шаман тоже сказал ему напрямую, без Манула: – Умный человек знает: лучше лишиться части, чем всего. – Части или чести? – спросил князь. – Не расслышал я» [2: 48–49].

Осмысляя национальную специфику и значимую функциональность русской церкви в формировании российской государственности, Б. Акунин настойчиво пишет о том, что «трудно переоценить роль, которую введение христианства сыграло в русской истории». В «Истории Российского государства» писатель указывает прежде всего на цивилизационное значение религии: «Благодаря новой вере – не сразу, постепенно – произошел качественный скачок в представлениях о правильности и неправильности, приемлемом и неприемлемом поведении, Добре и Зле» [5: 182]. В повестях-сопровождениях писатель делает акцент именно на нравственной составляющей русского православия. Показателен с точки зрения использования опыта русской философии и русской литературы образ священника, отца Мавсима Сирина. Персонаж,

появившийся в повести «Князь Клюква» и перешедший в повесть о начале монголо-татарского вторжения «Звездуха», типичен в своей двойственности, органичном сочетании языческой телесности и христианской духовности: «Удивительный пастырь был Мавсима. Несуровый, в праведный гнев не впадающий, на любую вину говорящий: “Ничего, Господь милостлив, помоли от сердца – простит”. В обычное время много шутил и сам на чужие шутки охотно хохотал. Был и лукав, и себе на уме, и на деньги скупенек, но в час, когда становилось не до шуток, будто чья-то рука отдергивала занавесь с намалеванной добродушной личиной, и проступал другой облик, истинный. Такого Мавсиму князь и чтит, и боится» [1: 300]. Образ православного священника раскрывает роль христианских ориентиров в бытовом поведении русских людей того времени, их учительскую миссию. Именно Мавсима помогает каждый раз своему князю сделать верный с точки зрения христианской этики выбор.

Полиэтничность осознается Б. Акуниным как основа особого лица русской нации. Бесконечные войны, этнические «разборки» дают вполне предсказуемый результат – смешение кровей. Так, конфликт Леса и Степи, ставший своим, «домашним» конфликтом (все со всеми давно породнились), дал лицу русских явственный азиатский акцент, многожды усиленный в Ордынский период: «От многолетней близости к Степи забродчане изрядно ополовечились. Стали черноволосыми и скуластыми. Здесь было в обычае приводить невест из орды, а бабы после каждого набега рожали узкоглазых детишек» [1: 358]. Возникает особая красота, обусловленная смешением кровей: «Ингварь и забыл, какой Борис красивый. Первая жена у отца была половчанка, но светловолосая, потому что приходилась дочерью венгерской королевы и внучкой австрийскому херцогу. От перемешения многих кровей брат получился молодцом на загляденье. Глаза синие – в отца, кудри светлые – в австрийскую прабабку, усы черные – в половецкого деда, нос соколиный – в деда венгерского» [1: 327]. Поразному представлены лица и разных ветвей руссов. Так, один из героев повести «Князь Клюква» выглядит настоящим украинским помещиком: «Сам-то Михаил Олегович кушал от души. Был он дороден, толсторыл. Концы длинных сивых усов перед ужином нарочно закрутил за уши, чтоб не мешали. С подбородка тройной складкой свисли брыли – князь в молодости жил в плену у ляхов и приучился там бриться» [1: 320].

Совершенно особую аранжировку этнонациональная проблематика получает в третьем томе исторического повествования «Между Азией и Европой» и повести «Вдовый плат», в которых главной интригой стало рождение *второго* русского государства (*первое*, по Акунину, возникло в доордынский период и было частью Европы),

сопровождающееся зарождением и укреплением державности Москвы, победившей вольный город Новгород: «Между областями страны существовали и серьезные культурные различия, которые в значительной мере определяли особенности политического строя. Если Москва и остальные четыре великорусских княжества образовались из прежних ханских владений и несли на себе отпечаток двух с лишним веков сильного татарского влияния, то Новгород ордынским духом был почти не затронут и сохранил изначальную русскость; западная же Русь чем дальше, тем больше полонизировалась и латинизировалась» [6: 28].

Противопоставление Новгород – Москва осуществляется Б. Акуниным через прямой конфликт русского – нерусского (испорченного русского) и проводится по нескольким линиям: бытовое поведение, уровень повседневной жизни, качество гражданского сознания. Писатель и здесь использует наработанные им приемы.

Во-первых, это визуальная характеристика: «Юркие зеленые люди, перебрехиваясь суетливым, акающим московским говором...» [3: 11]; «Иванова душа потемки. Будто и не русский вовсе, а татарин. – Он и есть татарин, – хмуро пробормотал посадник. – У них при московском дворе татарское платье носят, по-татарски говорят. Еще с родителя его повелось, с Василия Темного, чтоб ему, собаке, в геенне гореть...» [3: 91].

Во-вторых, перекрестные суждения, чужая точка зрения, московский взгляд на Новгород и, что встречается особенно часто, новгородский на Москву: «Свой кремль московские называют белокаменным, а он у них тоже серый. Дерюга, а не город. Вблизи низовская столица оказалась еще гаже, чем издали. С Новгородом нечего и сравнивать. Мостовой нет вовсе, возок прыгал с колдобины на ухаб. Навоз никто не убирает, смотреть погано. Всюду мусор, отбросы. Как же оно тут летом-то зловонит!» [3: 217].

В-третьих, использование принципа зеркально-контрастного изображения: «Толпа здесь была совсем не такая, как московская. – Захару с отвычки это бросалось в глаза. У московских мышьяная побегка, головы опущены, взгляд исподлобья, быстрый, в хребте вечная готовность поклониться. Эти же пялились кто на что хочет без опаски, морды сытые, дерзкие, походка вразвалку. И никто в лыковых лаптях, все в сапогах – вот это забылось. А потому что чисто, и кожи дешевы» [3: 25]; «Ну вот что, Захар... Про “Захарку” ты забудь, это у них в Москве людей по собачьей тычут. У нас в Новгороде полным именем зовут» [3: 33]; «У нас не Москва, мы людей по достоинствам ценим. Если ты умен и удачлив, станешь хоть боярином, хоть посадником. На том стоим» [3: 55]; «Ему (Ивану III. – Т. С., А. П., А. С.) надо одного: лишить Новгорода всех вольностей и превратить нас в своих холопов, чтоб мы перед

ним на коленках ползали, как его московский народишко» [3: 59]; «Новгородцы бы сейчас орали вознице: что за птицу везешь? Эти же пялятся молча, а некоторые сдергивают шапки – приучены кланяться силе и богатству» [3: 216].

Наконец, моделирование в тексте открытой этнонациональной самоидентификации: «Плохие мы воины. И не в войне только дело. Нам с великим князем не совладать, потому что ему своей державой править легко: как приказал, так и сделают. У нас же в Новгороде народ вольный, и каждого нужно уговорить, убедить. Они быстрые, мы медленные. У них одна голова, у нас тысяча» [3: 60]; «Московские хуже татар. Не русские они, порченые. Что за Москва такая? Вылезла, словно гнойный прыщ, и все растет, набухает, расплзается Антоновым огнем. Это мы, Новгород, – настоящая Русь. От нас все пошло, от вешего Олега. Он и Киев поставил, и прочие великие грады. А нынче только мы да Псков древнюю чистоту блюдем. Вот скажи, на что нам жить с этой полутатарвой?» [3: 75]; «А я бы с ними, с дикарями немьтыми, никаких дел вести не стала. Пускай без нас вконец отаряются» [3: 173].

Характерно, что москвичи мало озабочены истинно русскостью, им уже важнее не национальная общность, а государственная система: «Московские правила нетрудные. Власти не перечь, кланьяся ей чем ниже, тем лучше. Про законы ведай, что они для дураков писаны, и блюди один-единственный: понимай, что хочет власть – не на словах поворит, а на самом деле хочет, и никогда тому не препонствуй. На Москве дела делать выгодно. Григориева выслушала совет внимательно. Согласилась: – Да, так жить просто. Если у тебя хребет гибкий. Если ты не ногами по земле ходишь, а на брюхе извиваешься. – Это да. У кого хребет не гнется – здесь сломают» [3: 220].

Но новгородцы, «сей народ легкомысленный» (Карамзин), воспринимают «науку Московской жизни» (название одной из глав повести «Вдовий плат») как отход от правил жизни по-русски: «...Москва будет нам нестрашна. Мы ее к татарам ототрем, пуская с ними живет. Сами же воскресим Русь прежнюю, настоящую – от Новгорода до Киева!» [3: 116]; «Клятву преступить – перед Господом страшно, а перед нашим законом стыдно. Мы ведь христиане, не татары дикие, не Москва. Если станем свое слово нарушать, чем мы лучше?» [3: 118]; «...нельзя нам с ихней татарской державой вести никаких дел» [3: 206]. И главный «нерв» противостояния нерусской Москве, по Б. Акунину, заключался в том, что «само представление о том, что один человек может неограниченно распоряжаться делами княжества, было каким-то *нерусским* – так правили в Золотой Орде, но не на Руси» [6: 30]. Но одна из «главных женок» Новгорода, внимательно вглядываясь в образ жизни москвичей, проницательно

заметила: «Быстро живут, – подумала Григорьева, хмурясь. – Быстрее нашего. Не обогнали бы...» [3: 217].

Б. Акунин точно понимает (и принимает) то, что русская нация, как и российская государственность, складывались веками согласно вектору чередований западной и восточной цивилизаций. Будущую империю «вело то в сторону Запада, то в сторону Востока. Эти переходы из условной Европы в условную Азию настолько

очевидны, что мало кто из серьезных историков оспаривает историческую “двухкомпонентность” российской государственности» [3: 5]. Очевидно, что развитие проекта пойдет по этой силовой линии: в исторических томах продолжится исследование результатов крутых смен цивилизаций в русской истории, а в художественных соприкосновениях противоречивая полиэтничность будет основной психологического рисунка в изображении лица русского «меченого» рода.

* Работа выполнена в рамках интеграционного проекта УрО РАН «Формирование национальных художественных систем пермских литератур в социокультурном ландшафте России конца XIX – первой половины XX в.».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акунин Б. Огненный перст. Повести. М.: АСТ, 2014. 382 с.
2. Акунин Б. Бох и шельма. Повести. М.: АСТ, 2015. 302 с.
3. Акунин Б. Вдовий плат. М.: АСТ, 2016. 304 с.
4. Акунин Б. Часть Европы. История Российского государства. От истоков до монгольского нашествия. М., 2014. 396 с.
5. Акунин Б. Часть Азии. История Российского государства. Ордынский период. М.: АСТ, 2014. 393 с.
6. Акунин Б. Между Азией и Европой. История Российского государства. От Ивана III до Бориса Годунова. М., 2016. 384 с.
7. Корчагин П. Карамзин для бедных и ревнители официальной народности // Филолог. Интернет-журнал. 2013. № 25 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_25_541 (дата обращения 10.06.2016).
8. Лосский Н. О. Характер русского народа: В 2 кн. М.: Ключ, 1990. Кн. 2. 98 с.
9. Мильчин К. Джедаи против викингов // Русский репортер. 2013. № 49. С. 92–93.
10. Решетников К. «Я могу варить из исторических сухофруктов любой компот» [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.peoples.ru/art/literature/prose/detectiv/akunin/interview3.html> (дата обращения 12.12.2016).

Snigireva T. A., Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russian Federation)
Podchinenov A. V., Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russian Federation)
Snigirev A. V., Ural State Law University (Ekaterinburg, Russian Federation)

ETHNIC AND NATIONAL PROBLEMS IN B. AKUNIN'S WORK (PROJECT “HISTORY OF THE RUSSIAN STATE”)

B. Akunin's latest historical and literature project “History of the Russian State” was studied in a number of aspects. Firstly, a historical concept underlying this project was analyzed. Secondly, an attempt to find out correlations between the history and literature, peculiar for the modern variant of interpretation the beginning and further development of the Russian state was undertaken. Thirdly, B. Akunin's version of the problem of the Russian national development, directly connected with the process of the Russian state formation, was studied. The conducted analysis helped to identify the main three levels of the “Russianness” and the means employed by the author to reflect this phenomenon: the mystery of the Russian character; the importance of the Russian Orthodox Church; and the principal polyethnicity as a basis of the national integrity. The analysis revealed the author's stylistic devices used to solve numerous ethnic and national problems: addition of another (“non-Russian”) conscience, substantiated by the visual anthropology; the mirror reflection principle; and an opened national self-identification within the text. Finally, a conclusion of the possible development of the project along the force line of Eurasianism is made: the results of sudden changes of civilization in Russian history will be analyzed in the works on history, the controversial polyethnicity will probably become the basis for the psychological depiction of the appearance of the Russian so-called “mecheny” (“labeled”) kin.

Key words: B. Akunin, polyethnicity, historical / artistic, European, Asian, Russian

REFERENCES

1. Akunin B. *Ognennyy perst* [The Fiery Finger]. Moscow, AST Publ., 2014. 382 p.
2. Akunin B. *Bokh i Shel'ma. Povesti* [Bosch and Schelm]. Moscow, AST Publ., 2015. 302 p.
3. Akunin B. *Vdoviy plat* [Widow's shawl]. Moscow, AST Publ., 2016. 304 p.
4. Akunin B. *Chast' Evropy. Istoriya Rossiyskogo gosudarstva. Ot istokov do mongol'skogo nashestviya* [Part of Europe. The History of the Russian State. From the Beginning to the Mongol Conquest]. Moscow, AST Publ., 2014. 396 p.
5. Akunin B. *Chast' Azii. Istoriya Rossiyskogo gosudarstva. Ordynskiy period* [Part of Asia. The History of the Russian State. Horde Period]. Moscow, AST Publ., 2014. 393 p.
6. Akunin B. *Mezhdru Aziei i Evropoy. Istoriya Rossiyskogo gosudarstva. Ot Ivana III do Borisa Godunova* [Between Asia and Europe. The History of the Russian State. From Ivan III to Boris Godunov]. Moscow, AST Publ., 2016. 384 p.
7. Korchagin P. Karamzin for the Poor and the Devotees of Official Nationality [Karamzin dlya bednykh i revniteli ofitsial'noy narodnosti]. *Filolog. Internet-zhurnal* [The philologist. The Internet journal]. 2013. № 25. Available at: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_25_541 (accessed 10.06.2016).
8. Losskiy N. O. *Kharakter russkogo naroda* [The character of the Russian people]. In 2 parts. Moscow, 1990. Part 2. 98 p.
9. Mil'chin K. Jedi vs Vikings [Dzhedai protiv vikingov]. *Russkiy reporter* [Russian reporter]. 2013. № 49. P. 92–93.
10. Reshetnikov K. “Ya mogu varit' iz istoricheskikh sukhofruktov lyuboy kompota” [I can cook from historical dried fruits any compote]. Available at: <http://www.peoples.ru/art/literature/prose/detectiv/akunin/interview3.html> (accessed 12.12.2016).

Поступила в редакцию 31.01.2017

АННА ДМИТРИЕВНА ГУСАРОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и методики начального образования Института педагогики и психологии, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
adgus2016@mail.ru

КАК СОЗДАЕТСЯ МИР ФЭНТЕЗИ (к вопросу о требовании психологического правдоподобия в фантастике)

Рассматривается один из критериев бытования жанра фэнтези, в частности русской фэнтези конца 90-х годов XX века. Этим критерием является особая жанрообразующая деталь – специфика психологического правдоподобия в фантастике. Этому правдоподобию стараются добиться все писатели фэнтези, создавая свой вымышленный невозможный мир, образующийся в процессе игровой интерпретации как мира реального, исторического, так и мира вторичного, внесюжетного, который обрамляет фантастический сюжет, своеобразное преломление приема «текст в тексте». Таким образом, писатель-фантаст стремится к тому, чтобы всеми доступными способами создать отношение вторичного фантастического мира к самому себе, текстуально-иллюстративное переживание себя. Для этих целей художественный фантастический сюжет обогащается системой карт вторичного мира, выдуманными языками, вторичной литературой, вторичным фольклором и мифом.

Ключевые слова: игровая интерпретация, парадоксальная достоверность изображения невероятного, внесюжетная реальность, вторичный мир, вторичное свидетельство, «текст в тексте»

В 1984 году Т. А. Чернышева предположила, что фэнтези обладает игровой природой [19: 112]. Мы, продолжая эту мысль, можем предположить, что мир фэнтези создается в процессе игровой интерпретации. При этом основа игрового авторского толчка может изыскиваться и в среде физических законов и исторических реалий действительного мира, и в среде известных сюжетов или чужих текстов [3]. В этом смысле поэтика фэнтези продолжает традицию сказочной поэтики, которая, по словам К. Леви-Стросса, уже содержит возможности для игры [5: 20]. Наиболее очевидную иллюстрацию игрового превращения сказочного сюжета в литературный предложил некогда А. Сапковский в своей бессмертной статье «Вареник, или Нет золота в Серых горах». Это был результат наблюдения писателя за сюжетными канонами традиционной фэнтези. Для этого он выбрал известный сюжет о Золушке. На выходе получилась модель традиционного сюжета фэнтези, где первичный текст выступает как актуальный мир, чьи наборы первоэлементов можно изменить, попробовав вывести новые следствия из аксиоматики [14: 98].

В своей игровой интерпретации польский фантаст специально заостряет внимание на особой детали, свойственной поэтике фэнтези, – некоторой соотнесенности событий сюжета с известными историческими событиями. В контексте перевоплощенной сказки это «фрагмент диалога, в котором гости принца комментируют заседания Константинопольского Собора» [10: 123]. В пересозданном сюжете эта соотнесенность выступает как игровой признак жанра. Совершенно очевидно, что социально-временной контекст – основа

для любого литературного произведения [4: 133], а для произведения массовой литературы – тем более, ведь «массовый читатель ценит прежде всего знаки истории» [9: 218].

Возникает некоторый парадокс, о котором Оден Х. Уистен говорит так: «...вымышленный мир требует логики, ибо это мир порядка, а не произвола... Для читателя (он) должен быть не менее правдоподобным, чем мир реальный» [7: 561–562]. Эта мысль особенно парадоксальна в отношении фэнтезийных текстов, содержащих небывалый ранее в советской фантастике объем сверхъестественного начала, которое является одним из ее жанровых признаков. И описание этого начала – крайне фантастично. Однако этот парадокс возник не сейчас и преодолевался всей традицией фантастической прозы – литературной и фольклорной. Читая, к примеру, романтиков, мы видим, как автор всеми доступными средствами старается заверить читателя в том, что «рассказ, несмотря на кажущееся неправдоподобие, правдив» [13: 107]. Н. Берковский объясняет такую правдивость парадоксальной достоверностью изображения невероятного, приводя пример четко выписанных деталей обыкновенной жизни необыкновенного существа в рассказе Г. Клейста «Нищенка из Локарно»: «...и солома – парадокс, и ее шуршание – парадокс, и костыли» [1: 412]. И в фантастической фольклорной прозе – быличке (бывальщине) есть тот же самый преодолеваемый парадокс, когда рассказчик ссылается на авторитет коллектива, коллективную память или отдельных свидетелей чудесного происшествия [8: 11]. Ту же проблему решает переходная сфера от фольклора к литературе – сказочная

исландская сага, в которой «сама подача фантастического – конкретность описаний, натуралистичность деталей и т. п. – должна создавать впечатление, что оно – действительность. Такие заверения – это художественный прием» [13: 107]. Современная фантастика, продолжая традицию изображения необыкновенного – фольклора, саги, романтической литературы – делает в своей художественной системе некоторый круг. Она не только развивает возможности фантастического, заданные романтизмом, что было бы понятно, так как и то и другое – литературные художественные тексты. Фантастика на современном уровне воссоздает особый художественный прием подачи фантастического, свойственный фольклорной традиции, – с отсылкой к некоторой внетекстовой (или внесюжетной) реальности, наличием какого-то воображаемого свидетеля [8: 11]. С одной стороны, этой внетекстовой реальностью может выступать ассоциативная сторона изображения вторичного мира, когда «неизвестное можно построить только из известного» [14: 99]. И здесь наиболее ярко проявляется требование художественного правдоподобия, выраженное в фэнтези ассоциативной отсылкой к известным сторонам действительности или всем известной исторической реалии, как заседание Константинопольского собора в примере Сапковского. На этом приеме практически строится вся система альтернативных миров, где пересоздается реальностная картина действительности и возникает веер возможных миров [3: 38].

Правдоподобная приуроченность вымышленных событий к историческим событиям или событиям, принимаемым за действительность, находится в традиции становления мирового литературного вымысла. Так, в работе «Мир саги. Становление литературы» М. Н. Стеблин-Каменский отмечает, что «развитие осознанного вымысла в древнеисландской литературе началось в тех сагах, в которых рассказывалось о периферийном прошлом, т. е. самом далеком прошлом» [13: 200]. В процессе становления русской литературы при трансформации сказки в повесть происходит приблизительно та же ситуация. Например, в статье о создании «Повести о Савве Грудцыне» исследователь И. П. Смирнов, рассматривая систему трансформации, выделяет попытку «автора <...> убедить читателя в правдивости событий», где «основные испытания приурочены к промежутку исторического <...> времени – осаде Смоленска» [12: 295]. Наличие описания исторического факта, который хронологичен внутреннему времени сюжета, значительно повышает уровень достоверности вымышленного повествования.

Для поэтики русской фэнтези наиболее очевидны примеры тех произведений, в которых действие происходит в вымышленной реальности, соотносящейся с XX веком, как наиболее знакомым современному читателю временем. Например, в романе А. Лазарчука, М. Успенско-

го «Посмотри в глаза чудовищ»¹ наряду с событиями, происходящими во время Гражданской и Отечественной войн, накануне Олимпиады-80 и т. д., описывается такое общественно-политическое событие, как I Всесоюзный съезд писателей в августе 1934 года, который действительно открывался выступлениями Горького и Жданова.

С другой стороны, требование правдоподобия может актуализироваться с помощью создания внесюжетной реальности. Создание некоторой внесюжетной, но тесно связанной с авторским повествованием вторичной реальности – создание того нечто, что обладает правами свидетеля.

Художественное повествование фэнтези не может похвастаться наличием живого свидетеля – очевидца своих сверхъестественных событий или авторитетного коллектива (за исключением игровой ситуации ролевой субкультуры). Поэтому в качестве свидетельства о реальности сверхъестественного выступает психологически оправданное описание, сдобренное зачастую псевдодокументальными фрагментами вторично-исторических хроник, отрывками вторично-литературных произведений: внутренних стихов, песен, романов и т. д. Писатель создает лингвистическую, мифологическую, географическую и иные детальные картины придуманного им мира. Он наделяет свое создание традициями быта, обрядов, суеверий, фольклора [2], литературных псевдоисточников и, порою, лингвистическими изысканиями в области фантастических языков [11]. Конечно, знаменитым основоположником лингвистической традиции в фантастике (традиции создания вторичных языков) стал Толкиен и его роман «Сильмариллион»², в процессе работы над которым писатель создал несколько фантастических языков и диалектов. В русском справочном издании по вторичной мифологии Средиземья содержится около 800 слов эльфийского словаря, которые используются в фантастическом повествовании [17].

Исторические, этнографические, картографические, лингвистические, мифологические, демонологические и иные приложения-справки, а также вставные внефабульные элементы сюжета становятся в русском произведении фэнтези особым художественным приемом текста в тексте, создающего впечатление достоверности [6: 3–18]. Об этом еще в начале 90-х годов высказывается С. Троицкий: «Создавая такой мир <...> можно тщательно придумать его космогонию и мифологию, историю и географию, язык и письменность» [18: 10]. Бывает так, что роман-фэнтези начинается именно с карты фантастической страны, например роман А. Бушкова «Сварог. Нечаянный король»³ и весь последующий цикл; в романе Б. Чиркова «Замок на стыке миров»⁴ внутри текста приводится карта Замка. Порой издание заканчивается справочным аппаратом, объясняющим хронологию событий внутренней истории, «Алфавитным указателем имен, топонимов и мифологических персонажей»; или

может начинаться даже фразеологическим ролевым словарем, как это сделано в предварении к роману О. Дивова «Предатель»⁵.

Очень часто в тексте фэнтези наличествуют фрагменты песен, стихов, литературных произведений вторичной фантастической реальности. Например, в романе М. и С. Дяченко «Ритуал»⁶ герой-дракон пишет «драконьи» стихи: «Туда, где солнце, никто не летает при свете дня. / Крылья устали. Внизу ожидают / Меня». Или в романе В. Ночкина «Меняла»⁷ герой обнаруживает некие документы самого еретического и скандального во вторичной художественной неомифологической реальности проповедника. Также может обнаружиться фрагмент вторичного Святого Писания, как это сделано в романе С. Лукьяненко «Близится утро»⁸. В романе М. Семеновой «Волкодав»⁹ герой-странник читает географические книги – «Землеописания» внутреннего мира. Фрагменты псевдогеографического труда время от времени приводятся в тексте, что вообще свойственно всему творчеству Марии Семеновой, как об этом пишет В. С. Толкачев [16]. Наиболее качественный уровень верификации текста в романе С. Логинова «Многорукый бог далайна»¹⁰, где существует созданный с этнографической точностью вторичный фантастический мир. В нем все своеобразно: звучание имен, система социальных, политических, семейных отношений, название и предназначение животных, система мифологических сюжетов. Роман начинается с пересказа внутреннего мифа, что вообще свойственно неомифологическому

осмыслению текущей реальности в творчестве современных писателей-фантастов, пишущих для всех возрастов [3]. Усиливая функцию вторичного свидетельства в произведениях фэнтези, наравне с ними могут быть реальными фрагменты стихотворений и песен. Например, роман Олди «Я возьму сам»¹¹ начинается с фрагмента «Баллады Короля» И. Бродского в качестве эпитафии, и здесь же обнаруживается фрагмент вторичной исторической летописи о падении фантастического города Кабира.

С помощью приема «текст в тексте» возникает ощущение некоторой внетекстовой реальности, физически не существующей, но вызывающей доверие, – своеобразного «свидетеля», подтверждающего особую реальность фантастического мира. Осмысление данной внетекстовой реальности помогает адекватному восприятию непосредственного художественного текста [15: 110], а следовательно, и читательскому доверию к «свидетелю о сверхъестественном».

Таким образом, *фундаментальное в фантастике требование правдоподобия или психологическое правдоподобие обязательно в любом произведении жанровой разновидности фэнтези*. Требование психологического правдоподобия увязывает в систему, вызывающую доверие читателя, бытовые реалии созданного мира, его сверхъестественные законы, его внутреннюю историю, его отношение к внутреннему божественному пантеону, то есть *всеми доступными способами создается отношение вторичного фантастического мира к самому себе, переживание себя*.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Лазарчук А. Успенский М. Посмотри в глаза чудовищ: [Фантаст. роман]. М.: Эксмо-Пресс, 2001. 539 с.
- ² Толкиен Дж. Р. Р. Сильмариллион. Эпос нолдоров / Пер. с англ. Л. Эстель. М.: Гиль Эстель, 1992. 416 с.
- ³ Бушков А. Сварог: Нечаянный король. Красноярск: БОНУС; М.: Олма-Пресс, 2001. 512 с.
- ⁴ Чирков В. Замок на стыке миров: [Роман]. СПб.: Азбука, 1997. 380 с.
- ⁵ Дивов О. Предатель. Молодые и сильные выживут. Толкование сновидений. М.: Эксмо, 2003. 636 с.
- ⁶ Дяченко М. и С. Ритуал: Повести и рассказы. М.: АСТ, 2000. 425 с.
- ⁷ Ночкин В. Меняла. Обычное дело: [Роман, повесть]. СПб.: Азбука-классика, 2004. 384 с.
- ⁸ Лукьяненко С. Близится утро: Фантаст. роман. М.: ООО АСТ, 2000. 384 с.
- ⁹ Семенова М. Волкодав: [Роман]. СПб.: Азбука, 1997. 605 с.
- ¹⁰ Логинов С. Многорукый бог далайна: [Фантаст. роман]. СПб.: Terra, 1997. 476 с.
- ¹¹ Олди Г. Л. Я возьму сам: Роман. М.: ЗАО ЭКСМО-Пресс, 1998. 480 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. СПб.: Азбука-классика, 2001. 512 с.
2. Дворак Е. Ю. Неомифологические элементы в жанре детского фэнтези (на материале повести С. Лукьяненко «Мальчик и Тьма») // Сборник научных трудов студентов, аспирантов и соискателей. 2014. Вып. 2. М.: ИМПЭ им. А. С. Грибоедова, 2014. С. 159–163.
3. Кострова О. А. Теория возможных миров в анализе художественных произведений жанра фэнтези // Университетские чтения: Материалы научно-методических чтений ПГЛУ, 13–14 января 2011. Ч. II. Пятигорск, 2011. С. 33–38.
4. Лакассен Ф. Сравнительный анализ архетипов популярной литературы и комикса: Пер. с фр. // Новое литературное обозрение. 1996. № 22. С. 129–141.
5. Леви-Стросс К. Структура и форма: размышления над одной работой Владимира Проппа // Зарубежные исследования по семиотике фольклора: Сб. ст. М., 1985. С. 9–34.
6. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.
7. Оден У. Х. В поисках героя / Пер. с англ. Д. Афиногенов // Толкин Дж. Сильмариллион: пер. с англ. М., 2001. С. 549–572.
8. Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975. 191 с.
9. Пономарев Е. Книжка на все случаи жизни // Новый мир. 1997. № 11. С. 217–221.
10. Сапковский А. Вареник, или Нет золота в Серых горах // Нет золота в Серых горах. Мир Короля Артура: Критические статьи. Бестиарий / Пер. с пол. Е. П. Вайсброта. М., 2002. С. 120–126.
11. Скворцов В. В. Вымышленные языки в поэтике фантастической прозы США второй половины XX века: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2015. 201 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://disser.spbu.ru/disser2/disser/Skvortsov_vv_dissert.pdf (дата обращения 12.06.2016).

12. Смирнов И. П. От сказки к роману // История жанров в русской литературе X–XVII вв. Л.: АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом), 1972. С. 284–320.
13. Стеблин-Каменский М. Н. Мир саги. Становление литературы. Л.: Наука, 1984. 245 с.
14. Тамарченко Е. Д. Мир без дистанции: (о художественном своеобразии современной научной фантастики) // Вопросы литературы. 1968. № 11. С. 96–115.
15. Тарасов Е. Ф. Текст: проблемы формирования навыков смыслового восприятия // Аспекты изучения текста: Сб. науч. тр. М., 1981. С. 109–113.
16. Толкачева В. С. Реальные факты и вымысел в романе М. В. Семенов и А. Константинова «Меч мертвых» // Эстетико-художественное пространство мировой литературы: Материалы междунар. научно-практ. конф. «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIII Кирилло-Методиевские чтения», г. Москва, 15 мая 2012 г. М.; Ярославль: Ремдер, 2012. С. 184–189.
17. Толкиен Дж. Р. Р. Сильмариллион. Эпос нолдоров / Пер. с англ. Л. Эстель. М.: Гиль Эстель, 1992. 416 с.
18. Троицкий С. Мир Хайборийской эры // Говард Р. Конан и четыре стихии: Пер. с англ. СПб., 1992. С. 3–11.
19. Чернышева Т. А. Природа фантастики. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1984. 330 с.

Gusarova A. D., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

THE WORLD OF FANTASY CREATION (on psychological truthfulness requirements in fantastic fiction)

The given article deals with one of the existing criteria of the fantasy genre characteristic of the Russian fantasy of the late 1990s. This criterion is presented by the unique genre forming feature – specific psychological truthfulness in fantastic fiction. The essence of truthfulness is traditionally pursued by all fantasy writers who create their own imaginary and “impossible” world, which is formed in the process of actable interpretation of two worlds: a real and a historical one and the unreal, a non-narrative one. The latter embraces a fantastic plot. It also involves a unique application of the “a text in the text” method. Thus, every fantasy writer tries to create, by all possible means, a particular attitude of the secondary fantastic world to himself, a textual-illustration of the personal self-understanding. For this exclusive purpose a fantastic plot is enriched by a system of the secondary world maps and invented languages, by the secondary literature, and by the secondary folk-lore and myths.

Key words: a actable interpretation, a paradoxical truthfulness, the image of incredible, the extra-subject reality, the secondary world, the secondary evidence, “a text in the text”

REFERENCES

1. Berkovskiy N. Ya. *Romantizm v Germanii* [Romanticism in Germany]. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2001. 512 p.
2. Dvorak E. Yu. Neomythological Elements in the Genre of Children’s Fantasy (on the material of the story by S. Luk’yanenko “The Boy and the Darkness” [Neomifologicheskie elementy v zhanre detskogo fentezi (na materiale povesti S. Luk’yanenko “Mal’chik i T’ma”)]). *Sbornik nauchnykh trudov studentov, aspirantov i soiskateley*. Moscow, IMPE imeni A. S. Griboedova Publ., 2014. P. 159–163.
3. Kostrova O. A. The Theory of Possible Worlds in the Analysis of Literary Works of Fantasy Genre [Teoriya vozmozhnykh mirov v analize khudozhestvennykh proizvedeniy zhanra fentezy]. *Universitetskie chteniya: Materialy nauchno-metodicheskikh chteniy PGLU, 13–14 yanvarya 2011. Ch. II*. Pyatigorsk, 2011. P. 33–38.
4. Laksen F. Comparative Analysis of the Archetypes of Popular Literature and Comics [Svravnitel’nyy analiz arkhetyпов populyarnoy literatury i komiksa]. Translation from French. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 1996. № 22. P. 129–141.
5. Levi-Stross K. Structure and Form: Reflection on the Work by Vladimir Propp [Struktura i forma: razmyshleniya nad odnoy rabotoy Vladimira Proppa]. *Zarubezhnye issledovaniya po semiotike fol’klora: Sb. st.* Moscow, 1985. P. 9–34.
6. Lotman Yu. M. *Struktura khudozhestvennogo teksta* [The Structure of the Art Text]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1970. 384 p.
7. Oden U. Kh. Searching for a Hero [V poiskakh geroya]. Transl. from Eng. By D. Afinogenov *Tolkin D. Sil’marillion*. Moscow, 2001. P. 549–572.
8. Pomerantseva A. V. *Mifologicheskie personazhi v russkom fol’klora* [Mythological Characters in Russian Folklore]. Moscow, Nauka Publ., 1975. P. 191.
9. Ponomarev E. The Book for All Occasions [Knizhka na vse sluchai zhizni]. *Novyy mir*. 1997. № 11. P. 217–221.
10. Sapkovskyy A. The Dumpling, or There is No Gold in Grey Mountains. The World of King Arthur. Critical Articles. Bestiary [Varenik, ili Net zolota v Serykh gorakh. Mir korolya Artura. Kriticheskie stat’i. Bestiariy]. Transl. from Polish by E. P. Vaisbrot. Moscow, 2002. P. 120–126.
11. Skvortsov V. V. *Vymyshlennyye yazyki v poetike fantasticheskoy prozy SShA vtoroy poloviny XX veka: Dis. ... kand. filol. nauk* [Fictional Languages in the Poetics of US Fiction Prose of the Second Half of the 20th Century: Dissertation, Candidate of Philology]. St. Petersburg, 2015. 201 p. Available at: https://disser.spbu.ru/disser2/disser/Skvortsov_vv_dissert.pdf (accessed 12.06.2016).
12. Smirnov I. P. From Fairy Tales to the Novel [Ot skazki k romanu]. *Istoriya zhanrov v russkoy literature X–XVII vv.* Leningrad, AN SSSR, In-t rus. lit. (Pushkinskiy Dom) Publ., 1972. P. 284–320.
13. Steblin-Kamenskiy M. N. *Mir sagi. Stanovleniye literatury* [The World of Saga. Formation of Literature]. Leningrad, Nauka Publ., 1984. 245 p.
14. Tamarchenko E. D. World without Distance (about the artistic originality of modern science fiction [Mir bez distantsii: (o khudozhestvennom svoebrazii sovremennoy nauchoy fantastiki)]. *Voprosy literatury*. 1968. № 11. P. 96–115.
15. Tarasov E. F. Text: Problems of Formation of Semantic Perception Skills [Tekst: problemy formirovaniya navykov smyslovogo vospriyatiya]. *Aspekty izucheniya teksta: Sb. nauch. tr.* Moscow, 1981. P. 109–113.
16. Tolкачева В. С. Real Facts and Fiction in “Sword of the Dead”, the Novel by M. V. Semenova and A. Konstantinov [Real’nye fakty i vymysel v romane M. V. Semenovoy i A. Konstantinova “Mech mertvykh”]. *Estetiko-khudozhestvennoe prostranstvo mirovoy literatury: Materialy mezhdunar. nauchno-prakt. konf. “Slavyanskaya kul’tura: istoki, traditsii, vzaimodeystvie. XIII Kirillo-Mefodievskie chteniya”*, g. Moskva, 15 maya 2012 g. Moscow; Yaroslavl, Remder Publ., 2012. P. 184–189.
17. Tolkien Dzh. R. R. *Sil’marillion. Epos noldorov* [Silmarillion. The Epos of the Noldors]. Transl. From Eng. By L. Estel. Moscow, Gil’ Estel’ Publ., 1992. 416 p.
18. Troitskiy S. The World of Hyborian Age [Mir Khayboriyskoy ery]. *Govard P. Konan i chetyre stikhii: Per. s angl.* St. Petersburg, 1992. P. 3–11.
19. Chernysheva T. A. *Priroda fantastiki* [The Nature of Fiction]. Irkutsk, Irkutsk University Publ., 1984. 330 p.

Поступила в редакцию 05.07.2016

АНАСТАСИЯ ВИКТОРОВНА КОТОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Санкт-Петербургская государственная академия ветеринарной медицины (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
 anastakot@gmail.com

К ВОПРОСУ О КОМПОЗИЦИИ ЦЕПЕЙ СРАВНЕНИЙ В «ЭНЕИДЕ» ВЕРГИЛИЯ

Рассматривается цепь сравнений как художественный прием. В качестве примера выбраны пассажи из 5-й и 10-й книг «Энеиды» Вергилия: *атакующий Энтелла Дарет – воин, который пытается напасть на укрепление* (V, 439–442), *падающий Энтелл – сосна, которая падает с горы* (V, 446–449), *Энтелл, наносящий удары Дарету – град, бьющий кровли* (V, 455–460); *Мезенций, окруженный тирренцами – скала, которая подвергается влиянию бурь и непогоды* (X, 693–696), *враги, опасующиеся подойти близко к Мезенцию – охотники, которые боятся подойти вплотную к вепрю* (X, 707–718), *Мезенций – лев, враги – серна/олень* (X, 723–729), *Мезенций – Орион* (X, 763–768). Автор анализирует особенности композиций обеих цепей и отмечает некоторое разнообразие моделей их построения: в 5-й книге поэт, последовательно располагая сравнения, готовит читателя к финалу, в 10-й книге завершение выглядит неожиданным: хотя на протяжении всего пассажа читатель утверждает в мысли о победном положении Мезенция, в финале его ожидает удел жертвы.

Ключевые слова: эпос, римская литература, Вергилий, «Энеида», стилистика, сравнения

Сравнения являются неотъемлемой частью стиля эпических поэм. Цель настоящей статьи – выявить особенности использования этого художественного приема на материале узкой группы сравнений, а именно – цепей сравнений, для расширения представлений об авторской манере Вергилия.

Цепью сравнений мы называем пассажи, где несколько сравнений расположены последовательно и связаны между собой¹. Однако не все цепи построены одинаково. Варианты композиции рассмотрим на примере двух цепей: из 5-й и 10-й книг «Энеиды».

В 5-й книге поэмы, где речь идет о поминальных играх по Анхизу, рассказывается о состязании в кулачном бою юноши Дарета и старика Энтелла. Перед тем как разбирать сами сравнения, взглянем на текст, предшествующий цепи (ст. 363–425). Эней приглашает желающих принять участие в состязании и назначает награды. Дарет тут же выходит вперед, при этом он охарактеризован как *vastis cum viribus*² («с безмерными силами», ст. 368). В числе его подвигов – единоборство с Парисом и убийство Бута, сына Амика, на могиле Гектора (ст. 370–374), также о нем говорится *ostenditque umeros latos* («демонстрирует широкие плечи», ст. 376). Никто не решается вступить с Даретом в битву, и ему готовы отдать награду без боя. Тем временем Акест упрекает Энтелла в том, что тот не выходит состязаться с Даретом, и напоминает ему былые заслуги, ведь он: *heroum quondam fortissime* («когда-то храбрейший из героев», ст. 389), и спрашивает: *ubi fama per omnem/Trinacriam et spolia illa tuis pendentia tectis?* («где слава на всю Тринакрию

и памятные доспехи (т. е. доспехи врагов), висящие в твоём доме?»), ст. 392–393). Энтелл же оправдывается своим возрастом. Отметим, что в небольшом отрывке (ст. 394–420) три раза подчеркивается его старость (*senecta*, ст. 395; *senior*, ст. 409; *senectus*, ст. 416). После того как Энтелл условился состязаться с Даретом без ремней и снял их, поэт применительно к его телу использует прилагательное *magnus*: *et magnos membrorum artus, magna ossa lacertosque/exuit* («и крупные суставы конечностей, и крупные кости плеч обнажил», ст. 422), а затем обобщающе называет его *ingens* («мощный», ст. 423), то есть акцент делается не на том, что Энтелл старый и слабый, а на том, что он крупный и мощный. Вслед за тем говорится, что Эней вынес одинаковые ремни (*caestus aequos*, ст. 424) и обмотал руки обоих равным оружием (*paribus armis*, ст. 425), это подчеркивает, что противники на момент начала состязания находятся в равных условиях. Но в стихах, описывающих начало битвы, снова отмечается некоторое превосходство Дарета (ст. 430–432):

*ille pedum melior motu fretusque iuventa,
 hic membris et mole valens; sed tarda trementi
 genua labant, vastos quatit aeger anhelitus artus.*

«Один лучше движением ног и полагается на молодость, другой силен мощью тела, но медленные колени дрожат у [него] содрогнувшегося, одышка сотрясает крупные суставы»³.

Тем не менее Энтелл твердо стоит на ногах и избегает ударов (ст. 437–438):

*stat gravis Entellus nisuque immotus eodem,
 corpore tela modo atque oculis vigilantibus exit.*

«Твердо стоит Энтелл и недвижим из-за того же напряжения, только уклоняется от оружия с напряжением в теле и взоре».

Таким образом, в отрывке, предваряющем цепь сравнений, поэт поочередно отмечает сильные стороны то одного, то другого противника, тем самым уравнивая их шансы на успех.

Первое сравнение касается Дарета (ст. 439–442):

ille, velut celsam oppugnat qui molibus⁴ urbem
aut montana sedet circum castella sub armis,
nunc hos, nunc illos aditus, omnemque pererrat
arte locum et variis adsultibus inritus urget.

«Он, словно тот, кто атакует город, возвышающийся укреплениями, или разбивает стоянку с оружием вокруг горных укреплений, то одни, то другие подступы и всякое место хитро обходит и разными натисками тщетно теснит».

Здесь Дарет, атакующий Энтелла, сравнивается с воином, который пытается напасть на укрепление, однако все его действия, несмотря на хитрости и уловки, оказываются тщетными. В этом сравнении два объекта и два образа: *Дарет – воин, Энтелл – город*; действия Дарета, как и воина, тщетны: Энтелл, как и город, не сдаётся.

Второе сравнение касается Энтелла (ст. 446–449):

Entellus viris in ventum effudit et ultro
ipse gravis graviterque⁵ ad terram pondere vasto
concidit, ut quondam cava concidit aut Erymantho
aut Ida⁶ in magna radicibus eruta pinus.

«Энтелл попусту истратил силы, и уже сам, всей тяжестью тела, тяжело обрушивается на землю огромной массой, как некогда дулистая сосна, вырванная с корнями, падает с Эриманфа или Иды высокой».

В этом пассаже падающий на землю Энтелл сравнивается с сосной, которая падает с горы. *Tertium comparationis* – внешность героя, то есть он такой большой, как сосна⁷: ранее, как мы помним, уже отмечалось, что он крупный (*magnus*) и мощный (*ingens*). Здесь к Энтеллу применены слова *gravis* и *graviter*, что связывает эти стихи с предыдущим контекстом: в ст. 437, где говорится о том, что герой твердо стоит и избегает ударов, он также назван *gravis*. Позже эта связь окажется важной для исхода битвы.

Третье сравнение выглядит следующим образом (ст. 455–460):

tum pudor incendit viris et conscia virtus,
praecipitemque Daren ardens agit aequore toto
nunc dextra ingeminans ictus, nunc ille sinistra.
nec mora nec requies: quam multa grandine nimbi
culminibus crepitant, sic densis ictibus heros
creber utraque manu pulsat versatque Dareta.

«Тогда и стыд, и сознаваемая доблесть разжигают силы, и, воспламенившись, [Энтелл] по всему полю гонит Дарета вперед, то правой рукой повторяя удары, то левой. Нет ни промедления, ни покоя: как частым градом тучи стучат по крышам, так преследующий герой, обеими руками нанося частые удары, бьет и гонит Дарета».

В этом описании Энтелл, поднявшись, нападает на Дарета и, нанося ему удары, которые сравниваются с градом, бьющим кровли, гонит его; таким образом, в этом сравнении, как и в первом в этой цепи, два объекта и два образа: *Энтелл – град, Дарет – кровли*; в роли победителя выступает Энтелл, в роли жертвы – Дарет, как и в первом сравнении.

В стихах, предшествующих сцене состязания, Вергилий отметил молодую силу Дарета и старческую немощь Энтелла, однако на победу соперники имеют примерно равные шансы. Что касается самой цепи, в первом сравнении Дарет *тщетно* атакует Энтелла, тот в свою очередь не сдаётся; во втором сравнении Энтелл падает⁸; в третьем – Энтелл наносит Дарету удары. Кроме того, в первом и третьем сравнениях по два объекта и образа сравнения, во втором – один. Как видим, цепь симметрична, и первое сравнение проецируется на третье⁹. В данном случае Вергилий через сравнения последовательно готовит читателя к тому, что в итоге Энтелл окажется в роли победителя, Дарет – в роли жертвы.

Перейдем к пассажу из 10-й книги: в описании боя Энея и его дружины с Мезенцием также есть несколько идущих подряд сравнений, которые образуют собой цепь. Сцена битвы начинается со ст. 689, и почти тут же появляется первое сравнение (ст. 693–696):

ille (velut rupes vastum quae prodit in aequor,
obvia ventorum furii expostaque ponto,
vim cunctam atque minas perfert caelique marisque
ipsa immota manens¹⁰)...

«Он, подобно скале, которая выдается в обширную водную гладь, подверженная ярости ветров и открытая морю, выдерживает объединенную и грозную мощь неба и моря, сама оставаясь незыблемой».

Здесь Мезенций, окруженный тирренцами, сравнивается со скалой, неколебимой в штормовом море, то есть можно говорить о двух объектах и образах сравнения: *Мезенций – скала¹¹, тиррентийцы – бурное море*. В «Энеиде» есть похожее сравнение: Латин, окруженный требующими войны латинянами, сопоставляется со скалой в штормовом море (VII, 585–590):

certatim regis circumstant tecta Latini;
ille velut pelago rupes immota resistit,
ut pelagi rupes magno veniente fragore,
quae sese multis circum latrantibus undis
mole tenet; scopuli nequiquam et spumea circum
saxa fremunt laterique inlisa refunditur alga.

«Они, состязаясь, окружают дворец царя Латина; он (то есть царь) выдерживает натиск, подобно недвижимой в море скале, словно скала в сильно растущем гуле моря, которая держит себя громадой против многочисленных шумящих волн; напрасно шумят вокруг скалы и покрытые пеной камни, и сброску оторванные морские травы уносятся назад».

Помимо сходства тематики (*rupes*), наблюдаются и лексические переклички между двумя

сравнениями: *velut – velut; immota – immota; aequor, ponto, maris – pelago, pelagi; perfert – resistit*. Сравнения со скалами в бушующем море акцентируют стойкость царя. Возвращаясь к сравнению *Мезенций – скала*, отметим, что в нем нет глаголов движения, тем самым, а также с помощью выражения *immota manens* создается впечатление статичности, что усиливает эффект непоколебимости и выносливости.

Второе сравнение цепи выглядит так (ст. 707–718):

ac velut ille canum morsu de montibus altis
actus aper, multos Vesulus quem pinifer annos
defendit multosque palus Laurentia silva
pascit harundinea, postquam inter retia ventum est,
substitit infremuitque ferox et inhorruit armos,
nec cuiquam irasci propiusve accedere virtus,
sed iaculis tutisque procul clamoribus instant;
ille autem impavidus partis cunctatur in omnibus
dentibus infrendens et tergo decutit hastas:
haud aliter, iustae quibus est Mezentius irae,
non ulli est animus stricto concurrere ferro,
missilibus longe et vasto clamore lacessunt.

«И он, словно вепрь, согнанный с высоких гор укусами собак, которого многие годы защищал поросший соснами Везул и [которого] многие годы кормило лаврентское болото в поросшем тростником лесу, после того как попал в сети, останавливается, воинственно рычит и щетинит загривок; ни у кого [из охотников] нет храбрости распалиться и подойти ближе, но [они] бросают в него дротики и кричат издали с безопасного места; он (т. е. вепрь) же бесстрашно не двигается во все стороны, скрипя зубами, и стряхивает со спины копыя; не иначе и тем, у кого на Мезенция есть справедливая злоба, не хватает духа напасть, обнажив меч, и они издали кидают копыя и громко кричат».

В этих стихах враги, опасаящиеся приблизиться к Мезенцию, сравниваются с охотниками, которые не решаются подойти вплотную к вепрю; то есть здесь два объекта и два образа сравнения: *враги – охотники, Мезенций – вепрь*. Сравнение статично, что достигается, помимо прочего, за счет глаголов *substitit* и *cunctatur*; Мезенций, как и вепрь, стоит, точно вкопанный, причем бесстрашно (*ferox, impavidus*); он, подобно вепрю, к которому боятся приблизиться охотники, вызывает страх у своих противников: они опасаются к нему подступить, у них роль жертвы, а у него – победителя.

В третьем пассаже Мезенций сравнивается со львом (ст. 723–729):

impastus stabula alta leo ceu saepe peragrans
(suadet enim vesana fames), si forte fugacem
conspexit capream aut surgentem in cornua cervum,
gaudet hians immane comasque arrexit et haeret
visceribus super incumbens; lavit improba taeter
ora cruor –
sic ruit in densos alacer Mezentius hostis.

«Словно голодный лев, часто рыщущий в высоком хлеву (ведь неистовый голод движет [им]), если только увидит быстроногую серну или оленя с возвышающимися рогами, радуется, сильно разевая пасть, поднимает гриву и льнет к добыче (досл.: к плоти), налегая сверху; противная кровь омывает дурную пасть; так же резвый Мезенций ринулся в гущу врагов».

Здесь можно говорить о двух объектах и двух образах сравнений: *Мезенций – лев, враги – серна/олень*. В данном пассаже Мезенций, подобно льву, выступает в роли победителя, тогда как его враги – в роли жертвы. Это сравнение, в отличие от двух предыдущих, динамично; этому способствуют глагольные формы и прилагательные: *peragrans, vesana, fugacem, gaudet hians, comas arrexit, haeret, incumbens, ruit, alacer*.

Последнее сравнение цепи выглядит следующим образом (ст. 763–768):

quam magnus Orion,
cum pedes incedit medii per maxima Nerei
stagna viam scindens, umero supereminet undas,
aut summis referens annosam montibus ornum
ingrediturque solo et caput inter nebula condit,
talis se vastis infert Mezentius armis.

«Как большой Орион, когда он, прокладывая путь, ступает через обширные воды Нерея, возвышается плечами над волнами или, с высоких гор принося многолетний ясень, ступает по земле, а голову прячет среди облаков; таким же под огромным щитом являет себя Мезенций».

В этих стихах Мезенций сопоставляется с Орионом, который отличался большим ростом, так что *tertium comparationis* здесь – внешность Мезенция: он высокий и крупный¹². Благодаря глагольным формам *incedit, scindens, referens, ingreditur, se infert* сцена исключительно динамична, в ней много движения.

Таким образом, в первых трех сравнениях цепи по два объекта и два образа (*Мезенций – скала, тиррентийцы – бурное море; враги – охотники, Мезенций – вепрь; Мезенций – лев, враги – серна/олень*) и лишь в четвертом сравнении один объект и один образ (*Мезенций – Орион*), однако этого достаточно, ведь герой сравнивается с самим Орионом. Обращает внимание то, что один и тот же герой (Мезенций) выступает объектом сравнения во всех четырех пассажах. Этим данная цепь схожа с цепью в пассаже, повествующем о состязании в кулачном бою Дарета и Энтелла в 5-й книге «Энеиды», где образы и объекты сравнений распределены так: *Дарет – воин, Энтелл – город; Энтелл – сосна; Энтелл – град, Дарет – кровли* (то есть Энтелл фигурирует во всех трех сравнениях)¹³. Однако с точки зрения соотношения статичного и динамичного цепь в 10-й книге выглядит симметричной: первые два сравнения несут идею статичности, третье и четвертое – динамичности. Особенно интересно то, что, хотя во всех четырех пассажах Мезенций выступает в роли не жертвы, а победителя, в конце книги он все же терпит поражение: сначала погибает его сын Лавз, а потом и он сам. Таким образом, цепи сравнений в «Энеиде» строятся по разным моделям; если в 5-й книге Вергилий, последовательно располагая сравнения, готовит читателя к финалу, то в 10-й завершение выглядит неожиданным: хотя на протяжении всего пассажа читатель утверждает в мысли о победном положении Мезенция, в финале его ожидает удел жертвы.

Итак, цепи сравнений – это особый способ использования сравнений, отдельный художественный прием. Цепи сравнений появляются в изображении состязаний; как правило, в цепь включается несколько сравнений, когда речь идет о двух героях, которые противостоят друг дру-

гу. Кроме того, для цепей характерно наличие в одном сравнении по два объекта и образа сравнения. Цепи сравнений могут быть по-разному организованы: одни подводят читателя к логическому завершению сцены, другие, наоборот, идут вразрез с финалом.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ О подобном явлении писал еще И. Гобза: Гобза И. О. О сравнениях, встречающихся в Энеиде Вергилия. М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1912. С. 37–42.
- ² Здесь и далее текст «Энеиды» приводится по изданию: P. Vergili Maronis Opera / Rec. brevique adnotat. crit. instr. R. A. B. Mynors. Oxonii: E Typographico Clarendoniano, 1969. XVI. 452 p.
- ³ Здесь и далее цитаты приводятся в моем переводе.
- ⁴ Сервий по поводу этого места пишет: qui molibus urbem amphibolon est: aut celsam molibus, aut quae molibus oppugnatur, то есть или «город высокий благодаря укреплениям (стенам)», или «город, который подвергается атакам осадных орудий». Современные комментаторы чаще связывают molibus с celsam (например, [2: 114]; [5: 128]); Т. Э. Пейдж [4: 421] проводит убедительную параллель между городом, который возвышается своими укреплениями (celsam molibus), и Энтеллом, который mole valens (ст. 431).
- ⁵ Gravis graviterque – латинский аналог гомеровского μέγας μεγάλωστί (II. XVI, 776); см.: P. Vergili Maronis Opera. <...> ed. perpet. et al. et sua adnotat. illustr. <...> ind. rerum locupl. adiecit A. Forbiger. Pars 2. Aeneidos liber I–VI. Ed. quarta, retractata et valde aucta. Leipzig: Hinrichs, 1873. P. 589; [5: 129]; о μέγας μεγάλωστί подробнее см. [3: 408].
- ⁶ Для Вергилия не редкость вводить в сравнение топонимы. Здесь это Эриманф – гора в Аркадии и Ида – гора на Крите. Подобный прием встречается, например, в Aen. I, 498–504; IV, 141–150, 667–671; VII, 710–721; IX, 25–32; XII, 697–703.
- ⁷ В «Энеиде» есть несколько сравнений с деревьями: циклопы – высокие деревья (дубы или кипарисы) (III, 677–681), Эней – дуб (IV, 441–449), Пандар и Битий – ели (IX, 674) и дубы (IX, 677–682). Как правило, деревья подчеркивают размеры героя или/и его стойкость.
- ⁸ Это сравнение лексически (через gravis graviterque) связано с идущими ранее стихами, где говорится о силе и стойкости Энтелла, что отражается в третьем сравнении цепи.
- ⁹ Подобное наблюдаем в цепи сравнений из 12-й книги «Энеиды»; см. подробнее [1].
- ¹⁰ Попутно отметим, что immotus рядом с manet нередко встречается у Вергилия: immota manet (Georg. II, 294); manent immota (Aen. I, 257; III, 447); immota manet в таком же положении в стихе, как в X, 696 – Aen. IV, 449; VII, 314.
- ¹¹ Образ камня в этом месте поэмы усиливается словами saxo и montis (ст. 698).
- ¹² Эта идея подерживается в ст. 771, где о Мезенции говорится mole sua stat.
- ¹³ Иначе обстоит дело в цепи сравнений из 12-й книги поэмы, где объекты сравнений чередуются: Турн – камень; Эней – горы; Турн и Эней – быки; Эней – пест, Турн – олень.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Котова А. В. Цепь сравнений в 12-й книге «Энеиды» // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XIX (чтения памяти И. М. Тронского): Материалы междунар. конф., проходившей 22–24 июня 2015 г. / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2015. С. 431–441.
2. Hornsby R. A. Patterns of Action in the Aeneid: an Interpretation of Vergil's Epic Similes. Iowa: University of Iowa Press, 1970. IX. 156 p.
3. Janke R. The Iliad: A Commentary. Vol. IV: Books 13–16 / Gen. ed. G. S. Kirk. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. XXV. 459 p.
4. The Aeneid of Virgil. Books I–VI / Ed. with Introd. and Notes by T. E. Page. First ed. 1894. London; Melbourne; Toronto: Macmillan, 1967. XXIV. 511 p.
5. P. Vergili Maronis Aeneidos liber quintus / Ed. with a Comm. by R. D. Williams. Oxonii: Clarendon Press, 1960. XXX. 219 p.

Kotova A. V., Saint-Petersburg State Academy of Veterinary Medicine (St. Petersburg, Russian Federation)

ON COMPOSITION OF SIMILE CHAINS IN VIRGIL'S "AENEID"

A chain of similes understood as a literary technique is considered in the article. The author examines two types of chains: the first one is in the 5-th book of the "Aeneid" and consists of three similes: *Dares attacking Entellus – someone besieging a city or a mountain fort* (V, 439–442), *Entellus falling down – a pine tree falling on Erymanthus or Ida* (V, 446–449), *Entellus' flurry of blows on Dares – hail that hits roofs* (V, 455–460). The second chain of similes is found in the 10-th book and consists of four similes: *Mezentius surrounded by Tyrrhenians – a rock beaten by wind and waves* (X, 693–696), *foes that are afraid to approach Mezentius – hunters that are afraid of approaching a boar* (X, 707–718), *Mezentius – a lion, his foes – a goat / deer* (X, 723–729), *Mezentius – Orion* (X, 763–768). The author analyzes composition peculiarities of both simile chains and points out to a variety of their models: in the 5-th book, Virgil prepares his readers for the finale by means of simile chains; in the 10-th book, the finale looks rather unexpected. Mezentius is presented as a 'winner' in all four similes; in the finale he is posed as a 'victim'.

Key words: epos, Roman literature, Virgil, Aeneid, stylistics, similes

REFERENCES

1. Kotova A. V. A Series of Similes in the Aeneid XII [Tsep' sravneniy v 12-y knige "Eneidy"]. *Indoevropskoye yazykoznanie i klassicheskaya filologiya – XIX (chteniya pamyati I. M. Tronskogo): Materialy mezhdunar. konf., prokhodivshyey 22–24 iyunya 2015 g.* Edited by N. N. Kazansky. St. Petersburg, Nauka Publ., 2015. P. 431–441.
2. Hornsby R. A. Patterns of Action in the Aeneid: an Interpretation of Vergil's Epic Similes. Iowa: University of Iowa Press, 1970. IX. 156 p.
3. Janke R. The Iliad: A Commentary. Vol. IV: Books 13–16 / Gen. ed. G. S. Kirk. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. XXV. 459 p.
4. The Aeneid of Virgil. Books I–VI / Ed. with Introd. and Notes by T. E. Page. First ed. 1894. London; Melbourne; Toronto: Macmillan, 1967. XXIV. 511 p.
5. P. Vergili Maronis Aeneidos liber quintus / Ed. with a Comm. by R. D. Williams. Oxonii: Clarendon Press, 1960. XXX. 219 p.

Поступила в редакцию 12.08.2016

ЛАРИСА МИХАЙЛОВНА ЛУКЪЯНОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)
marlar38@yandex.ru

О ПРИНЦИПАХ ПЕРЕВОДА ФИЛОСОФСКОЙ ПРОЗЫ ПЕТРАРКИ*

Русскому читателю до сих пор практически неизвестна философская проза Франческо Петрарки, написанная на латинском языке: перу итальянского гуманиста принадлежат шесть философских трактатов, несколько инвектив и огромное количество писем. Самым большим по объему сочинением является трактат «Средства против превратностей судьбы», проблемам перевода которого с латинского на русский язык и посвящена статья. Стиль произведения позволяет отнести это сочинение к художественной литературе, что требует от переводчика соответствующего отношения к своей работе: как к работе над переводом художественного текста, где одной из задач является сохранение колорита оригинала. При переводе иноязычного текста существуют определенные границы переводимости, и переводчик должен принимать во внимание, что одно и то же слово в разных языках может иметь иную эмоциональную насыщенность и вызывать иные ассоциации. В статье особое внимание автор и переводчик уделяет особенностям перевода синонимических рядов, игры слов, специфических синтаксических конструкций (гомеотелевт) и вопросам передачи латинских реалий.

Ключевые слова: Петрарка, перевод, философская проза

Русскому читателю Петрарка известен как поэт, оказавший большое влияние на развитие европейской лирической поэзии. Между тем основную часть его творчества составляют прозаические произведения, написанные на латинском языке: перу итальянского гуманиста принадлежат шесть философских трактатов, несколько инвектив и огромное количество писем. Самым большим по объему сочинением является трактат «Средства против превратностей судьбы», посвященный пармскому епископу Адзону Корреджо.

Трактат написан по образцу античных философских сочинений в форме диалогов (их 254) на самые разные темы: о войне и мире, о любви и красоте, о мудрости и религии, об учителях и учениках, о пирах и танцах, о благовониях и одежде, о драгоценных камнях, о болезнях и смерти и пр.

Сочинение делится на две книги: о счастливой судьбе и о несчастливой. Диалоги ведут между собой аллегорические фигуры: в первой книге – некий оптимист, обозначенный как Радость или Надежда, во второй – пессимист Печаль или Страх; им отвечает Разум, в уста которого автор вкладывает свои мысли. По жанру первая книга близка к инвективе, вторая – к утешениям в духе морально-этических сочинений Сенеки.

Казалось бы, жанр философского сочинения предполагает сухие рассуждения, между тем как трактат написан блестящим живым языком и отличается богатством лексики и необыкновенной образностью. Произведение насыщено тропами и стилистическими фигурами. В нем множество вставных новелл, исторических и бытовых анекдотов, сказок. Эта традиция идет из античности,

и для Петрарки, знатока и почитателя классических римских писателей, совершенно естественно ориентировать свой стиль на любимых им авторов: Цицерона и Сенеку. Как отметил еще при жизни гуманиста Джованни Боккаччо, «Петрарка стал так старательно подражать философам-этикам, более всего Цицерону и славному Сенеке из Кордубы, что с полным основанием мог бы считаться одним из них» (здесь и далее перевод наш. – Л. Л.) [1: 395]. Свое пристрастие к Цицерону отметил и сам Петрарка: «Если кого-то упрекнул, что его стиль схож с цicerоновским, станет ли он оправдываться?» [2: 62].

Употребление поэтических тропов придает стилю философского сочинения эмоциональную и экспрессивную насыщенность. Именно стиль позволяет отнести это сочинение к произведениям художественной литературы, поэтому переводчик должен подходить к своей работе, как к работе над переводом художественного текста, где одной из задач является сохранение колорита оригинала. Стиль трактата неоднороден, так как собеседники Разума являются разными лицами: перед нами предстают купец, ростовщик, понтифик, солдат, сельский хозяин, раб, молодой человек, старик, любитель лошадей и охоты, владелец замка, эстет, любующийся статуями и картинами, и множество других лиц. Кроме того, большое количество диалогов обращено вообще к любому человеку. Поэтому в одних диалогах мы наблюдаем черты просторечия, другие написаны возвышенным стилем, стиль третьих нейтрален, и переводчику следует стремиться передать не только смысловую точность, но, по возможности, и стилистические особенности

сочинения. Неадекватная передача стилистических средств может совершенно исказить дух произведения. Но при этом нужно понимать, что взятые в отдельности формальные элементы латинского языка не всегда совпадают с русским, и иногда приходится жертвовать буквальной точностью с тем, чтобы ясно донести до читателя смысл фразы.

Петрарка использует все богатство лексических средств латинского языка. В частности, он широко пользуется синонимами, учитывая, разумеется, их оттенки и градацию. Например, для понятия «страх» у него встречаются *pavor*, *metus*, *timor*, *terror*, *horror*, *formīdo*; «молчать» может быть выражено словами *sileo*, *taceo*, *omitto*, *transeo*, *praetereo*.

В большинстве случаев это не абсолютные синонимы, а контекстуальные. Примером может послужить употребление слов *intellectus* и *ingenium*, могущих иметь значение «разум», «смысл», «ум». Их присутствие в одном и том же абзаце свидетельствует о том, что это не абсолютные синонимы. Поэтому следует внимательнейшим образом вчитываться в контекст, принимать во внимание внутреннюю форму слова и при переводе передавать каждое из них по-разному. В данном случае речь идет об отличии человека от прочих живых существ, которых природа наделила различными средствами защиты (клыками, рогами, густой шерстью, быстрой ног), но только человеку она дала *intellectus*, и именно поэтому человек *meditandoque ingenio* «с помощью размышления и природного ума» может сам приобрести то, чего природа ему не дала (II, 93)¹.

Широко пользуется Петрарка полисемией латинских слов, возникшей в результате развития первоначального значения какого-либо слова. Особенно емким в этом отношении оказалось у него *virtus*. Произошло оно от *vir* «муж», «мужчина», и его первоначальное значение – «мужество», «доблесть». Например, *virtus ducis* «мужество полководца». В большинстве же случаев в трактате это слово означает «добродетель»; именно в этом значении оно является ключевым для всего сочинения; о чем бы ни шла речь – о красоте, силе, богатстве, удаче – автор уверен: без добродетели все это пустое. Один из диалогов так и называется «*De virtute*» – О добродетели. Именно в таком значении употреблено *virtus* в следующих случаях: *Forma sine virtūte animi pondus est* (I, 2) – «Красота без добродетели – бремя для души»; *Senium virtus sola non metuit* (II, 6) – «Только добродетель не боится старости». Помимо этих значений *virtus* можно понять и как «нравственное совершенство»: *Summa patria laus virtus est civium* (I, 15) – «Высшая похвала отечеству – нравственное совершенство граждан»; и как «добрые качества»: *Divitiae auri et argenti virtutum inopiam affere solent* (I, 55) – «Обилие

золота и серебра обычно умаляет добрые качества»; и как «сила»: *Flatus volabilis sic exercet animum, solida quasi virtus in verbis sit* (II, 102) – «Мимолетное сотрясение воздуха так возбуждает душу, как будто в словах есть какая-то сила».

Встречаются у Петрарки и такие случаи, когда возможно увидеть потенциальное значение слова, не предусмотренное словарем. Например, *dux* чаще всего означает «полководец», «вождь»; в сочетании *duces armentorum* оно имеет значение «вожаки табунов». Но когда слепой король Богемии Иоанн собрался вступить в битву, он обратился *ad duces suos*: *Dirigite me in eam partem, ubi rex hostium est* (II, 96). И в этом контексте *duces* это, конечно же, «поводыри»: «Направьте меня в ту сторону, где находится вражеский король».

В таком же значении выступает это слово и в диалоге:

– *Caecus sum, nec, quo pergam, video*. «Я слеп, и не вижу, куда идти».

– *At dux tuus videt*. «Но видит твой поводырь».

В подобном плане можно отметить и употребление слова *convivium* (в словаре даны значения «пир», «пиршество», «званный обед»), но в следующем контексте ни одно из этих значений не подходит: *Suadeo non leprosos horruisse seu fugisse, sed illorum domos adisse atque convivii interfuisse* (II, 114) – «Советую не страшиться прокаженных и не избегать их, но входить в их дома и принимать участие в их трапезах». Думается, именно «трапеза» здесь уместна, хотя такого значения в словаре и нет.

Обратим внимание и на сочетание *forma equi*, которое лучше всего передать как «конская статья», хотя среди 28 значений, указанных в словаре, значения «статья» нет.

Естественно, что даже в самом полном словаре мы не найдем всех оттенков значений слов, поэтому переводчик должен принимать во внимание контекст каждого диалога. Думается, если разговор идет о вещах возвышенных, то иногда следует употребить при переводе славянизмы. Вот некоторые примеры. Когда речь идет о страхе смерти, автор говорит: *Assuescite, o mortales, naturae legibus et ineluctabili iugo colla submittere* (II, 117) – «Свыкнитесь, о смертные, с законами природы и подставьте выи неотвратимому ярму».

Или: Печаль. *Infantis miseri corpusculum lupus in cavernam suam rapuit* – «Тельце несчастного младенца утащил волк в свою нору». Разум. *Felicis animum infantis in coelum angeli rapuere* (II, 49) – «А душу счастливого младенца восхитили ангелы на небеса».

Medici animorum (II, 93) – *врачеватели души*.

Non membra, sed animum quaerit Deus (II, 96) – «Не члены (тела), но душу ищет Бог».

Sedes ultima caelum sit (II, 93) – «Последним обиталищем пусть будет небо».

Остановлюсь на некоторых моментах, вызывающих у переводчика определенные трудности.

Наиболее уязвимым уровнем является игра слов, которой весьма насыщены буквально все диалоги. Ее удается сохранить очень редко, чаще всего тогда, когда игра организована с помощью глагольных форм. Например: *Multis mortem attulere divitiae, requiem fere omnibus abstulere* – «Многим богатства принесли смерть, а покой унесли почти у всех». *Expectatum Drusum inexpectata mors abstulit* – «Ожидаемого Друза унесла неожиданная смерть». *Melior sane tutiorque confessio, quam professio est* – «Конечно, лучше и безопаснее исповедовать (Бога), чем проповедовать».

В большинстве же случаев подобную игру слов передать невозможно именно из-за несоответствия формальных элементов латинского и русского языков: *Plum celebrant seu amore seu ergore* – «Они прославляют его то ли из-за любви, то ли по причине заблуждения». *Plena arcula... dives aula* (I, 90) – «Полный сундук... богатый двор». *Vona gratissima... mala gravissima* (I, 21) – «Приятнейшие блага... тяжчайшие пороки». К сожалению, в переводе исчезает характеристика исторических лиц, если автор использует звукопись. Вот что он пишет об одном из самых одиозных римских императоров: *...Commodum genuisset nulli commodum, cunctis incommodum* (II, 131) – «(Антонин Пий) породил Коммода, ни для кого не милого, неприятного для всех». В диалоге «О распутной жене» читаем: *...seu quis tam fornix augustis meretricibus non angustus sit?* (II, 21) – «Что же, разве не тесен публичный дом для августейших блудниц?».

Далеко не всегда удается передать в переводе гомеотелевты («единоконечие», созвучие окончаний). *Ille frugalitatem, atque sobrietatem paupertatem in Capitolio consecrabat* (I, 42) – «Он освятил на Капитолии благоразумие, умеренность и бедность». Невозможность сохранить созвучие окончаний совершенно уничтожает красоту такого великолепного пассажа: *Saepere quidem legere potuerunt Plato philosophantem, Homerum poetantem, Tullium orantem, Caesarem triumphantem* (I, 32) – «Часто могли прочитать, что Платон философствовал, Гомер писал поэмы, Цицерон произносил речи, Цезарь совершал победные триумфы».

Часто приходится нарушать лаконизм латинской фразы, например, в таком случае, когда в тексте стоит один глагол, относящийся к разным существительным, а в русском языке нельзя использовать сочетание этого глагола с обоими существительными: *Multos carcer ad coelum misit, ad sepulcrum omnes* (II, 64) – «Тюрьма многих вознесла до небес, а в могилу отправила всех». В диалоге о воинах, павших в битве при Филиппах, говорится, что они «*campus Hemonios ferasque et vultures impinguarunt*». Глагол *impinguo* означает

утучнять. Прямое дополнение при нем «поля, птицы и дикие звери»; но если по отношению к полям этот глагол приемлем, то по отношению к птицам и диким зверям его употребить недопустимо, потому в данном случае приходится перевести этот глагол описательно, и на русском языке фраза выглядит так: «Они утучнили Гемонийские поля и позволили разжиреть коршунам и диким зверям». Особенно удлинится текст в том случае, если автор употребляет отсутствующее в русском языке причастие будущего времени, которое всегда переводится описательно. Например: *Pugnaturi athletae brachia... subituri onus cervix intenditur* (II, 114) – «Напрягаются плечи атлета, собирающегося вступить в кулачный бой... напрягается шея того, кто подходит к грузу». Смысл передан точно, но необходимость перевести один глагол четырьмя словами, мало того что лишает фразу краткости, но еще и нарушает ее ритм.

Бывают случаи, когда уместно намеренно уйти от более точного перевода; это происходит тогда, когда стилевые средства латинского языка не совпадают с русским. Встречаются такие выражения, которые у Петрарки были нейтральными или образными, но от частого употребления последующими авторами превратились в штампы, а в современном русском языке – в канцеляризмы. Их точный перевод в живом диалоге или в философском рассуждении, стилизованном под античное, выглядит чужеродным. *Nec emendatio, nec poenitentia locum habet* (II, 12) – дословно: «Не имеет места ни улучшение, ни раскаяние; лучше нет места ни улучшению, ни раскаянию». Или «*super memorata cupiditas divitiae*» – «вышеупомянутая страсть к богатству». Если во времена Петрарки это сочетание было нейтральным, то в русском языке оно давно стало принадлежностью канцелярского языка и в живом диалоге или в философском рассуждении, стилизованном под античное, выглядит в переводе чужеродным. Лучше: *только что упомянутая*. Есть у Петрарки и *volabile tempus* (I, 15) – «текущее время», и *volabilia facta* (I, 112) – «текущие дела», которые уместнее передать «быстро бегущее время» и «повседневные дела».

Остановимся и на проблеме перевода реалий. Следует ли оставить их латинские названия и дать к ним комментарий или же перевести их на русский язык? Думается, в каждом отдельном случае это нужно решать индивидуально. Например, в русском языке «стимул» – это «побудительная причина». Но вот читаем диалог II, 100: **Печаль.** *Ingenio segni sum* – «У меня медлительный ум». **Разум.** *Quod equis segnibus fieri solet, stimulos adhibe* – «А ты примени стимулы, что обычно делают по отношению к медлительным лошадям». Латинский словарь указывает, что *stimulus* означает *стрекало*. В современном словаре русского языка такого слова нет. Словарь

Далая поясняет: «стрекало» – *бодец*, а «бодец» – *орудие для удара тычком*. Значит, стрекало – это то, чем подгоняют коня. Поэтому допустимо перевести его словом «кнут» и не загромождать текст примечанием.

По-иному нужно отнестись к слову *triclinium* – *обеденное ложе для трех лиц*. В этом случае предпочтительнее оставить его латинское название и объяснить в примечании, что римляне обедали лежа, для чего и предназначался триклиний.

Из сказанного можно сделать вывод, что при переводе иноязычного текста при всем стремлении к точности существуют определенные границы переводимости, и переводчик должен принимать во внимание, что одно и то же слово в разных языках может иметь иную эмоциональную насыщенность и вызывать иные ассоциации. При всем этом очень важно, чтобы отдельные отклонения от подлинника не исказили стиль автора.

* Автор статьи Лукьянова Лариса Михайловна – выпускница отделения классической филологии Санкт-Петербургского университета, ученица профессоров Я. М. Боровского, А. И. Доватура, Марии Ефимовны Сергеенко. По распределению уехала в Саратов, где с тех пор по настоящее время работает доцентом кафедры русской и зарубежной литературы в Саратовском национальном исследовательском государственном университете имени Н. Г. Чернышевского. Л. М. Лукьянова – автор учебника по латинскому языку, имевшего большой успех и удостоенного переиздания, в университете вела занятия по древним языкам на историческом факультете, воспитала доктора наук Н. И. Девятайкину. С 1996 года Л. М. Лукьянова успешно занимается переводом латинских сочинений Франческо Петрарки. По итогам занятий выпустила две книги комментариев, разнообразных по тематике томов. Одну в 1998 году: «Франческо Петрарка. Сочинения философские и полемические», включившую трактат «Об уединенной жизни», избранные диалоги «О средствах против превратностей судьбы», «Иньективы против врачей», «Иньективы против некоего человека высокого положения, но малой учености и добродетели», «О невежестве своем собственном и многих других», «Иньектива против того, кто хулит Италию» и биографическое сочинение Боккаччо «О жизни и нравах господина Франческо Петрарки из Флоренции». Вторая книга – обширный том, содержащий все диалоги «О средствах против превратностей судьбы», изданный при поддержке Итальянского института культуры в Москве в 2016 году. Книгу в помощь изнемогающей от превратностей судьбы человеческой природе («De remediis utriusque fortunae») переводчик, тонкий знаток латинского языка и возможностей его перевода, снабдила вступительной статьей «О принципах перевода философской прозы Петрарки», которую мы предлагаем здесь для ориентировки читателей об авторе предисловий к русским изданиям переводов латинских сочинений Петрарки Л. М. Лукьяновой.

Доктор филол. наук, проф. ПетрГУ Т. Г. Мальчукова

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Римской цифрой обозначен номер книги, арабской – номер диалога.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боккаччо Дж. О жизни и нравах господина Франческо Петрарки из Флоренции // Петрарка Ф. Сочинения философские и полемические / Сост., перевод, коммент., указатели Н. И. Девятайкиной, Л. М. Лукьяновой; Вступит. ст. Н. И. Девятайкиной. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. С. 393–400.
2. Петрарка Ф. Об уединенной жизни // Петрарка Ф. Сочинения философские и полемические / Составление, перевод, комментарии, указатели Н. И. Девятайкиной, Л. М. Лукьяновой; Вступит. статья Н. И. Девятайкиной. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. С. 61–127.

Luk'yanova L. M., Chernyshevsky National Research State University
(Saratov, Russian Federation)

ON PETRARCH'S PHILOSOPHICAL PROSE PRINCIPLES OF TRANSLATION

The Francesco Petrarch's philosophical prose written in Latin is practically unknown to the Russian reader. The Italian humanist wrote six philosophical treatises, several invectives, and a huge number of letters. The biggest in volume composition is a treatise "Means against the Vicissitude of Life". The article deals with the problems of its translation from Latin into Russian. By its style the work is referred to a literary text; therefore, a translation should be carried out with deep consideration of its original flavor. Any translation of the foreign-language text has its certain limits of convertibility. It should be considered that one and the same word in different languages can have different emotional saturation and cause other associations. The author of the article pays special attention to the translation of synonymic ranks, word-plays, specific syntactic designs (gomeoteleutus), and to the problem of Latin realities' transfer.

Key words: Petrarch, translation, philosophical prose

REFERENCES

1. B o k k a c c h o D z h . About life and customs of mister Francesco Petrarch from Florence [O zhizni i npravakh gospodina Franchesko Petrarki iz Florentsii]. *Petrarka F. Sochineniya filosofskie i polemicheskie*. Moscow, 1998. P. 393–400.
2. P e t r a r k a F . About lonely life [Ob uedinennoy zhizni]. *Petrarka F. Sochineniya filosofskie i polemicheskie*. Moscow, 1998. P. 61–127.

Поступила в редакцию 10.01.2017

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА САФРОН

кандидат филологических наук, доцент кафедры скандинавской филологии филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
00inane@gmail.com

«НИЗКИЙ» ГЕРОЙ В ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКЕ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ*

Рассматриваются основные характеристики персонажа фольклорной волшебной сказки скандинавских стран, позволяющие отнести его к категории «низкого», или «не подающего надежд», героя. В качестве материала исследования послужили сказки Исландии, Норвегии, Дании, Швеции. Выявляются ключевые признаки «низкого» героя: он младший из трех братьев, происходит из крайне бедной семьи, в начале сказки обладает отталкивающей внешностью, ведет себя странным образом (привычка сидеть за печкой в ящике с золой), пассивен. Тот факт, что герой – младший ребенок в семье, объясняется отражением установления доминирования патриархата, когда все наследованное имущество оказывалось в руках старших детей, а младший был в ущемленном положении. Далее автор приводит доказательство в пользу того, что данный персонаж представляет собой позднейшую трансформацию образа шамана. Согласно указанной теории, неопрятность героя, пепел на его одежде и волосах являются отголосками ритуального уподобления мертвецу для последующего воскрешения в рамках шаманской инициации, а нарочитая пассивность, демонстрируемая персонажем в начале сказки, свидетельствует о потребности в сознательной изоляции, требуемой для глубокого погружения в состояние транса.

Ключевые слова: сказка, герой, шаман, минорат, инициация, пассивность

Одной из центральных проблем в науке о сказке является проблема сказочного героя. По словам известного фольклориста Е. М. Мелетинского, «изучение проблемы сказочного героя – ключ к пониманию эстетики сказки» [4: 15].

Под героем сказки мы будем понимать «персонажа, или непосредственно пострадавшего от действия вредителя в завязке... или согласившегося ликвидировать беду или недостачу другого лица. В ходе действия герой – это лицо, которое снабжается волшебным средством (волшебным помощником) и пользуется или обслуживается им» [6: 16].

Традиционно принято считать, что сказочным героям не свойственно наличие характеров: это фигуры, представляющие собой персонафикацию определенных функций [6]. Внутренне они статичны: наделены повторяющимся прозвищем, фиксированными душевными свойствами, внешним обликом и проч. Герой – это центрообразующий элемент повествования и основной двигатель сюжета. Е. М. Мелетинский утверждал, что волшебная сказка имеет два типа героев: эпического, «высокого», героя и «низкого», «не подающего надежд» [3: 179]. В данной статье мы рассмотрим образ «низкого» героя на материале волшебных сказок Дании, Норвегии, Исландии и Швеции. Цель работы обусловлена необходимостью глубже понять фольклорные традиции стран Северной Европы, что, как нам кажется, должно способствовать улучшению дружественных отношений между нашими регионами.

Для нашего исследования особую важность будет иметь концепция В. Я. Проппа, согласно

которой испытания, выпадающие на долю героя волшебной сказки, сродни инициации [5: 308].

Как было уже отмечено ранее, каждый герой обладает типичным именем/прозвищем, характеризующим его внешний облик и поведенческий принцип. Так, для «низкого» героя сказки характерна связь с печью, золой: в сказках Норвегии героя зовут Espen Askeladd или Asleladden, в датских Esben Askerager, норв., датск., шв.: ask – *пепел, зола* (Эспен Замарашка в переводе Л. Ю. Брауде (Три волшебных листочка: 33)¹). В исландских сказках ему соответствует герой по имени Kolbitr – *улеед* [3: 183], в шведских сказках – мальчик по имени Askefisen (askblåsaren) – *дующий на золу*, или Askepåten – *роющийся в золе* [13: 333–334].

Типичный «низкий» герой волшебной сказки происходит из такой бедной семьи, «что ни одного шиллинга за душой не водилось» (Три волшебных листочка: 33). Кроме того, он всегда младший из трех братьев. По словам Е. М. Мелетинского, идеализация младшего брата отнюдь не случайна, это «социальное явление <...> частное выражение (специфичное для волшебной сказки) демократического протеста против возникающего в период разложения родового строя классового неравенства» [3: 56]. Имеется в виду, что во времена матриархата старшие сыновья уходили в род жен, а младший оставался с родителями и становился наследником дома (так как у старших сыновей уже были дома). По такому принципу и возник минорат – ситуация, когда к младшему ребенку в семье переходит имущество родителей. С воцарением патриархата старшие братья стали оттеснять младших, поэтому

возник майорат, получивший особое распространение в эпоху феодализма в высших слоях общества. «Майорат не только делал нищими сыновей многих знатных семейств (при феодализме), но и приводил к выделению целых “младших” ветвей знатных семейств, ветвей, опускающихся в социальные низы. Майорат восторжествовал в феодальном классовом обществе. Победа майората над миноратом сделала младшего сына социально обездоленным» [3: 91].

В сказках также часто говорится о «недалекости» главного героя: он «слывет придурковатым» (Три волшебных листочка: 15), «непутевым» (Скандинавские сказки: 61)², «умником», которому «все в диковинку» (Три волшебных листочка: 36).

Неопрятность, странности поведения и первоначальная пассивность всегда вызывают недоверие и насмешки окружающих, однако действия героя в трудной ситуации говорят сами за себя: он приходит на помощь другим, демонстрируя находчивость и незаурядный ум. «Придурковатость» – это та характеристика, которой наделяют «запечника» его собственные братья: они считают, что жертвовать собой ради других, помогать попавшим в беду есть пример настоящей глупости.

Самые популярные сюжеты о «низком» герое следующие:

1. Отец отправляет сыновей искать себе пропитание. Братья поступают на службу к королю. Король отправляет их по очереди решать какие-либо задачи: пасти свое стадо жеребят или зайцев, чтобы узнать, что те едят и пьют («Королевские зайцы», «Семеро жеребят»), срубить волшебное дерево («Пер, Пол и Эспен Аскеладд»), и только младший успешно справляется с этими задачами.

2. Отец по очереди отправляет сыновей сторожить луг. Старшие братья засыпают, а на утро видят, что вся трава уже съедена. Аскеладден всю ночь сидит в засаде и ловит чудесного коня, намеревавшегося испортить поле. С помощью этого коня герой заскакивает на стеклянную гору, где добывает золотые яблоки, за что ему отдают в жены прекрасную принцессу («Принцесса на стеклянной горе»).

3. Отец оставляет сыновьям наследство. Старшие братья делят его между собой, оставляя младшему нечто, не имеющее почти никакой ценности. Далее выясняется, что этот предмет/существо – волшебное («Волшебное дерево»).

4. Братья отправляются рубить лес. Их пугает тролль, и только младший брат, Аскеладден, вступает с троллем в поединок (выдавливает из сыра воду, выдавая сыр за камень, выливает кашу в гигантский мешок, выдавая мешок за собственный живот), обыгрывая его с помощью хитрости («Аскеладден, что с троллями состязался»).

Когда герой, «не подающий надежд», начинает действовать, он обычно прибегает к помощи магических существ или предметов. При этом герой тем пассивнее, чем активнее в сказке проявляет себя чудесное [3: 194]. Внезапная активность и даже скромная успешность героя вызывают зависть старших братьев: «Малек меж тем работал со старанием и в скором времени получил местечко получше. Тут Поулю с Педером завидно стало да боязно: ну как Малек им нос утрет» (Скандинавские сказки: 61). Природа таких резких изменений объясняется инициационной природой сюжета волшебной сказки [5: 308]: этапам инициации свойственны революционные, а не постепенные эволюционные изменения.

Пассивность «низкого» героя, демонстрируемая им в начале сказки, может трактоваться по-разному. Во-первых, она может объясняться его происхождением: будучи выходцем из крестьянской среды, герой сохраняет черты первобытного мировоззрения, выражающиеся в вере в безграничность магических сил окружающей его природы и в свою полную зависимость от нее [2: 154–155]. Во-вторых, поступки «низкого» героя могут быть обусловлены тем, что он ведет себя, как шаман: временная потеря рассудка (вспомним, что героя называют «придурковатым») персонажа в начале сказки соответствует поведению «созревающего» шамана: мир сверхъестественного вступает с неопитом в контакт, и его нервное состояние есть своеобразный «побочный эффект» обучения, которому он подвергается [8: 15–17, 27]. С нашей точки зрения, внезапная активность героя и демонстрация удивительных умений также соответствуют образу шамана, интеллект которого, по свидетельству многих исследователей, в разы превышает уровень своих соплеменников [9: 223], [10: 22–25].

Шаманская традиция Скандинавии называлась «сейд» (*seiðr*, *seiðhr*, *seiðh*, *seiðr*) [14: 581]. Этимология данного слова предположительно связана с древнеангл. и древневерхненем. «струна, тетива, нить», доказательство чему исследователи находят в факте употребления в шаманских ритуалах прялки «сейдстаф» (*seiðstafr*) [12: 166]. Сейд принципиально отличался от шаманизма народов Сибири по двум позициям: в нем почти полностью отсутствовали технические врачевания, зато преобладали гадательные практики [14: 583]. Ученые склоняются к мысли, что сейд возник в рамках культа богов плодородия ванаов, а асы познакомились с ним благодаря Фрейе, когда та присоединилась к ним. Данная практика была женской прерогативой, так как предположительно включала в себя имитацию полового акта [11: 217], поэтому для мужчин данное занятие считалось исключительно позорным. Согласно «Старшей Эдде», верховный бог Один был первым, кто обратился к данной практике, за что был осмеян Локи (не будем забывать о том,

что «низкий» герой также первоначально подвергается осмеянию):

[Локи] сказал:
«А ты, слышал,
на острове Самсей <...>
среди людей колдовал,
как делают ведьмы, –
ты – муж женовидный» (Старшая Эдда: 128)³.

Посыпание тела и одежды пеплом, культивация внешнего уродства призваны обеспечить сходство шамана с призраком, то есть, по сути дела, символизируют его ритуальную смерть [8: 41]. Здесь уместно вспомнить Замухрышку из одноименной шведской сказки: «Целыми днями он сидел у печки и копался в золе. Ногти у него выросли длиннющие, словно когти, волосы он отродясь не расчесывал» (Скандинавские сказки: 131) или женский аналог из норвежской сказки «Растрепя»: «На голове она носила старый колпак, из-под которого висели спутанные космы <...> в руке держала поварешку» (Скандинавские сказки: 241). Несоблюдение элементарных правил гигиены, играющей важную роль в скандинавском обществе [7: 32], свидетельствует о том, что герой всячески пытается подчеркнуть свое положение вне социума, а глупые поступки, «придурковатость» напоминают экстатическое состояние, в которое впадает шаман для общения с миром предков [8: 58]. В этой связи становится понятным, почему Замухрышка легко находит тайные ворота в железной стене замка и попадает внутрь, к удивлению хозяина-волшебника, а Аскеладден моментально ориентируется в ситуации с поимкой чудесного коня: «Взял он поскорее огниво, перебрал через коня, и конь замер как вкопанный. И стал он такой послушный, что Аскеладден мог делать с ним все, что душе угодно. Сел он на коня и поскакал в такое место, о каком никто ничего не знал, да там коня и оставил» (Скандинавские сказки: 232).

Волшебные предметы/помощники героя являются alter ego героя, выразителями его особых способностей (по В. Я. Проппу). Согласно М. Элиаде, «следует иметь в виду мистическую солидарность между человеком и животным как основную черту охотничьих религий древности. Благодаря этой солидарности некоторые люди могут превращаться в животных, понимать их язык и разделять их знания и тайные силы. Каждый раз, когда шаману удается проникнуть в образ бытия животного, он как бы восстанавливает ситуацию, существовавшую в те далекие мифические времена, когда еще не произошел раздел между человеком и животным миром» [8: 56]. Точно такую же ситуацию мы имеем и в случае со скандинавским сейдом, особенно если речь идет о волшебных животных, представляющих собой персонафикацию подчиненных шаману духов. Цель использования волшебного помощника – «перенос героя в иное царство» [5: 139], но и шамана переносит в иные миры животное: несет на своей спине в преисподнюю, держит в пасти или проглатывает, чтобы потом исторгнуть, и т. п. [1: 110].

Указанные герои на момент рассказывания сказки уже владели тайными знаниями, недоступными другим. Осмеяние их остальными членами семьи и вынужденная изоляция «низких» героев (Отец дал Замухрышке еду в дорогу и сказал: «Довольно тебе есть родительский хлеб. Иди-ка ты сам и попытай счастья!») (Скандинавские сказки: 131) свидетельствуют о том, что эти тексты зародились уже в период деградации шаманизма как ранней формы религии [3: 199]. Таким образом, вновь вспоминая слова В. Я. Проппа о генетической связи волшебной сказки с обрядом инициации [5: 308], мы утверждаем, что «низкий» герой проходит именно шаманскую инициацию, а десакрализация шаманского мифа материализует и профанирует результаты ментального путешествия, награждая героя богатством и прекрасной невестой.

* Работа выполнена в рамках реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития Петрозаводского государственного университета на 2012–2016 годы по проекту «Scandica: культурные конвергенции».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Три волшебных листочка: Скандинавские народные сказки. Петрозаводск: Карелия, 1986. 174 с.

² Скандинавские сказки / Сост. Е. Суриц. М.: Худож. лит., 1991. 335 с.

³ Старшая Эдда: Эпос. СПб.: Азбука-классика, 2001. 464 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимов А. Ф. Представления эвенков о душе и проблемы анимизма // Родовое общество: Материалы и исследования. ТИЭ. М.: Наука, 1951. С. 109–118.
2. Горький М. Литературно-критические статьи. М.: Гослитиздат, 1937. 700 с.
3. Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. М.; СПб.: Академия Исследований Культуры: Традиция, 2005. 240 с.
4. Мелетинский Е. М. Литературные архетипы и универсалии. М.: РГГУ, 2001. 573 с.
5. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. 336 с.
6. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2001. 144 с.
7. Роэсдалль Э. Мир викингов. СПб.: Всемирное слово, 2001. 271 с.
8. Элиаде М. Архаические техники экстаза. Киев: София, 2000. 480 с.
9. Donner K., Froman L. La Siberie. La Vie in Siberie, les temps anciens. Paris: Gallimard, 1946. 243 p.
10. Elkin A. P. Aboriginal Men of High Degree. Sydney: Australasian publishing Co., University of Queensland, John Murtagh Macrossan lectures, 1946. 144 p.

11. Jochens J. Old Norse images of women. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1996. 326 p.
12. Heide E. Spinning seidr // Old Norse Religion in Long-term Perspectives: Origins, Changes and Interactions. An international conference in Lund, Sweden, June 3–7, 2004. Lund: Nordic Academic Press, 2006. P. 164–170.
13. Sydow C. W., v. Askeladden // Nordisk familjebok / Red. Th. Westrin. Stockholm Nordisk familjeboks förlags aktiebolag. Nordisk familjeboks tryckeri, 1922. S. 333–334.
14. Tolley C. Shamanism in Norse myth and magic. Vol. 1. Helsinki: Akademia Scientiarum Fennica, 2009. 589 p.

Safron E. A., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

A “CONTEMPTIBLE” CHARACTER OF NORTHERN EUROPE FAIRY TALES

The article examines the essence of the character inherent to most folk fairy tales of Scandinavian countries. Such characters are referred to the category of “contemptible” or “giving no hopes” protagonists. The most common fairy tales of Iceland, Norway, Denmark, and Sweden were used as a research material of the study. The researcher identifies key characteristic features of the “contemptible” character: he is the youngest of three brothers, he comes from an extremely poor family, he has a rather repulsive looks at the beginning of the fairy tale, and he behaves strangely (has a habit of sitting behind the fireplace in the box filled with the ashes), is very passive. The fact that the protagonist of the fairy tale is the youngest child in the family is conditioned by the dominance of patriarchy, when all inherited property was concentrated in the hands of older children. The youngest son always remained in the most disadvantageous position. The author of the study provides evidence proving that this character is the later transformation into the figure of shaman. According to this theory, the hero’s untidiness, ashes on his clothes and messed up hair are echoes of the ritual assimilation with the dead. Such repulsive looks of the “contemptible” character is a precursor of his future resurrection in the frames of the shaman initiation practice. A deliberate passivity exhibited by the character at the very beginning of the fairy tale speaks of the need for conscious isolation required for the emersion into a deep trance.

Key words: fairy tale, hero, shaman, ultimogeniture, initiation, passivity

REFERENCES

1. Anisimov A. F. Evenki’s representations of the soul and the problem of animism [Predstavleniya evenkov o dushe i problemy animizma]. *Rodovoe obshchestvo: Materialy i issledovaniya*. TIE. Moscow, Nauka Publ., 1951. P. 109–118.
2. Gor’kiy M. *Literaturno-kriticheskie stat’i* [The literary-critical articles]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1937. 700 p.
3. Meletinskiy E. M. *Geroy volshebnoy skazki* [The character of fairy tales]. Moscow, St. Petersburg, Akademiya issledovaniy kul’tury, Traditsiya Publ., 2005. 240 p.
4. Meletinskiy E. M. *Literaturnye arkhetyipy i universalii* [Literary archetypes and universals]. Moscow, RGGU Publ., 2001. 573 p.
5. Propp V. Ya. *Istoricheskie korni volshebnoy skazki* [Historical roots of the fairy tale]. Moscow, Labirint Publ., 2000. 336 p.
6. Propp V. Ya. *Morfologiya volshebnoy skazki* [The morphology of the fairy tale]. Moscow, Labirint Publ., 2001. 144 p.
7. Roeddal’ E. *Mir vikingov* [The Vikings’ world]. St. Petersburg, Vsemirnoe slovo Publ., 2001. 271 p.
8. Eliade M. *Arkhaicheskie tekhniki ekstaza* [Archaic techniques of ecstasy]. Kiev, Sofiya Publ., 2000. 480 p.
9. Donner K., Froman L. *La Sibirie. La Vie in Sibirie, les temps anciens*. Paris: Gallimard, 1946. 243 p.
10. Elkin A. P. *Aboriginal Men of High Degree*. Sydney: Australasian publishing Co., University of Queensland, John Murtagh Macrossan lectures, 1946. 144 p.
11. Jochens J. Old Norse images of women. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1996. 326 p.
12. Heide E. Spinning seidr // Old Norse Religion in Long-term Perspectives: Origins, Changes and Interactions. An international conference in Lund, Sweden, June 3–7, 2004. Lund: Nordic Academic Press, 2006. P. 164–170.
13. Sydow C. W., v. Askeladden // Nordisk familjebok / Red. Th. Westrin. Stockholm Nordisk familjeboks förlags aktiebolag. Nordisk familjeboks tryckeri, 1922. S. 333–334.
14. Tolley C. Shamanism in Norse myth and magic. Vol. 1. Helsinki: Akademia Scientiarum Fennica, 2009. 589 p.

Поступила в редакцию 14.11.2016

ДАРЬЯ СЕРГЕЕВНА КУНИЛЬСКАЯ

аспирант кафедры классической филологии филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
dkunilskaya@yandex.ru**АНТИЧНАЯ И ХРИСТИАНСКАЯ ТРАДИЦИИ В РОМАНЕ
«ОДИССЕЙ ПОЛИХРОНИАДЕС» К. Н. ЛЕОНТЬЕВА***

Рассматривается вопрос о взаимодействии античной и христианской традиций в романе К. Н. Леонтьева «Одиссей Полихрониадес». Концепция положительного исключительного героя писателя исследуется в контексте двух культурных традиций. Анализируется авторское восприятие античной традиции: она связывается с христианским осмыслением, выступает как часть воплощения идеального начала. Поэтика идеального в романе соотносится, таким образом, с религиозными взглядами мыслителя. Античная традиция представлена в общей панэстетической установке художественного произведения. Противопоставление двух традиций в тексте обнаруживает себя в оппозиции «икона – картина». Особо отмечается связь христианской и античной традиций: в художественном пространстве романа «Одиссей Полихрониадес» К. Н. Леонтьева подобное взаимовлияние двух традиций оказывается важнее противопоставления. Делается вывод о взаимовлиянии двух культурных идеалов, проявляющемся в формировании поэтики романа «Одиссей Полихрониадес». Ключевые слова: античная традиция, христианство, идеальный герой

Тема пересечения античной и христианской традиций в каком-либо произведении русской литературы не является новой, однако актуальности своей не теряет. Это всегда особый сюжет, представляющий огромный интерес для филолога. Иллюстрацией нашей мысли может послужить творчество К. Н. Леонтьева (1831–1891). Мы обратимся к малоизученному наследию мыслителя – его художественным произведениям. Важно отметить, что сам автор наряду с известной работой «Византизм и славянство» лучшей своей «вещью» признавал большой роман «Одиссей Полихрониадес» (1873–1878)¹. Роман входит в цикл «Из жизни христиан в Турции» (1868–1882), в нем повествуется о загорском юноше Одиссее (в фокусе повествования – один год из его жизни).

В свете истории создания романа становится интересным особое совмещение античной и христианской традиций в тексте. С одной стороны, в романе, безусловно, силен элемент дидактизма, учительства. О. Л. Фетисенко отмечает особый колорит, благочестивую атмосферу, которая царит на его страницах: «В романе все – впервые так явно у Леонтьева – пронизано мыслью о Промысле Божиим...» [10: 104]. С другой стороны, в романе сама действительность греческого быта, эстетически преобразованная, отсылает нас к античной традиции. Этот факт не ускользнул от исследователей, писавших о цикле. Отец С. Булгаков описывал греческий мир как «великолепные полотна с картинами восточной жизни» [3: 377], стихией Леонтьева называл языческую его «чувственность, с которой он влюблен был в мир форм безотносительно к их моральной ценности» [3: 378]. Резкое противопоставление двух культурных традиций находит свое отражение

в воплощении идеального начала. Безусловно, мы отнесем сюда особый тип положительного героя Леонтьева.

В романе идеальным героем становится русский консул Александр Благов: он производит большое впечатление на греческого юношу. Образ Благова в художественном пространстве романа раскрывает тип исключительного героя Леонтьева – «более изящного», «более героического»². Данный характер в романе разрабатывается в легендарном контексте. Благов появляется в воспоминаниях Одиссея. Греческий юноша согласно авторской воле моделирует образ русского консула по-своему: для юного Одиссея Благов – безусловный герой. Положительное начало в Благове выражается прежде всего его охранительной деятельностью. Он становится действительным героическим защитником притесняемых греков: в его действиях проявляется сила исключительного героя. Образ Благова воплощает идеал Леонтьева, в котором форма отражает (выражает) внутреннее содержание: «Форма вообще есть выражение идеи, заключенной в материи (содержании)»³. Сила, согласно Леонтьеву, придает форму положительному направлению: «Надо крепить себя, меньше думать о благе и больше о силе. Будет сила, будет и кой-какое благо, возможное»⁴ [4]. Интересно отметить семантическое сближение слов «вера» (Благов является защитником веры православной среди иноверцев – мусульман) и «верность». «“Вера” и “верность” – одно и то же, – отмечал С. С. Аверинцев. – Выраженная в сакральном знаке “тайна” есть в христианской системе идей <...> военная тайна, сберегаемая от врагов. На место мистериально-гностической оппозиции

“посвященные-непосвященные” заступает совсем иная оппозиция: “соратники-противники”; в число последних включены “враги зримые и незримые” – люди и бесы. Для онтологического нейтралитета не остается места” [2: 130]. Образ идеального героя вводит в роман мотив борьбы, битвы, который присутствует в художественных произведениях Леонтьева разных периодов⁵.

В романе воинственность переосмыслиется онтологически, мотив войны сопряжен с темой невидимой брани. Взрослый Одиссей, размышляя о патриархальности, преемственности греков, сравнивает повседневную жизнь людей с полем битвы: «И разве не во всеоружии того бранного доспеха, которым одеть и покрыть нас может одно лишь учение церковного аскетизма (ибо оно не от мира сего), должны мы выходить на шумное состязание этой всюду сияющей и вечно томительной жизни мирской?» [1: 320]. Образ обворожительного и лживого идеала» [1: 320] из стихотворения А. С. Пушкина «В начале жизни школу помню я...» (1830) (аллюзия на эту цитату появляется в приведенной выше речи Одиссея) символизирует искушения и страсти обыденной жизни. Этот идеал требует от человека постоянного сопротивления. Ему противопоставляет Одиссей Закон, то есть истинное христианство (взрослый Одиссей называет себя приверженцем истинного христианства, «которое иные зовут “мистическим”, без всякого прямого отношения к земному блаженству всего рода человеческого» [1: 244]⁶).

Описывая приемную консула, Одиссей отмечает интересную деталь: «В углу висела икона Спасителя, кроткий лик, светлый, молодой и, однако, еврейский; икона была вся в золоте и почернелом серебре... <...> А на другой стене, между дверцами резных шкапов, висела одна только большая картина: три полуобнаженных женщины, полные, все белокурые и по-моему не очень красивые, стояли и сидели под тенистым деревом» [1: 314–315]. Резкое противопоставление изображений создает в тексте напряжение, возникающее между двумя культурными традициями, а расположение (напротив друг друга) порождает особый визуальный ряд. Читатель «видит» всю обстановку вместе с Одиссеем – акцентируется зрительный аспект восприятия⁷.

Полотно «Суд Париса» в покоях русского консула олицетворяет античную традицию, шире – языческое начало, по аналогии, икона являет начало христианское, православное.

Способ представления иконы в художественном произведении оригинален: нигде в тексте объемного романа не упоминается о молитвенном предназначении иконы. Леонтьев полагал, что разница между религиозным чувством греков и русских достаточно велика. Если для «русского поэта» религия – «икона древняя полустертая, пред которой в ночи горит лампада

болезненной любви», то для грека это «хоругвь торжественная»⁸. Сокровенность русского восприятия христианства в романе передана образу идеального консула. Одиссей, вспоминая сцену ожидания танцовщицы Зельхи, выразительно описывает поведение Благова. В минуту отчаяния консул «разглядывает образ Спасителя в углу». Дальше следует описание самого консула, каким он виделся Одиссею: «Теперь я видел ясно его строгий профиль, его немного длинный и жесткий выражением подбородок!» [1: 786]. Герой Благова очень мало характеризуется автором через слово: он показан глазами Одиссея. Значимость визуальной доминанты раскрывает сам Леонтьев, считавший, что «картины в жизни <...> не просто картины для удовольствия зрителя; они суть выражение какого-то внутреннего, высокого закона жизни»⁹. В описании вышеуказанной сцены подчеркивается благородный вид консула («заложив руки за спину, но все так же гордо <...> все так же твердо ступал он»), его одежда («сирийский бурнус с золотыми затканными пальмами») [1: 786]. Идеализация образа Благова доводится до предела: возникает эффект пластичности всей представленной картины. Именно эта сцена знаменует точку наивысшего напряжения, которое создают две традиции – христианская и языческая. Пластичность «как тип духовной жизни» «дарует небывалую красоту в искусстве, всю эту благородную, величавую блаженно-равнодушную, холодноватую и чуть-чуть меланхолическую античную скульптуру» [7: 88]. В красоте идеального героя Леонтьева невозможно не отметить некоторое отвлеченное начало, о чем говорит и сам Одиссей, наблюдающий за своим наставником.

Одиссей видит Благова в непривычном для него свете: «Он хотел быть красивее, он хотел понравиться, хотел, чтобы не одно золото... <...> И чем благороднее был его вид, тем стыднее и даже страшнее мне становилось за него, когда я думал, как жестоко отомстила ему за меня эта Зельха! <...> она отвергала его самого и бежала ко мне...» [1: 785–786]. Происходит развенчание утрированной идеальности героя: Благов, который и в убийце видит нечто прекрасное¹⁰, в конце романа предстает униженным, отвергнутым. Обратим внимание на характеристику, данную Одиссеем на следующий день после увиденной сцены: консул был «светел, ровен и тих» [1: 790]. Впервые в тексте романа исключительный герой являет не гордое героическое начало, скорее, можно указать на обратное – принципиальное снижение художественного образа. Благов перестает быть идеальным героем для Одиссея, консул уезжает из города. В свою очередь загорский юноша становится купцом, влиятельным членом патриархального греческого общества. Одиссей надевает европейское платье и по настоянию отца едет в греческое село взимать долги

со своих соотечественников, становится деловым человеком: «Я был купец, я был “мошенник, изверг” <...> я был тем Понтикопеци, которого Благов так безжалостно изгнал лишь одним мановением руки...» [1: 809]. Таков эпилог романа, оставшегося незавершенным.

Резюмируя, скажем еще раз: идеальное начало Леонтьева воплощено отнюдь не только в самом образе Александра Благава. Живое благочестие самобытной патриархальной культуры, положительная религия, охранительное начало – все эти идеи Леонтьев транслирует через образы греческих героев. Античная традиция представлена иначе – в общей панэстетической установке¹¹. Интересно то, как воспринимается античность героями романа. Во-первых, не подвергается сомнению самый факт существования античных богов (согласно церковной традиции они предстают демонами). Не являются демоны человеку по его маловерию, потому что «явись маловерному человеку или безбожному демон воочию... и пойми он, что это демон, он после этого станет верить всему доброму крепче» [1: 321]. Леонтьев в письме к И. И. Фуделю (6 июля 1888 года) вспоминает ответ духовника-монаха на вопрос «отчего государственно-религиозное падение Рима при всех ужасах <...> имело в себе, однако, так много неотразимой поэзии, а современное демократическое разложение Европы так некрасиво, сухо, прозрачно?»: «Бог – это свет, и духовный, и вещественный, свет чистейший и неизбира-

емый... Есть ложный свет, обманчивый. Это свет демонов, существ, Богом же созданных, но уклонившихся, как вам известно. Классический мир и во время падения своего поклонялся хотя и ложному свету языческих божеств, но все-таки свету... А современная Европа даже и демонов не знает. Ее жизнь даже и ложным светом не освещается»¹². Символика света в христианстве очень сложна. Согласно Дионисию Ареопажиту, «красота боголепная, неразложимая, благая <...> не терпит никакого смешения ни с каким неподобием; и все же она способна уделять каждому, по достоинству его, долю некоего света и каждого приводить <...> к созвучию с ликом своим неизменяемым» [5: III, 1–2]. С этой точки зрения преобразующий свет¹³ соотносится с каждым божественным творением. Благов неслучайно кажется Одиссею «светлым, тихим, покойным», потому что «страстные силы души оказываются не умерщвленными, но преображенными», а благодатное состояние распознается «как радость, мир, внутреннее тепло, свет» [8: 169].

Античная традиция в романе «Одиссей Полихрониадес» связана, таким образом, с ее христианским осмыслением. В свете традиции православной античности в тексте выступает как часть воплощения идеального начала. Соответственно, своеобразный симбиоз двух вышеназванных традиций воплощает то идеальное начало, которое выразил К. Н. Леонтьев в своем художественном произведении.

* Статья издается в рамках реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг. по подпроекту «SCANDICA: культурные конвергенции».

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Леонтьев К. Н. Избранные письма. 1854–1891. СПб.: Пушкинский фонд, 1993. С. 70.
- 2 О Благове К. Н. Леонтьев высказывается следующим образом: «А молодого русского консула – светского человека и художника по натуре, которого многие любят в книге и которого я сам люблю – изобразить трудно по противоположной причине: слишком легко впасть в безличную идеализацию своих собственных хороших чувств, приятных воспоминаний и даже некоторых из тех хороших свойств, которые автор знал и сознавал в самом себе». Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. СПб.: Издательство «Владимир Даль», 2003. Т. 6 (1). С. 73–74.
- 3 Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. СПб.: Издательство «Владимир Даль», 2005. Т. 7 (1). С. 382.
- 4 Там же. С. 436.
- 5 См., например: «Необходимо страдание и широкое поле борьбы. <...> Я сам готов страдать, и страдал, и буду страдать <...> И не обязан жалеть других рассудком <...> Идеал всемирного равенства и покоя? Избави Боже!» Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. СПб.: Издательство «Владимир Даль», 2000. Т. 2. С. 152.
- 6 Понятие «истинного христианства» значимо для К. Н. Леонтьева. Он возвращается к нему неоднократно, поясняя, что вмещает в себя данное определение. См., например: «Знание истинного духа Христианства ныне так мало распространено! <...> Нельзя, принимая святость Евангелия и божественность Христа, отвергать одно место в книге и выбирать по вкусу другие. <...> Религия всепрощения; – да! – Но вместе с тем и религия самобичевания, покаяния, религия не только неумолимой строгости к себе, но и разумной строгости к другим». Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. СПб.: Издательство «Владимир Даль», 2005. Т. 7 (1). С. 144.
- 7 Свящ. И. Фудель, вспоминая друга-учителя, раскрывал особенность творчества Леонтьева: «К. Леонтьев есть прежде всего художник мысли, как он сам часто любил называть себя. Он мыслит образами, и яркие картины, которые могли бы служить хорошей иллюстрацией доказанной мысли, очень часто заменяют ему всякие логические доказательства» [9: 160].
- 8 Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. СПб.: Издательство «Владимир Даль», 2005. Т. 7 (1). С. 471.
- 9 Цит. по: Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. СПб.: Издательство «Владимир Даль», 2006. Т. 7 (2). С. 588.
- 10 Вот как Благов отзывается о турецком убийце православных греков: «Я сначала выписал бы из Италии живописца, чтобы снять с него портрет, а потом повесил бы его...» [2: 183].
- 11 «Эстетические категории (красота, гармония, мера) в античные времена считались не только характеристикой и эталонным произведением искусства или явления природы, но и формообразующими принципами как природы в целом (космос), так и общественной жизни (полис). По этой причине совокупный комплекс эстетики не представлял собой в античности нечто замкнутое и обособленное <...>». Эстетика // Словарь античности: Пер. с нем. / [Сост. Й. Ирмшер в сотрудничестве с Р. Йоне]. М.: Прогресс, 1989. С. 665–666.

¹² Леонтьев К. Н. Избранные письма. 1854–1891. СПб.: Пушкинский фонд, 1993. С. 391.

¹³ См. [8: 163–177].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. СПб.: Издательство «Владимир Даль», 2002. Т. 4. 1048 с.
2. Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Coda, 1997. 343 с.
3. Булгаков С. Н. Победитель-побежденный // К. Н. Леонтьев: pro et contra. Кн. 1. СПб.: РХГИ, 1995. С. 376–392.
4. Диакон Михаил Желтов, Лукашевич А. А. Событие обретения св. Креста // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2005. Т. IX. С. 160.
5. Дионисий Ареопагит. О божественных именах, о мистическом богословии. СПб.: Глаголь, 1995. 369 с.
6. Иваск Ю. П. Константин Леонтьев (1831–1891). Жизнь и творчество // К. Н. Леонтьев: pro et contra. Кн. 2. СПб.: РХГИ, 1995. С. 229–686.
7. Лосев А. Ф. История античной эстетики (ранняя классика). М.: Высшая школа, 1963. 584 с.
8. Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви: Догматическое богословие. М.: Центр «СЭИ», 1991. 288 с.
9. Протоиерей Иосиф Фудель. Культурный идеал К. Н. Леонтьева // К. Н. Леонтьев: pro et contra. Кн. 1. СПб.: РХГИ, 1995. С. 160–180.
10. Фетисенко О. Л. Гептастилисты. Константин Леонтьев, его собеседники и ученики: (Идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XIX века – первой четверти XX века). СПб.: Пушкинский дом, 2012. 784 с.
11. Хоружий С. С. К феноменологии аскезы [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://azbyka.ru/dictionary/01/horzuzhiy_k_fenomenologii_askezy_01_all.htm (дата обращения 05.08.2016).

Kunil'skaya D. S., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

**ANTIQUÉ AND CHRISTIAN TRADITIONS
IN THE NOVEL “ODYSSEUS POLICHRONIADES” BY K. N. LEONTIEV**

The article deals with the interplay of antique and Christian traditions in the novel “Odysseus Polichroniades” written by K. N. Leontiev. The writer’s concept of the positive character is presented in the context of these cultural traditions. The conducted study helped to reveal existing links between antique traditions and Christian comprehension of the classical heritage. Thus, the ancient model is a part of the perfect representation of the Greek world. In this way, poetics of the ideal agree with K. N. Leontiev’s religious views. His Orthodox ideas, such as godliness of patriarchal culture, are transmitted to Greek characters in “Odysseus Polichroniades”. The antique influence manifests itself in the aesthetics of the novel. The struggle of these traditions is more evident in the opposition «icon-picture». The essential link between Christian and ancient traditions is studied in the article. Their close interconnection becomes more important than their controversy. The effect of their mutual influence of the two cultural ideals is revealed in poetics of the novel “Odysseus Polichroniades”.

Key words: antique tradition, Christianity, the “ideal” character

REFERENCES

1. Leont'ev K. N. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 12 tomakh* [Complete Works in Twelve Volumes]. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2002. Vol. 4. 1048 p.
2. Averintsev S. S. *Poetika rannevizantiyskoy literatury* [The poetics of early Byzantine literature]. Moscow, Coda Publ., 1997. 343 p.
3. Bulgakov S. N. The victor – the beaten [Pobeditel'-pobezhdenny]. *K. N. Leont'ev: pro et contra*. Vol. 1. St. Petersburg, RKhGI Publ., 1995. P. 376–392.
4. Diakon Mikhail Zheltov, Lukashevich A. A. The event leading the gain of St. Cross [Sobytie obreteniya sv. Kresta]. *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, Tserkovno-nauchnyy tsentr “Pravoslavnaya entsiklopediya” Publ., 2005. Vol. 5. P. 160.
5. Dionisiy Areopagit. *O bozhestvennykh imenakh, o misticheskom bogoslovii* [About the divine names, about the mystical theology]. St. Petersburg, Glagol' Publ., 1995. 369 p.
6. Ivask Yu. P. Konstantin Leontiev (1831–1891). The life and the works [Konstantin Leont'ev (1831–1891). Zhyn' i tvorchestvo]. *Leont'ev: pro et contra*. Vol. 2. St. Petersburg, RKhGI Publ., 1995. P. 229–686.
7. Losev A. F. *Istoriya antichnoy estetiki (rannaya klassika)* [The history of the antique aesthetic (the early classic)]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1963. 584 p.
8. Losskiy V. N. *Ocherk misticheskogo bogosloviya Vostochnoy Tserkvi: dogmaticheskoe bogoslovie* [The essay of the mystical theology of the Eastern Church: the Dogmatics]. Moscow, Tsentr “SEI” Publ., 1991. 288 p.
9. Protoierey Iosif Fudel'. The cultural ideal of K. N. Leontiev [Kul'turnyy ideal K. N. Leont'eva]. *Leont'ev: pro et contra*. St. Petersburg, RKhGI Publ., 1995. P. 160–180.
10. Fetisenko O. L. *Geptastilisty. Konstantin Leont'ev, ego sobesedniki i ucheniki: (Idei russkogo konservatizma v literaturno-khudozhestvennykh i publitsisticheskikh praktikakh vtoroy poloviny XIX veka – pervoy chetverti XX veka)* [Geptastilisty. Konstantin Leontiev, his interlocutors and follower (The ideas of the Russian conservatism in the work of art and the journalism of the latter half of the 19th – the first quarter of the 20th century)]. St. Petersburg, Pushkinskiy Dom Publ., 2012. 784 p.
11. Khoruzhiy S. S. *K fenomenologii askezy* [To the phenomenology of asketism]. Available at: http://azbyka.ru/dictionary/01/horzuzhiy_k_fenomenologii_askezy_01-all.htm (accessed 05.08.2016).

Поступила в редакцию 31.10.2016

ИРИНА СЕРГЕЕВНА МАТАШИНА

аспирант, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (Петрозаводск, Российская Федерация)
irinadesh@mail.ru

ПОКОЛЕНИЕ ПИСАТЕЛЕЙ «ДАГДРИВАРЕ» И РУНАР ШИЛЬДТ*

Рубеж XIX–XX веков стал для Финляндии временем больших перемен. В общественной жизни большое внимание привлекал вопрос о соотношении и статусе шведского и финского языков, их носители проходили процесс переосмысления своего положения в обществе. Шведоязычные жители Финляндии переживали кризис, вызванный давлением внешних обстоятельств и превращением из привилегированной части социума в национальное меньшинство. В связи с этим в литературе данного периода появляются разнообразие течений, отражающие настроения ее создателей. На их фоне выделяется группа писателей-«дагдриваре», позиция которых характеризовалась пессимизмом и пассивностью. Одним из наиболее талантливых и ярких представителей этого поколения являлся Рунар Шильдт, однако его творчество не ограничивалось рамками одной тематики. Тем не менее раннее его творчество, а более всего сборник новелл «Все побеждающий Эрос», содержит типичные для поколения «дагдриваре» сюжеты и мотивы.

Ключевые слова: шведоязычная литература Финляндии, Рунар Шильдт, «дагдриваре», «праздношатающиеся», национальное меньшинство

Одна из особенностей культурной жизни Финляндии состоит в ее параллельном развитии на двух языках: финском и шведском. Вопрос об их статусе на рубеже XIX–XX веков оказался предметом жарких споров, явился показателем социального сдвига в обществе: шведоязычное население из привилегированной его части стало национальным меньшинством. Это не могло не повлиять на его восприятие себя, своей страны, своего будущего.

Финский ученый Томас Варбуртон отмечает, что шведоязычная литература Финляндии начала XX века была «привязана к национальной среде» [12: 13], то есть характеризовалась гомогенностью. Однако, несмотря на общность исходных позиций, шведоязычные писатели зачастую имели сильно отличающиеся друг от друга представления о путях преодоления натиска финского и русского языков: некоторые обращались к традиционным, консервативным традициям, другие стремились впитать и ассимилировать достижения европейской культуры.

В финской шведоязычной литературе начала XX века выделяется группа писателей, взгляд которых на собственное настоящее и будущее был весьма своеобразным. В шведоязычных источниках за ними закрепилось название «dagdrivare» («праздношатающиеся»), в англоязычных – «men about town» [5: 398]. Э. Г. Карху объединяет этих писателей названием «фланёры» [1: 32]. Вариант на английском языке содержит в себе новый оттенок смысла, подчеркивает принадлежность таких людей к городской среде. В шведско-русском словаре Д. Э. Милановой приведено значение «бездельник» [2: 95]. В отечественном литературоведении перевод понятия «дагдриваре»

еще не утвердился, поэтому мы будем употреблять термин «праздношатающиеся», который не содержит негативной коннотации. Оригинальное шведское название появилось после выхода в свет одноименного романа Торстена Хельсингуса «Dagdrivare» (1914), хотя произведения других писателей, причисляемых к этой группе, публиковались и раньше. К ним относятся такие авторы, как Туре Янсон, Ричард Мальмберг (известный под псевдонимом Густав Альм), Хенрик Хильден, Хеннинг Сёдерйельм и другие.

«Дагдриваре» объединял мотив беспочвенности, потери своей родины и места в своем окружении. Именно этим они отличаются от традиционного понимания фланеров в европейской литературе¹. В произведениях «праздношатающихся» персонажи осознают собственную ненужность в новых, изменившихся условиях, притом что помнят, какое положение в обществе совсем недавно занимали их предшественники. Герои, созданные финскими авторами, испытывают тоску по активной, деятельной жизни, но не могут найти себе достойного применения. Поэтому сочетание мировоззрения фланеров и ощущения потери корней, родины в творчестве «дагдриваре» является специфическим явлением, оформившимся в уникальных социальных условиях Финляндии. Таким образом, у данной группы писателей позиция пассивного сопротивления является характерной общей чертой, а сходства в мировоззрении определяют близость сюжетов и образов героев.

Всех их, по словам исследователя Массимо Чиараволо, объединяли «прозаическая форма, урбанистические мотивы и способ их толкования, а также глобальный взгляд на жизнь» [7: 47].

Торстен Петтерссон выделяет также следующие особенности: «главные герои – мужчины (за редким исключением), обычно 20–30 лет; буржуазия по происхождению, обладают светским взглядом на жизнь, выпустились из гимназии, возвращаются в так называемых образованных кругах, горожане. Действие часто происходит в городе, в основном в общественных местах, на улице, в театре, трактире и других увеселительных заведениях, даже если окружение деревенское, оно передано глазами городского жителя. Повествование, как правило, ведется в третьем лице; рассказчик скупо комментирует повествование и отказывается от пространных авторитетных оценок. Стиль ясный и сжатый» [9: 9].

Среди писателей группы «праздношатающихся» исследователи особо выделяют Рунара Шильдта (1888–1925), который, в отличие от своих собратьев по цеху, не писал романов, ограничиваясь менее масштабными жанрами. Ранние произведения Р. Шильдта вполне соответствуют тематике «дагдриваре». В 1912 году он выпустил свой первый сборник из шести новелл – «Все побеждающий Эрос» («Allt segrande Eros»), в котором нашли отражение типичные пессимистические сюжеты. В то же время достоинством новеллистики Р. Шильдта признается полифонизм, поскольку «мы слышим много голосов и встречаем разные точки зрения, в отличие от типичного романа этого направления, где молодой герой или антигерой постоянно занят поиском самого себя» [6: 102].

В заключительной новелле сборника – «К сумеркам» («Mot skymningen») отчетливее всего слышны сожаления о необратимых изменениях в жизни финских шведов. Перед двоюродными братьями, представителями молодого поколения, простираются два возможных жизненных пути. Главный герой Биргер Вейдел оказывается перед непростым выбором, поскольку в день своего совершеннолетия узнает: его родовое поместье Нумлак находится в бедственном положении. Молодой человек, привыкший к путешествиям и развлечениям, будет вынужден отказаться от привычного времяпрепровождения и жить в весьма стесненных обстоятельствах, чтобы сохранить имение. В противном случае его придется продать. Двоюродный брат Биргера, Микаэль, изображен типичным представителем «праздношатающихся», однако напускная веселость и бравада не заполняют внутреннюю пустоту, от которой он пытается сбежать, заявляя: «Я не могу дышать! Сам воздух здесь тяжел от воспоминаний. Завтра я уезжаю, я хочу услышать родную песню: стук поршней и грохот вагонов» [10: 290]. Кажется, что и Биргер изберет похожую судьбу. Тем более неожиданным оказывается его решение: несмотря ни на что сохранить свое родовое гнездо, отказавшись от перспектив свободы и обеспеченности. Именно этот выбор дает

главному герою возможность преодолеть ощущение бессмысленности жизни: «Пролог окончен, занавес поднят для большой пьесы, но он сам больше не будет сидящим равнодушным зрителем, он смешает свой род с другими, будет так же страдать, радоваться, сражаться за цель, может быть, безнадежно, но все же!» [10: 292]. Ценность новеллы заключается в разностороннем освещении проблемы утраты финскими шведами бывшего положения.

Помимо молодых героев и их видения ситуации Р. Шильдт вводит в сюжет второстепенных героев старшего поколения, которые лучше помнят былое и острее ощущают перемены. Приехавший в поместье гость, граф фон Клаас, в разговоре со своей ровесницей сетует: «Все было довольно хорошо. И скоро все закончится» [10: 289]. Разница между отцами и детьми в новелле показана не только через действующие лица. Пессимизм и пассивность молодежи оттеняет рассказ-отступление автора о славном прошлом их предков, получивших в свое распоряжение поместье за деяния на военном поприще. Их история полна славных дел, которые так любил представлять себе молодой Биргер. Тем ярче на этом фоне ощущается ненужность молодежи. Дядя, граф Вейдел, выговаривает Микаэлю: «Ты явно считаешь, что твой отец сделал достаточно для двух поколений» [10: 242].

Масштаб происходящих изменений Р. Шильдт иллюстрирует не только в основной сюжетной линии новеллы, но и в, казалось бы, совершенно невинном описании светского разговора, в который неожиданно вклинивается реплика о последнем шведском дворе во всем приходе. Воплощением образа новых хозяев Финляндии становится неуклюжий и несуразный домашний учитель – господин Янхунен.

Рассматривая сюжет и мотивы данной новеллы, нельзя не провести параллель с пьесой А. П. Чехова «Вишневый сад». Родовое гнездо Любови Андреевны Раневской и ее брата, являясь в пьесе символом дворянской России, попадает в руки к Лопухину, представляющему иное поколение людей. Так и финское поместье Нумлак, которое дорого его настоящим владельцам как наследие их славного рода, для потенциальных покупателей представляет интерес как показатель уровня их состоятельности. Сходство заметно и в выборе действующих лиц. В обоих произведениях читатель встречает образ старого слуги: Фирса, забытого в поместье после отъезда господ, и Эстмана, доверенного лица Вейделов, которого не слушают и не ценят ни гости имения, ни молодые работники.

Данных о непосредственном влиянии прозы А. П. Чехова на Р. Шильдта нет, но можно говорить о типологическом родстве произведений, в которых дана картина смены поколений в общем историческом контексте.

В новелле «К сумеркам» Рунар Шильдт, следуя традициям писателей-«дагдриваре», заострил свое внимание на проблеме ощущения ненужности финских шведов в финноязычной среде. Старшее поколение пытается жить в рамках привычного уклада, а их дети ищут себя и новое место на своей родине. Удастся это лишь Биргеру, который, задумавшись о будущем, обретает вектор развития в грядущей тяжелой работе по спасению наследия предков.

Подобные коллизии читатель встречает на страницах других новелл сборника: «Все побеждающий Эрос», «Божество прекрасного мгновения» («Det gynnsamma ögonblickets gud»), «Ахиллесова пята» («Аkillshälen»), «Новая жизнь» («Ett nytt lif»), «Ракета» («Raketen»). В каждой из них перед читателем разворачивается галерея образов людей, по-разному растрачивающих мгновения жизни. Молодые люди, находящие смысл бытия в любви, теряют его, разочаровываясь в предметах своей страсти. Так, герои первых двух новелл, вдохновившись вспыхнувшими чувствами, видят себя на пути к счастью, однако в скором времени остаются в одиночестве перед лицом «изменчивой жизни» [10: 141]. В новеллах «Ахиллесова пята» и «Ракета» внимание автора сосредоточено на женских образах, которых он наделяет большей душевной силой, чем персонажей-мужчин. Спутники героинь представляют собой типичных «праздношатающихся», тогда как девушки находят в себе внутреннюю силу, чтобы преодолеть встречающиеся на их пути препятствия. В сборнике присутствуют персонажи, появляющиеся в нескольких новеллах. Два из них – Бирнер и Микаэль Вейдел – станут ключевыми фигурами в заключительном произведении сборника, а еще один – Оке Хольм – выступает примером того, как появившееся было желание изменить свою судьбу так ни к чему и не

приводит (новелла «Новая жизнь»). После долгих и эмоциональных рассуждений о грядущих переменах молодой человек отправляется домой «старой, обычной дорогой» [10: 206].

Особенностью творчества Рунара Шильдта, выделяющей его среди других писателей, стала пластичность и чуткость к смене общественно настроений. Как отмечает Массимо Чиараволо, к 1915 году образ «дагдриваре» появился в произведениях многочисленных эпигонов, превратившись в клише, и Р. Шильдт обратился к новым мотивам. По словам исследователя, интерес писателя шире многих границ: «... между высшим и низшим классом, городом и деревней, шведским и финским, между гендерами» [6: 102]. При этом современники отмечали психологизм Шильдта, высокий художественный уровень произведений и мастерство владения языком, в то время как изображенных героев называли «однообразными, скучными и пассивными» [8: 127]. После того как образ финского «праздношатающегося» стал неактуальным, писатель продолжил творческий поиск. В его новеллах нашли отражение и гражданская война (сборник «Возвращение домой» / «Hemkomsten» 1919 год), и размышления о чувстве отчужденности от общества (сборник «Ведьмин лес» / «Näxskogen», 1920 год). Можно согласиться с профессором Джорджем Шульфелдом: «... называть Шильдта “эстетическим декадентом” неверно, это не воздает ему должное, сужает рамки его дарования» [11]. Читатели признавали талант Рунара Шильдта и ожидали произведения, в котором была бы передана драма всего поколения финских шведов начала XX века. Р. Шильдт не стал автором романа, но дальнейшая его творческая жизнь была преодолением тематики «дагдриваре», что воплотилось еще в нескольких сборниках новелл.

* Статья издается в рамках реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг. по инициативному проекту «SCANDICA: культурные конвергенции».

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Существуют, к примеру, такие определения понятия «фланер»: фланер – это человек, совершающий беспорядочные по схемам передвижения, променады, моционы и прогулки в городском (или любом другом) пространстве с целью созерцания и наблюдения за тем, что или кто привлекает внимание, кажется интересным и занимательным [3]. Человек, гуляющий без дела, праздношатающийся [4: 1103].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карху Э. Г. История литературы Финляндии, XX век. Л.: Наука, 1990. 607 с.
2. Миланова Д. Э. Большой шведско-русский словарь. М.: Живой язык, 2006. 760 с.
3. Симбирцева Н. А. Фланер как интерпретатор текста культуры // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 5 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=6959> (дата обращения 30.08.2016).
4. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Альфа-Пресс, 2005. 1216 с.
5. Ahokas Jaakko. A history of Finnish literature. Bloomington: Indiana University publications Uralic and Altaic series, 1973. 568 p.
6. Chiaravolo Massimo. Storstaden och flanören som finlandssvenskt problem. Runar Schildt, Arvid Mörne och Erik Grotenfelt // Flanörens världsbild. KVHAA Konferenser 84. Stockholm, 2014. P. 93–106. Available at: https://flore.unifi.it/retrieve/handle/2158/900175/50139/Schildt_M%C3%B6rne_Grotenfelt.pdf (accessed 31.08.2016).
7. Chiaravolo Massimo. Dagdrivare och Runar Schildt // Finlands svenska litteraturhistoria. D. 2, 1900-talet / Red. av Michel Ekman. Helsingfors: Svenska litteratursällskapet i Finland, 2000. P. 47–54.
8. Holmström Roger. Traditionalister och modernister – linjer i finlandssvensk litteratur-kritik på tio- och tjugotalet // Från dagdrivare till feminister. Studier i finlandssvensk 1900-litteratur / Red. av Sven Linner. Helsingfors: Svenska litteratursällskapet i Finland, 1986. P. 119–169.

9. Pettersson Torsten. Det svårtgripbara livet & Ett förbisett tema i dagdrivarlitteraturen // Från dagdrivare till feminister. Studier i finlandssvensk 1900-litteratur / Red. av Sven Linner. Helsingfors: Svenska litteratursällskapet i Finland, 1986. P. 9–41.
10. Schildt Runar. Den segrande Eros och andra berättelser. Helsingfors: Söderström & C:o förlagsaktiebolag, 1912. 293 p.
11. Schoolfield George C. Life as an outsider // Books from Finland. 1988. № 3. Available at: <http://www.booksfromfinland.fi/1988/09/life-as-an-outsider/> (accessed 31.08.2016).
12. Warburton Thomas. Åttio år finlandssvensk litteratur. Jakobstad: Jakobstads Tryckeri och Tidnings AB, 1984. 428 p.

Matashina I. S., Institute of Language, Literature and History of Karelian Research Centre
(Petrozavodsk, Russian Federation)

GENERATION OF “MEN ABOUT TOWN” WRITERS AND RUNAR SCHILDT

The turn of the XIX–XX centuries became a time of great changes in Finland. The issue of relationships and the status of Swedish and Finnish languages were questions of great importance. A great number of native speakers had to redefine their social position. The Swedish speaking Finns experienced a particular crisis, which was caused by the transformation of the privileged part of the society to a class of national minority. Consequently, there was a variety of literary trends reflecting the mood of its creators. Against this background, a group of “men about town”-writers demonstrated pessimism and passivity. Runar Schildt was one of the most talented and prominent representatives of this generation, but his works were one-dimensional. Nevertheless, his early works, and especially his collection of novels “The conquering Eros”, contain typical “men about town” themes.

Key words: Swedish Finnish literature, Runar Schildt, “dagdrivare”, “men about town”, national minority

REFERENCES

1. Karkhu E. G. *Istoriya literatury Finlyandii, XX vek* [A history of Finnish literature of the XX century]. Leningrad, Nauka Publ., 1990. 607 p.
2. Milanova D. E. *Bol'shoy shvedsko-russkiy slovar'* [Big Swedish-Russian Dictionary]. Moscow, Zhivoy yazyk Publ., 2006. 760 p.
3. Simbirtseva N. A. Flaneur as an interpreter of the text of culture [Flaner kak interpretator teksta kul'tury]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 2012. № 5. Available at: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=6959> (accessed 30.08.2016).
4. Ushakov D. N. *Tolkovyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the modern Russian language]. Moscow, Al'ta-Press Publ., 2005. 1216 p.
5. Ahokas Jaakko. A history of Finnish literature. Bloomington: Indiana University publications Uralic and Altaic series, 1973. 568 p.
6. Ciaravolo Massimo. Storstaden och flanören som finlandssvenskt problem. Runar Schildt, Arvid Mörne och Erik Grotenfelt // Flanörens världsbild. KVHAA Konferenser 84. Stockholm, 2014. P. 93–106. Available at: https://flore.unifi.it/retrieve/handle/2158/900175/50139/Schildt_M%C3%B6rne_Grotenfelt.pdf (accessed 31.08.2016).
7. Ciaravolo Massimo. Dagdrivare och Runar Schildt // Finlands svenska litteraturhistoria. D. 2, 1900-talet / Red. av Michel Ekman. Helsingfors: Svenska litteratursällskapet i Finland, 2000. P. 47–54.
8. Holmström Roger. Traditionalister och modernister – linjer i finlandssvensk litteratur-kritik på tio- och tjugotalet // Från dagdrivare till feminister. Studier i finlandssvensk 1900-litteratur / Red. av Sven Linner. Helsingfors: Svenska litteratursällskapet i Finland, 1986. P. 119–169.
9. Pettersson Torsten. Det svårtgripbara livet & Ett förbisett tema i dagdrivarlitteraturen // Från dagdrivare till feminister. Studier i finlandssvensk 1900-litteratur / Red. av Sven Linner. Helsingfors: Svenska litteratursällskapet i Finland, 1986. P. 9–41.
10. Schildt Runar. Den segrande Eros och andra berättelser. Helsingfors: Söderström & C:o förlagsaktiebolag, 1912. 293 p.
11. Schoolfield George C. Life as an outsider // Books from Finland. 1988. № 3. Available at: <http://www.booksfromfinland.fi/1988/09/life-as-an-outsider/> (accessed 31.08.2016).
12. Warburton Thomas. Åttio år finlandssvensk litteratur. Jakobstad: Jakobstads Tryckeri och Tidnings AB, 1984. 428 p.

Поступила в редакцию 22.09.2016

ИРИНА ВАЛЕРЬЕВНА РОМАНОВСКАЯ

старший преподаватель кафедры скандинавской филологии филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

*romanovskaia.irina@gmail.com***«ЕВНУХ ДУШИ ЧЕЛОВЕКА...» В РОМАНЕ А. ПЛАТОНОВА «ЧЕВЕНГУР»:
ДИАЛОГ РОССИЙСКОГО И ШВЕДСКОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ**

Впервые в научный оборот вводится шведский перевод романа А. Платонова под названием «Дон Кихот в революции» (1973 год, переводчик С. Вальмарк), а также научные статьи шведских исследователей, посвященные роману. Нами предпринята попытка рецептивного анализа одного из центральных фрагментов романа о «евнухе души человека» в его современном шведском и российском прочтении. Представлены различные подходы – философский, философско-антропологический, психологический, сомнический. Шведские исследования (П.-А. Бодин, Л. Шёквист, Т. Лане) затрагивают актуальные для современного платоноведения проблемы языка, жанровой модели, мотива двойничества, образа Другого и открывают новые области в изучении романа. Шведский перевод «Дон Кихот в революции», как и оригинальный текст «Чевенгура», формирует концепцию литературного метажанра – метаутопии, совмещающей черты утопии и антиутопии. Однако если в «Чевенгуре» доминирует антиутопическая фантазия несбывшихся надежд, то в «Дон Кихоте» сильнее выражена утопическая линия, маркированная уже в названии, отсылающем к роману Сервантеса. Отсутствие единства в определении роли «евнуха души человека» в художественном пространстве романа и подходов к его изучению обусловлено как минимум тройным его статусом в художественном тексте (метафора, образ, мотив). Особое внимание уделено «топосам» шведских исследований, а также лингвокультурному обоснованию сближения образа «евнуха души» с «ангелом» в шведской рецепции.

Ключевые слова: «Чевенгур» А. Платонова, «евнух души», метафора, образ, мотив, психоанализ, нарратив, шведская рецепция, С. Вальмарк, П.-А. Бодин, Л. Шёквист, Т. Лане

Неоспоримым фактом является то, что роман «Чевенгур», написанный А. Платоновым в 1926–1928 годах (по другим сведениям, в 1927–1928 годах) принадлежит великой русской литературе. Многослойный во всех смыслах роман, который, по мнению Л. Шубина, «рос как дерево», буквально «вырастал» из рассказов и повестей [16: 208]. Это центральное произведение писателя, посвященное революционным преобразованиям в России. Одновременно его содержание – вне времени и пространства или вбирает в себя самые разные времена и пространства. Роман был написан в переломный момент в судьбе страны и писателя, а потому в произведении можно увидеть, как тесно переплетаются надежды и разочарования, связанные со строительством коммунизма. Роман содержит социально-философскую, онтологическую, экзистенциальную проблематику. Ищущий ответы на вопросы Платонов охватывает в произведении множество тем – от революционных преобразований общества и переустройства мира до утраты духовных крепей и сиротства.

Первый шведский перевод¹ «Чевенгура» под названием «Дон Кихот в революции» был предпринят в 1973 году переводчиком, сотрудником шведской газеты «Дагенс Нюхетер», литературным критиком С. Вальмарком. Вальмарк сделал

много для знакомства шведов с новой русской литературой. Его называли «шведским ухом на восток» [20: 12], подчеркивая его крепкую связь с Советским Союзом. В его переводах вышли произведения М. Шагинян, Л. Сейфуллиной, К. Симонова, А. Ахматовой, А. Солженицына, В. Аксенова и многих других писателей. Заслужившей переводчика стало введение романа Платонова в шведский литературный контекст. Благодаря ему книга, еще неизвестная советскому читателю, вошла в круг наиболее значимых художественных источников о жизни и истории Советской России в Швеции.

Роман «Дон Кихот в революции» был представлен читателю в сокращенном виде: в нем отсутствовала, как и в парижском издании (1972 год), первая часть о дореволюционной жизни («Происхождение мастера»). В шведском переводе были сокращены, опущены и другие эпизоды («У Шумилина», «Семья Поганкиных», «Знакомство с богом», «Коммуна “Дружба бедняка”», «Ревзаповедник Пашинцева», «Копенкин и бандиты в Черной Калитве»). Название романа «Дон Кихот в революции» актуализирует не пространственно-временные или национальные координаты попытки строительства коммунистической утопии, а образ защитника революционных идеалов. Шведское название акцентирует

связь платоновского романа о русской революции с романом испанского писателя М. де Сервантеса «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» (1605–1615 годы). В шведской редакции романа произошло смещение сюжетных функций героев. В переводе гротескный, лиро-сатирический образ верного идеалам революции Пашинцева (своеобразная пародия на Дон Кихота) дан в сокращении – роль рыцаря революции взял на себя Копенкин. «Дон Кихот» Копенкин предстал в шведской версии главным героем романа, а «Гамлет» Дванов занял место его спутника. Впрочем, в платоновском романе герои меняют свои функции. Шведский профессор П.-А. Бодин увидел в двойственности центральный художественный прием Платонова [1]. Бодин рассматривает амбивалентность как ключ к пониманию поэтики художественных текстов, мировоззрения, личности и творческой судьбы писателя. Он пишет о конфликте «внутреннего» и «внешнего», спровоцировавшего возникновение уникальной художественной философии Платонова, а также ощущение поливариативности в рецепции его произведений. «Дон Кихот в революции» метафорически прочитывается и как призыв к защите идеалов революции, и как роман-путешествие, и как эпос о советской жизни и истории.

«Дон Кихот в революции» может быть осмыслен в рамках исторической поэтики – он обладает памятью жанра. Подобно испанскому предшественнику роман тяготеет к жанру утопии. В шведском переводе в большей степени развит сюжетообразующий рыцарский миф: верный идеалу революции Копенкин служит персонафицированной идее в виде Прекрасной дамы Розы Люксембург. «Дон Кихот в революции», как и оригинальный текст «Чевенгура», формирует концепцию литературного метажанра – метаутопии, совмещающей черты утопии и антиутопии. Двойственность создает уникальную возможность полифонического прочтения романа. Если в «Чевенгуре» дана антиутопическая социальная фантазия на тему нежеланного будущего, то в «Дон Кихоте» сильнее выражена утопическая линия.

В «Чевенгуре» на всех уровнях проявляет себя поэтика загадки [2: 183]. В качестве основных принципов миромоделирования и создания образа у Платонова называют принципы зеркальности [18], деперсонализации и депсихологизации [10: 23]. Одной из загадок романа является фрагмент, где говорится о существовании «альтер эго» Саши Дванова: некоем «маленьком зрителе», «свидетеле» жизни человека, никого не беспокоящем «швейцаре». Кульминационным определением *Другого* в человеке стал «евнух души человека»². В романе есть еще несколько эпизодов, усиливающих присутствие и зримость образа «евнуха души человека». В сцене ночлега героя у Феклы Степановны «Дванов почувствовал тягость своего будущего сна», и вновь по-

является «уединенный грустный наблюдатель»³. При переезде «рыцарей революции» из ревзаведника Пашинцева в Черную Калитву Дванов чувствует, что его «сознание уменьшается», и снова возникает образ сторожа, «который не принимает участия в человеке, а лишь подремывает в нем за дешевое жалованье»⁴.

В современном платоноведении отсутствует единство в понимании семантики и роли «евнуха души человека» в художественном замысле автора. Образ соотносят с ангелом народных поверий [4: 56–58], наблюдателем из древнеиндийской философии Атманом [3: 42–43]. Его определяют через православную традицию [6: 57] и как знак слома христианской традиции в революционной стихии жизни [14: 55–56], находят смысловые переклички с образами из произведений М. Лермонтова и Ф. Достоевского [17: 59], Б. Пастернака [7]. Этот образ-понятие – квинтэссенция языка Платонова [8], задает угол восприятия художественного текста [18]. По мнению ряда исследователей, в «евнухе души человека» зашифровал и одновременно обозначил себя сам автор – Платонов. Это утверждение, с нашей точки зрения, спорное, так как в одном из писем к жене М. Кашинцевой Платонов замечал, что «истинного себя он еще никогда не показывал и едва ли покажет»⁵.

В словосочетании «евнух души человека» наибольший интерес представляет лексема «евнух». Словом «евнух» назывался «кастрат, в частности оскопленный слуга, предназначенный к служению в гаремах»⁶. В. И. Даль дает схожее определение: «скопец, каженик, кастрат; страж при гареме мусульман». В русской традиции словопотребления в лексеме «евнух» объединялись такие значения, как «изуродованный, испорченный человек» и «хранитель, защитник, страж»⁷.

Шведский Академический словарь трактует слово «евнух» («eunuck») как «особый вид бесславных / позорных слуг в классической древности на Востоке: камердинер, надзиратель / смотритель, охранник женщин в гареме. Более общее значение – “скопец, кастрат”. Существует и переносное значение – “духовно стерильный человек”» [19] – истинный, правильный, совершенный, чистый, подобный Богу. В шведской культурной традиции смысловое содержание слова «евнух» оформлено антитезой: позор / чистота, бесславное / истинное существование.

В платоновском образе-понятии «евнух души человека» проявляет себя вариативность, множественность смыслов, чему способствует контекст и развернутый синонимический ряд: «маленький зритель», «свидетель», «швейцар», «ангел-хранитель», «уединенный грустный наблюдатель». «Евнух души» предстает защитником, стражем, ангелом-хранителем и в то же время зрителем, чужим, посторонним, близкое и в то же время далекое существо (человек), фаталист и идеалист в одном лице.

Обратимся к переводу.

«Чевенгур»	«Дон Кихот в революции»	Дословный перевод со шведского языка
Но в человеке еще живет маленький зритель – он не участвует ни в поступках, ни в страдании – он всегда <i>хладнокровен и одинаков</i> .	Men inom människan lever också en liten åskådare, som varken deltar i handlingar eller prövningar utan alltid <i>står utanför, kylig och isolerad</i> .	Но в человеке живет также маленький зритель / свидетель / очевидец, который не участвует ни в поступках, ни в испытаниях, но всегда <i>посторонний / стоит в стороне, холодный и обособленный / изолированный</i> .

Во фразе «он всегда хладнокровен и одинаков» автор использует лексему «одинаковый», которая синонимична значению слов «постоянный» и «равный». «Одинаковый» означает «равно заинтересованный или равно безучастный»; важным критерием является степень, качество соблюдаемого человеком равновесия. В шведском переводе использовано причастие «*isolerad*» (досл.: изолированный, обособленный). Этот эквивалент может быть интерпретирован как «уединенный, одинокий, отделенный от ч-л. / к.-л.». В восприятии шведского читателя образ маленького зрителя, швейцара в описании состояния Дванова не «равно безучастный или равно заинтересованный», а «одинокий, посторонний». Ощущение обособленности усилено дополнительной фразой, отсутствующей в оригинале: «...alltid står utanför, kylig och isolerad» (досл.: всегда стоит в стороне, холодный и обособленный). В переводе альтер эго Дванова не только присутствует характеристика «одинокого», «чужака», «постороннего человека», которая подкрепляется дальнейшим повествованием, где вводится вопрос «зачем он одиноко существует» (в пер.: «*varför han existerar i sin isolering*», досл.: зачем он существует в своем одиночестве / в своей обособленности). Создается образ отчуждения – чужого – по отношению к жизни и себе самому.

«Евнух души...» – это метафора, которая, по мнению В. Подороги, амбивалентна и может означать, с одной стороны, внутреннего наблюдателя в душе, а с другой стороны – внешнего надсмотрщика за душой человека [10]. Метафора обладает высокой степенью образности, благодаря чему визуализируется в образе двойника Дванова. Эта характеристика главного героя, по мнению И. Спиридоновой, не носит универсальный характер, а представляет главного героя только в момент внутреннего надлома [14: 56], когда Дванов «в своих сиротских скитаниях в революционном мире окончательно утрачивает связь с народной христианской традицией» [14: 55]. О том, что эта характеристика не является универсальной для героя, свидетельствуют эпизоды, в которых образ Дванова определен через другие качества – совесть, сочувствие, теплоту.

Образ-метафора «евнух души человека», имеющий синонимический ряд характеристик героя в пределах одного повествовательного фрагмента (сторож, зритель), а также сцен, событий и состояний этого и других героев (болезнь, сон), реали-

зует себя также как мотив (мотив двойничества). «Евнух души человека» как смысловое пятно, по Б. М. Гаспарову, укладывается в формулу «двойничество Дванова». Эта формула важна для понимания сюжета произведения – контаминация мотивов развивает и определяет художественную реальность, через мотив одновременно происходит оценка событий и героев. В отличие от А. Н. Веселовского, который определяет мотив как единицу сюжета, в современном литературоведении мотив все чаще рассматривают как единицу нарратива. Обращаясь к исследованиям И. В. Силантьева, подчеркнем его мысль о корреляции мотива и героя, в силу чего «евнух души человека» в «Чевенгуре» «оказывается в центре событий и формирует окончательный смысл произведения в целом» [13: 82]. Двойственность как принцип построения образа и мотива, а также героя и системы персонажей позволили шведскому слависту П.-А. Бодину рассматривать амбивалентность как ключ к пониманию поэтики писателя; конфликт внутреннего и внешнего, считает исследователь, порождает уникальную художественную философию Платонова [1].

В Швеции обстоятельный анализ фрагмента «евнуха души человека» проведен докторантом кафедры славянских языков гуманитарного факультета Стокгольмского университета Л. Шёквист. Ей принадлежат такие исследования, как: «Художественная картина мира А. Платонова: время и пространство в романе “Чевенгур”», «Принцип формирования системы персонажей у Андрея Платонова (на примере романа “Чевенгур”», «Эстетика Платонова: проблема читателя», «К вопросу об антропоморфности нарратора в романе А. Платонова “Чевенгур”» [15]. Изначально определяя «евнуха...» как метафорический образ, она подчеркивает, что за ним (в нем) скрывается повествовая инстанция, определяющая ракурс восприятия текста, то есть приходит к пониманию «евнуха...» как мотива. Раскроем основные положения научного исследования Шёквист.

В работе «К антропоморфности нарратора...» развита мысль о присутствии в романе Другого, от лица которого ведется повествование. Шёквист опирается на исследования В. Подороги, однако сосредотачивает внимание на проблеме точки зрения в повествовательной структуре произведения, а не на философском дискурсе проблемы. В российском литературоведении

образ Другого рассматривала Н. Полтавцева на материале драматургических произведений [11], [12]. Диалогичность как особенность драматургии определяет наличие в произведениях для театра Героя и Другого. Это положение может быть применено и к прозе Платонова, так, в «Чевенгуре» наблюдается внутреннее «расщепление» «Я» Дванова на две роли – «Я» и «Он». Рассматривая «евнуха души...» в контексте образа Другого, Подорога и Полтавцева развивают философско-антропологическую концепцию. Шёквист анализирует формы проявления и функции Другого в повествовательной стратегии автора. Нарратор в «Чевенгуре» существует и в самом повествуемом мире, и в акте повествования, и поэтому представлен по-разному. В повествуемом мире нарратором является «евнух души», а в акте повествования Другой «обнаруживает себя в “странностях” платоновского стиля».

Шёквист применяет теорию психоанализа Фрейда. Рассматривая «евнуха души человека» в свете сомнологии, она выходит на категорию бессознательного (аналогичный подход находим у Н. Пенкиной [9]): «...повествующую инстанцию можно обнаружить, когда герой спит, а вернее, когда его сознание находится в состоянии забытья (то есть в бессознательном состоянии. – И. Р.)» [15]. Роман «Чевенгур» рассказан Двановым в состоянии сна, где «евнух души человека» – это метафора предсознательного. В состоянии сна мысли прорываются в сознательное, «преображаясь» в словах романа. Шёквист считает, что нарратор (он же евнух) «богоподобен», он присутствует везде и во всем [15].

В отличие от отечественных работ, в которых «евнух» рассматривается с позиции непосредственно смыслового наполнения (кто есть «евнух» в романе, кого / что имел в виду Платонов), в работе шведской исследовательницы акцент сделан на нарративных стратегиях (зачем, почему этот образ возникает и какую функцию несет в тексте) в духе современных европейских исследований (ср.: А. Кеба «“Точки зрения” в контексте повествовательных стратегий» [5]). По нашему мнению, к анализу фрагмента можно применить не только теорию Фрейда, но и другие психоаналитические концепции XX века, например теорию архетипов К. Юнга. В таком случае у Платонова можно увидеть архетип Самости, держащий в единстве бессознательное и сознательное начало человеческой личности. Он персонифицирован в образе «евнуха души» Дванова. Архетип Самости стремится к гармонии сознательного и бессознательного, и до тех пор пока гармония отсутствует – душа человека неспокойна.

Другая шведская исследовательница, славист Т. Лане анализирует фрагмент иначе. Отправной точкой литературоведческого исследования является изучение сознания. Сновидения героев, считает Лане, становятся для автора способом

создания утопии и раскрытия утопического сознания. Дванов находится в полусознательном состоянии. За ним наблюдает «евнух души человека», или «ангел-хранитель» – образ, который и есть сознание. Лане обращает внимание на то, что Платонов создает образ внутреннего мира человека как сооружения – «дома» с жителями. «Люди входят и выходят, и только бодрствующий швейцар отвечает за постоянство и порядок. Он всегда присутствует в человеке, несмотря на то, что его там нет, он ничего не говорит об observable жизни, и даже не живет в человеке – у него “квартира в другом доме”» [22]. Лане рассматривает проблему отчуждения «внутреннего я», изоляцию сознания и считает, что наличие объективного сознания (подобно «мертвому брату» человека) связано с контролем над «интимной» составляющей (подобные идеи встречаются у Хайдеггера) [22].

Шёквист трактует «евнуха» как образ и мотив, Лане, в свою очередь, видит в нем образ-метафору. Обе развивают концепции на основе категории «сознания», но делают это по-разному: Шёквист – с позиции психоанализа и поиска нарратора, Лане – с точки зрения философии и утопического мышления. Фрагмент дает возможность взглянуть на роман как диалог сознаний, где наряду с субъективным суждением вводится, так сказать, разоблачающее мнение эксперта. Если, по Шёквист, «разоблачающее» начало принадлежит предсознанию, находится внутри человека, то у Лане «экспертная» точка зрения обнаруживает себя вовне.

Однако и Шёквист, и Лане приходят к общему выводу и рассматривают «евнуха души человека» как объективного рассказчика, отличающегося от реального героя Дванова и знающего финал. В обоих исследованиях «евнух души» трактуется как синоним (или вариант) *ангела*. Ангелы в христианском учении – это бесполое, бестелесные существа. Это представление находит отражение в семантике слова «евнух», главное значение которого «скопец», «каженик». В шведской культурной семантике в слове «ангел», как и «евнух», присутствует значение «стерильности». С одной стороны, евнух указывает на бесполое существо, с другой стороны, имеет свойство духовной чистоты – и первое, и второе корреспондирует с понятием ангел. Физическое «Я» ангела эфемерно, оно отчуждено от духовного «Я». Телесная «несостоятельность» ангела компенсирована внутренними ресурсами: ангел одарен разумом, который соединяет сознательное и бессознательное, он является духовной субстанцией. На примере образа Дванова видно, как материя и сознание сосуществуют, являются отражениями друг друга. Дванов и евнух – это «зеркальные перевертыши»: ангел как существо идеальное противопоставлено реальному Дванову. Там, где присутствует «недостача» у одного,

у другого наблюдается «излишек» (телесность, разум, чувственность и пр.).

Ангел – это и сторонний наблюдатель, и страж, но главное, что он определяет угол сознания, фиксирующий внутренние и внешние метаморфозы. Он наделен функцией посланника Бога. Его кредо звучит как «Я там, где я нужен». Об ангельской функции «евнуха души человека» пишет Т. Лане: «евнух» приходит к человеку в трудные минуты, когда в нем больше всего нуждаются [22]. Он находится и «с человеком», и «в человеке», и «вне человека». Повествование в романе ведется от третьего лица, в нем присутствует «всезнающий» нарратор, который более активно проявляет себя в эпизодах с главным героем. Этим «созерцающим умом», безличным существом является «евнух

души», он же представлен в повествовании с точки зрения народного христианства как «ангел-хранитель», который проникает в самые потаенные уголки сознания персонажа.

В современном отечественном и шведском литературоведении сложились несколько подходов к интерпретации «евнуха души человека»: философское, философско-антропологическое, психологическое, философско-психоаналитическое, сомническое и др. Разнообразие научных исследований лишь подтверждает, что образ-метафора-мотив «евнух души человека» в «Чевенгуре» требует дальнейшего изучения. Статьи шведских славистов Бодина, Шёквист, Лане и других намечают важные перспективы в вопросе рецепции творчества Платонова.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Современное шведское издание «Чевенгура» вышло в свет в 2016 году (перевод К. Э. Линдстен).

² Платонов А. П. Чевенгур: Роман; Котлован: Повесть [Сост. Н. В. Корниенко, Отв. ред. Н. М. Малыгина]. М.: Время, 2011. С. 104.

³ Там же. С. 115.

⁴ Там же. С. 152.

⁵ Платонов А. «...я прожил жизнь»: Письма. 1920–1950 гг. М.: Астрель, 2013. С. 200.

⁶ Брокгауз Ф. А. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб.: Семеновская типолитография, 1893. Т. XI. С. 421–422.

⁷ Даль В. И. Толковый словарь Живаго Великорусского языка: В 4 т. СПб.; М., 1880. Т. 1 (А–З). С. 528.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бодин П. - А. Загробное царство и Вавилонская башня. О повести Платонова «Котлован» // Классицизм и модернизм. Тарту: Тартуский университет, 1994. С. 168–183.
- Вьюгин В. Ю. Андрей Платонов: поэтика загадки (Очерк становления и эволюции стиля). СПб.: РХГИ, 2004. 440 с.
- Дмитровская М. А. Проблема человеческого сознания в романе А. Платонова «Чевенгур» // Творчество Андрея Платонова: Исследования и материалы. Библиография. СПб.: Наука, 1995. С. 39–52.
- Дырдин А. Потаенный мыслитель. Творческое сознание Андрея Платонова в свете русской духовности и культуры. Ульяновск: УлГТУ, 2000. 172 с.
- Кеба А. В. «Точка зрения» в контексте повествовательных стратегий // Біблія і культура: Зб. наук. ст. Чернівці: Рута, 2009. Вип. 11. С. 214–218.
- Колесникова Е. И. Духовные контексты творчества Платонова // Творчество Андрея Платонова: Исследования и материалы. Библиография. СПб.: Наука, 2004. С. 34–60.
- Ливингстон А. Гамлет, Дванов, Живаго // Творчество Андрея Платонова. СПб., 2004. Кн. 3. С. 227–241.
- Михеев М. Ю. В мир Платонова через его язык. Предположения, факты, истолкования, догадки. М.: Изд-во МГУ, 2002. 407 с.
- Пенкина Н. В. Философские идеи прозы Андрея Платонова: проблема человека: Монография. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2012. 104 с.
- Подорога В. Евнух души (Позиция чтения и мир Платонова) // Вопросы философии. М.: Наука, 1989. № 3. С. 21–26.
- Полтавцева Н. Другой с позиций философской антропологии: процесс индивидуации в драматургии Андрея Платонова // Поэтика и риторика диалога: Сб. науч. ст. (к 60-летию проф. Т. Е. Автухович). Гродно: ГрГУ, 2011. С. 71–84.
- Полтавцева Н. Образ Другого в драматургии Андрея Платонова: синтез имагологии и философской антропологии // Літературна компаративістика. Вип. IV: Имагологічний аспект сучасної компаративістики: стратегії та парадигми. Ч. II. К.: ВД «Стилос», 2011. С. 171–200.
- Силантьев И. В. Поэтика мотива. М.: Языки славянской культуры, 2004. 296 с.
- Спирidonova И. А. Творчество Андрея Платонова: Проблемы интерпретации художественного текста: Учеб. пособие. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. 155 с.
- Шёквист Л. К вопросу об антропоморфности нарратора в романе «Чевенгур» // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2005. Вып. 6. С. 432–441.
- Шубин Л. В. Поиски смысла отдельного и общего существования: Об Андрее Платонове. Работы разных лет. М., 1987. 368 с.
- Яблоков Е. А. На берегу неба (Роман Андрея Платонова «Чевенгур»). СПб.: Petropolis, 2001. 375 с.
- Яблоков Е. А. Принцип художественного мышления А. Платонова «“И так, и обратно” в романе “Чевенгур”» // Филологические записки. Вып. 13. Воронеж, 1999. С. 14–27.
- Svenska Akademiens ordbok. Available at: <http://g3.spraakdata.gu.se/saob/> (accessed 12.09.2016).
- Forsgren J. Levnadsteckning över Sven Vallmark // Båfvernytt. Medlemsblad för Härnösands Släktforskare. 1999. № 20. Available at: http://harnoforskare.eu/bafvernytt/bn_020.pdf (accessed 12.09.2016).
- Platonov A. Don Quijote i revolutionen. Stockholm: P. A. Norstedt & Söners förlag, 1973. 317 p.
- Lane T. Andrey Platonov: The Forgotten Dream of the Revolution [manuskript].

Romanovskaya I. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

**“EUNUCH OF THE HUMAN SOUL...” IN A. PLATONOV’S NOVEL “TCHEVENGUR”:
A DIALOGUE OF THE RUSSIAN AND SWEDISH LITERARY CRITICISM**

The Swedish translation of A. Platonov’s novel “Don Quixote in the Revolution” (1973, translated by S. Valmark) is introduced into the scientific circulation for the first time. Scientific articles of Swedish researchers dealing with the study of the novel in focus are also presented. Using a method of receptive analysis we studied one of the central fragments of the novel pertaining the issue of “the eunuch of the human soul” in its modern Swedish and the Russian reading. Philosophical, philosophical-anthropological, and psychological approaches were employed in the course of our research. It was demonstrated that some Swedish researches (P.-A. Bodin, L. Sjökvist, T. Lane) use an integrated approach in the study of the novel. They research the phenomenon of Platonov’s language, the genre model, the motive of duplicity, the image of “Another” and discover new areas of the novel to be studied further. The Swedish translation of “Don Quixote in Revolution”, as well as the original text of “Tchevengur”, create a new concept of the literary genre by combining lines of utopia and dystopia. However, if in “Tchevengur” the anti-utopian social imagination of undesirable future dominates, in “Don Quixote in Revolution” the utopian line is expressed much stronger. The lack of unity in the definition of the role of “the eunuch of the human soul” in the art space of the novel and the choice of approaches employed in its study are conditioned by its threefold status of the art text (a metaphor, an image, a motive). The research pays special attention to the topoi used by the Swedish researches in focus and to the lingua cultural reasons conditioning the rapprochement of “the eunuch of the human soul” and “angel” images in Swedish perception.

Key words: “Tchevengur”, A. Platonov, “the eunuch of the human soul”, metaphor, image, motive, psychoanalysis, narrative, Swedish reception, S. Valmark, P.-A. Bodin, L. Sjökvist, T. Lane

REFERENCES

1. Bodin P.-A. Kingdom beyond the grave and Babel tower. About Platonov’s story “The Foundation Pit” [Zagrobnoe tsarstvo i Vavilonskaya bashnya. O povesti Platonova “Kotlovan”]. *Klassitsizm i modernizm*. Tartu, 1994. P. 168–183.
2. V’yugin V. Yu. *Andrey Platonov: poetika zagadki (Ocherk stanovleniya i evolyutsii stilya)* [Andrey Platonov: the poetic riddle (Sketch of formation and evolution of style)]. St. Petersburg, RKhGI Publ., 2004. 440 p.
3. Dmitrovskaya M. A. Problem of human consciousness in A. Platonov’s novel “Tchevengur” [Problema chelovecheskogo soznaniya v romane A. Platonova “Chevengur”]. *Tvorchestvo Andrey Platonova: Issledovaniya i materialy. Bibliografiya*. St. Petersburg, Nauka Publ., 1995. P. 39–52.
4. Durdin A. *Potaenny myslitel’. Tvorcheskoe soznanie Andrey Platonova v svete russkoy dukhovnosti i kul’tury* [Undercover thinker. Creative consciousness of Andrey Platonov in the light of the Russian spirituality and culture]. Ulyanovsk, UIGTU Publ., 2000. 172 p.
5. Кеба А. В. «Точка зрения» в контексте повествовательных стратегий // Библия і культура: Зб. наук. ст. Чернівці: Рута, 2009. Вип. 11. С. 214–218.
6. Kolesnikova E. I. Spiritual contexts of Platonov’s creativity [Dukhovnye konteksty tvorchestva Platonova]. *Tvorchestvo Andrey Platonova: Issledovaniya i materialy. Bibliografiya*. St. Petersburg, Nauka Publ., 1995. P. 34–60.
7. Livingston A. Hamlet, Dvanov, Zhivago [Gamlet, Dvanov, Zhivago]. *Tvorchestvo Andrey Platonova*. 2004. Book 3. P. 227–241.
8. Mikheev M. Yu. *V mir Platonova cherez ego yazyk. Predpolozheniya, fakty, istolkovaniya, dogadki* [To Platonov’s world through his language. Assumptions, facts, interpretations, guesses]. Moscow, MGU Publ., 2002. 407 p.
9. Penkina N. V. *Filosofskie idei prozy Andrey Platonova: problema cheloveka* [Philosophical ideas of Andrey Platonov’s prose: problem of the person]. Nizhnevartovsk, NGU Publ., 2012. 104 p.
10. Podoroga V. Eunuch of soul. Position of reading and Platonov’s world [Evnukh dushi (Pozitsiya chteniya i mir Platonova)]. *Voprosy filosofii*. 1989. № 3. P. 21–26.
11. Poltavtseva N. Another from positions of philosophical anthropology: process of an individuation in Andrey Platonov’s dramatic art [Drugoy s pozitsii filosofskoy antropologii: protsess individuatsii v dramaturgii Andrey Platonova]. *Poetika i ritorika dialoga*. Grodno, GrGU Publ., 2011. P. 71–84.
12. Poltavtseva N. Image of Another in Andrey Platonov’s dramatic art: the synthesis of imagology and philosophical anthropology [Obraz Drugogo v dramaturgii Andrey Platonova: sintez imagologii i filosofskoy antropologii]. *Літературна компаративістика*. Вип. IV: Імагологічний аспект сучасної компаративістики: стратегії та парадигми. Ч. II. К.: ВД “Стилос”, 2011. С. 171–200.
13. Silant’ev I. V. *Poetika motiva* [Motive poetics]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul’tury Publ., 2004. 296 p.
14. Spiridonova I. A. *Tvorchestvo Andrey Platonova: Problemy interpretatsii khudozhestvennogo teksta* [Andrey Platonov’s creativity: Problems of interpretation of the art text]. Petrozavodsk, PetrGU Publ., 2012. 155 p.
15. Sekvist L. To a question of an anthropomorphical narrator in the novel “Tchevengur” [K voprosu ob antropomorfnosti narratora v romane “Chevengur”]. *Strana filosofov Andrey Platonova: problemy tvorchestva*. Moscow, IMLI RAN Publ., 2005. Issue 6. P. 432–441.
16. Shubin L. V. *Poiski smysla ot del’nogo i obshchego sushchestvovaniya: Ob Andree Platonove. Raboty raznykh let* [Searches of sense of separate and general existence: About Andrey Platonov. Works of different years]. Moscow, 1987. 368 p.
17. Yablokov E. A. *Na beregu neba (Roman Andrey Platonova “Chevengur”)* [On the bank of the sky (Roman of Andrey Platonov “Tchevengur”)]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 2001. 375 p.
18. Yablokov E. A. The principle of art thinking ““Both so, and back” in the novel “Tchevengur”” [Printsip khudozhestvennogo myshleniya A. Platonova ““I tak, i obratno” v romane “Chevengur””]. *Filologicheskie zapiski*. Vol. 13. Voronezh, 1999. P. 14–27.
19. Svenska Akademiens ordbok. Available at: <http://g3.spraakdata.gu.se/saob/> (accessed 12.09.2016).
20. Forsgren J. Levnadsteckning över Sven Vallmark // Bäfvernytt. Medlemsblad för Härnösands Släktforskare. 1999. № 20. Available at: http://harnoforskare.eu/bafvernytt/bn_020.pdf (accessed 12.09.2016).
21. Platonov A. *Don Quijote i revolutionen*. Stockholm: P. A. Norstedt & Söners förlag, 1973. 317 p.
22. Lane T. *Andrey Platonov: The Forgotten Dream of the Revolution* [manuskript].

Поступила в редакцию 14.11.2016

ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА РАЗУМОВА

доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Центра гуманитарных проблем Баренц-региона, Кольский
научный центр РАН (Апатиты, Российская Федерация)
irinazarumova@yandex.ru

Рец. на кн.: Дубровская Е. Ю. Российская революция 1917 года и Гражданская война в памяти населения Карелии. – Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. гос. ун-та, 2016. – 110 с.

Изучение социальной памяти общностей различных исторических эпох и национально-культурных традиций в настоящее время представляет самостоятельную область как междисциплинарных, так и собственно исторических исследований, выполняемых в рамках интерпретативной или интегративной парадигм. Развитие этой области происходит в направлениях все большей проблемно-тематической и региональной спецификации.

В этом отношении интересна недавно увидевшая свет монография Е. Ю. Дубровской «Российская революция 1917 года и Гражданская война в памяти населения Карелии», соответствующая жанру научных историко-антропологических очерков. Работа выполнена в рамках проекта «Роль коммуникаций в культуре локальных сообществ в период революции и сталинской модернизации: от столичного Петрограда к Карельскому приграничью», которым руководила доцент кафедры отечественной истории ИИПСН ПетрГУ С. Н. Филимончик (Программа стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 годы «Университетский комплекс в научно-образовательном пространстве Европейского Севера: стратегия инновационного развития»).

Рецензируемая монография примечательна тем, что исторические события, которые в данном случае являются содержанием памяти (революция 1917 года и Гражданская война), отделены от ее современных носителей так называемой «дрейфующей лакуной» (Я. Вансина), которая нарушает прямую преемственность «живого предания». А вместе с тем в современной России эта история актуальна, она заново переживается определенной частью населения и по-разному используется политическими субъектами, что затрудняет, в частности, преподавание истории. Это требует особых методов анализа источников, высокого уровня исторической рефлексии исследователя, который объективно не может не иметь собственной позиции. Е. Ю. Дубровская подчеркивает, что исследование связано с проблемами осмысления населением Российской Карелии событий, связанных с общественно-политическими переменами в стране в переломные

1917–1920 годы, с трансформацией исторической памяти участников и очевидцев событий. Это позволило по-новому взглянуть «на общественную жизнь и политическую историю края» в указанный период, часто рассматривавшиеся лишь как «борьба политических партий за власть» (с. 4–5). Избранные концептуальные основания помогли автору монографии достичь достойных результатов, которые побуждают к развитию данного направления региональных исторических исследований.

Методологически в работе удачно сочетаются объективистский, основанный на всестороннем знании социально-исторических реалий, и интерпретативный подходы. Последний, в свою очередь, базируется на внимательном отношении автора к социологическим характеристикам «помнящих общностей» и их отдельных представителей, позицию которых обнаруживают источники разного вида, прежде всего в «Рассказах о Гражданской войне», записанных в 1930–1950-х годах и хранящихся в Научном архиве Карельского НЦ РАН.

Выводы Е. Ю. Дубровской, касающиеся мифологизации рассматриваемых исторических событий, процессов и субъектов, значения традиционных коммеморативных практик, без сомнения, заслуживают внимания, и с приведенными заключениями трудно не согласиться. В этой связи наиболее яркими представляются глава о пространстве городского праздника и сюжет о «Карельском отряде» – национальном военном формировании, действовавшем в Беломорской Карелии в 1918 году, на заключительном этапе Первой мировой войны, а также после ее окончания, в период вооруженного противостояния участников кровопролитной Гражданской войны на Севере России. Думается, что наблюдения автора могут быть развиты и уточнены при условии сопоставимых по материалу и подходу исследований о данном периоде в других конкретных регионах, на других социальных группах и источниках. Однако и на этом этапе разработки темы авторские заключения в значительной степени носят не гипотетический характер, а являются аргументированными благодаря обширной документальной основе и тонкой исследовательской интерпретации.

Источниковую базу монографии, помимо воспоминаний, хранящихся в Научном архиве КарНЦ РАН, составили документы Национального архива Республики Карелия и Научного архива Национального музея Республики Карелия. Значительная часть ценных архивных материалов впервые выявлена, проанализирована и представлена исторической науке. В полной мере использованы информативные возможности мемуарных, автобиографических, биографических, фольклоризированных источников, периодической печати и других опубликованных свидетельств.

Новизна работы состоит в историко-антропологическом подходе к известным и новым сюжетам и персоналиям истории Карелии. Исследование отличается внимательным отношением автора к когнитивным аспектам рассматриваемых событий, оно заполняет лакуны в освещении ряда конкретных обстоятельств «истории людей». Е. Ю. Дубровская приводит множество ценнейших биографических материалов, свидетельств поведения представителей определенной социальной среды в зависимости от историко-политических контекстов.

В заключение автор приходит к выводу, что войны и революции являются важнейшими социальными маркерами, через которые выражаются персональные переживания и опыт участников и очевидцев происходившего. Мож-

но утверждать, что исследуемый период имел огромное значение для формирования советской и – шире – российской идентичности: «Он вообрал в себя как события мировой и Гражданской войн, так и протестные действия крестьян на севере Карелии, соединенные с попытками финнов вмешаться в их конфликт с советской властью, что привело к противостоянию регулярной армии и населения приграничья. Образ смерти и постоянная ее угроза, сопровождавшие экстремальные события, стали важнейшим элементом в механизмах запоминания/воспоминания отдельного человека и целых социальных групп и сообществ» (с. 104).

Издание монографии осуществлено в рамках реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 годы и при поддержке программы фундаментальных исследований РАН «Историческая память и российская идентичность» (проект «Исторический опыт Карелии XX века и идентичность населения пограничного региона», руководитель д. и. н. О. П. Илюха).

Новая монография Е. Ю. Дубровской вносит существенный вклад в историографию Карелии эпохи революции 1917 года и Гражданской войны. Книга читается легко и с интересом, она будет полезна как для специалистов, так и для широкого образованного читателя и учащейся молодежи.

Поступила в редакцию 30.01.2017

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

- Antoshchenko A. V.*
GEORGE FEDOTOV'S REFLECTIONS ON THE
FEBRUARY REVOLUTION IN RUSSIA 7
- Solodkin Ya. G.*
TOMSK'S VOIVODE RECORD – A CHRONICLE
OR A DEPARTMENTAL DOCUMENT? 14
- Summanen I. M., Svetov S. A.*
ICP-MS ANALYSIS OF THE HAND-BUILT CE-
RAMICS OF MEDIEVAL KARELIAN SITES 18
- Feklova T. Yu., Zhang Jiuchen*
INVESTIGATION OF CHINA IN THE XIX CEN-
TURY: SCIENTIFIC ASPECTS OF THE RUS-
SIAN ORTHODOX MISSION 27
- Proydakov A. A., Suvorov Yu. V.*
SERBIAN GENOCIDE AS A PART OF THE IN-
DEPENDENT STATE OF CROATIA'S POLICY
(1941–1945) 37
- Dzhaparidze A. V.*
MATERIAL BASE DEVELOPMENT OF AMA-
TEUR TOURISM IN KARELIA IN 1960–1980s 41

PHILOLOGICAL SCIENCES

- Evtushenko O. A.*
WRITTEN EMBODIMENT OF ADMINISTRA-
TIVE DISCOURSE: OFFICIAL, MEMORANDA,
EXPLANATORY NOTES 46
- Orlova T. A., Tremaskina O. A.*
VERBALIZATION OF THE “DANGER” CON-
CEPT IN ENGLISH ECONOMIC MEDIA TEXTS
OF CRISES TIMES 51
- Kunil'skiy A. E.*
VITALISM IN RUSSIAN LITERATURE OF THE
FIRST HALF OF THE XIXth CENTURY 55
- Loyter S. M.*
K. V. CHISTOV'S RESEARCH ON FOLKLORE
POETRY OF IRINA FEDOSOVA 61
- Zmeeva O. V., Razumova I. A.*
THE SAMI SAGA AS A “SOURCE” ON THE HIS-
TORY OF AVALANCHE DEFENSE IN Khibiny 67

- Pigin A. V.*
THE UNKNOWN AUTOGRAPH OF THE VY-
GOVSK OLD BELIEVER SCRIBE OF THE 18th
CENTURY DANIIL MATVEEV BORN IN KAR-
GOPOL 74
- Snigireva T. A., Podchinenov A. V., Snigirev A. V.*
ETHNIC AND NATIONAL PROBLEMS IN
B. AKUNIN'S WORK (PROJECT “HISTORY OF
THE RUSSIAN STATE”) 80
- Gusarova A. D.*
THE WORLD OF FANTASY CREATION (ON
PSYCHOLOGICAL TRUTHFULNESS RE-
QUIREMENTS IN FANTASTIC FICTION) 86
- Kotova A. V.*
ON COMPOSITION OF SIMILE CHAINS IN
VIRGIL'S “AENEID” 90
- Luk'yanova L. M.*
ON PETRARCH'S PHILOSOPHICAL PROSE
PRINCIPLES OF TRANSLATION 94
- Safron E. A.*
A “CONTEMPTIBLE” CHARACTER OF
NORTHERN EUROPE FAIRY TALES 98
- Kunil'skaya D. S.*
ANTIQUÉ AND CHRISTIAN TRADITIONS IN
THE NOVEL “ODYSSEUS POLICHRONIADES”
BY K. N. LEONTIEV 102
- Matashina I. S.*
GENERATION OF “MEN ABOUT TOWN”
WRITERS AND RUNAR SCHILDT 106
- Romanovskaya I. V.*
“EUNUCH OF THE HUMAN SOUL...” IN
A. PLATONOV'S NOVEL “TCHEVENGUR”:
A DIALOGUE OF THE RUSSIAN AND SWED-
ISH LITERARY CRITICISM 110
- Reviews**
- Razumova I. A.*
The book review: Dubrovskaja E. Yu. The Russian
revolution of the 1917 and the subsequent Civil war
in memoirs of Karelian population 116